

Pražská rusistika

**RECENZOVANÝ SBORNÍK PŘÍSPĚVKŮ Z KONFERENCE PRAŽSKÁ
RUSISTIKA 2016**

KONANÉ DNE 31. KVĚTNA 2016 V PRAZE

PRAHA, 2016

Pražská rusistika 2016

**recenzovaný sborník příspěvků z konference konané dne 31. května 2016
v Praze**

Jakub Konečný (ed.)

Pořadatel:

Katedra rusistiky a lingvodidaktiky Pedagogické fakulty Univerzity Karlovy

Organizační výbor konference:

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D., Mgr. Veronika Kaplanová, PhDr. Jakub Konečný, Ph.D.

Recenzenti:

Mgr. Elena Vasilyeva, CSc.

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D.

PhDr. Jakub Konečný, Ph.D.

Za jazykovou úroveň jednotlivých příspěvků zodpovídají jejich autoři.

Vydavatel: Univerzita Karlova – Pedagogická fakulta

Rok vydání: 2016

Vydání: první

Počet stran: 125

ISBN: 978-80-7290-887-5

Пражская Русистика 2016

**рецензированный сборник статей конференции, состоявшейся 31 мая
2016 г. в Праге**

Якуб Конечны (составитель)

Организатор:

Кафедра русистики и лингводидактики Педагогического факультета Карлова
Университета

Организационный комитет:

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D., Mgr. Veronika Kaplanová, PhDr. Jakub Konečný, Ph.D.

Рецензенты:

Елена Анатольевна Васильева, кандидат пед. наук (Mgr. Elena Vasilyeva, CSc.)

Ленка Розбодова, доктор (PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D.)

Якуб Конечны, доктор (PhDr. Jakub Konečný, Ph.D.)

За языковой уровень отдельных статей несут ответственность их авторы.

Издательство: Карлов Университет – Педагогический факультет

Год издания: 2016

Издание: первое

Количество страниц: 125

ISBN: 978-80-7290-887-5

Obsah – Содержание

Předmluva – Предисловие	5
Языковая игра с прецедентными текстами в газетных заголовках	6
Сопоставительный анализ девербативов в русском и чешском языках	11
Функциональная роль коммуникативных средств русского языка в формировании стереотипа речевого поведения представителей Средней Азии	19
Португальский акцент в области произношения русских согласных	25
Русские губные согласные звуки в интерферированной речи носителей английского, вьетнамского и испанского языков	32
Frazeologismy francouzského původu v současném ruském jazyce	37
О фразеологической параметризации фразеосхемы «Да ну + N1!»	48
К вопросу о контекстуальных трансформациях фразеологических неологизмов в русском языке	56
Об особенностях изучения русской фразеологии в рамках дисциплины РКИ	62
Лингводидактический анализ текстов спортивного репортажа (на примере репортажей с соревнований по зимним видам спорта)	66
Польский и русский языки в личной документации	74
Definícia ako determinujúci faktor efektívnej odbornej komunikácie vedecko-technických (strojárskych) textov	83
Неологизмы в творчестве Велимира Хлебникова	90
Тема власти в произведениях Антона Чехова	101
Překlad tvorby Vladimira Sorokina do češtiny	110
Освещение непроверенной информации – на примере выступления министра культуры РФ в польских СМИ	118

Předmluva – Предисловие

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается четвёртый сборник конференции Пражская русистика, которая продолжает традицию студенческих конференций, проходивших на кафедре русистики и лингводидактики Педагогического факультета Карлова университета.

Начиная с 2013 года, на педагогическом факультете ежегодно встречаются молодые русисты не только из Чехии, но и Словакии, Польши, России и других стран. Участниками конференции являются бакалавры, магистры и аспиранты. Цель встречи – представить результаты своей научной работы. Сборник, предлагаемый вашему вниманию, содержит как статьи участников майской встречи, так и статьи, присланные лишь для публикации.

В сборник вошли статьи, посвящённые разным темам и направлениям русистики. Мы надеемся, что вы найдёте в нём интересующую вас информацию.

Прага, 3 октября 2016 г.

Организационный комитет конференции

Языковая игра с прецедентными текстами в газетных заголовках

Ольга Евгеньевна Ермачкова

Annotation

This article deals with precedent texts, which were modified by a language game. The main attention was paid to the analysis of newspaper headlines with precedent texts based on literature compositions, famous poems and idioms. The reasons of this phenomenon are also discussed and explained.

Keywords

language game, literature, headline, transformation, precedent text.

Язык средств массовой информации привлекает исследователей уже не одно десятилетие. Рассматривая явления и процессы, происходящие на газетной полосе, лингвисты отмечают тяготение к приемам, обеспечивающим максимальную экспрессивность, образность, креативность и яркость. Одним из таких приемов является языковая игра. Среди множества дефиниций данного явления мы единодушны с лингвистами, определяющими языковую игру как *творчество* и *лингвокреатив*. Как подчеркивает Б.Ю. Норман: «Языковая игра – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, это ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» (Норман, 1987, с.168).

На наш взгляд, весьма частотным явлением стала языковая игра с прецедентными текстами. Такая игра сознательно вызывает у читателя воспоминание о каком-либо существующем тексте. Речь идет о тексте, который ученые называют *прецедентным*. Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращения к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов, 1987, с. 216).

В настоящей статье предпринята попытка сделать обзор игровых газетных заголовков, в которых наблюдается игра с прецедентными текстами произведений художественной литературы и объяснить причины такого явления.

Источником языкового материала послужили газеты периода 2013-2016 гг.: «Аргументы и Факты» (АиФ), «Комсомольская правда» (КП), «Московский комсомолец» (МК), «Коммерсантъ» (К), «Российская газета» (РГ), «Новые известия» (НИ).

1. Языковая игра с названиями произведений художественной литературы

Такая игра, как правило, строится за счет лексической трансформации, то есть замены одного или нескольких компонентов. Такие заголовки отсылают нас к названиям известных книг. Приведем некоторые примеры:

А зоны здесь тихие (К, 28.11.15) – о финансовых дырах России; *Омары здесь тихие* (К, 19.01.16) – о критике фильма; *А жены здесь тихие* (К, 10.02.16) – о фильме на семейную тему; *Надзоры здесь тихие* (К, 05.02.16) – о реформе надзорно-контрольных

функций; *Убийцы здесь тихие* (МК, 5.05.16) – о деталях убийства; *А Доны здесь тихие* (КП, 21.05.15) – о новой экранизации романа «Тихий Дон». В этих заголовках обыгрывается название повести В. Васильева «А зори здесь тихие...», которая была экранизирована.

Как запрещалась сталь? (К, 04.05.16) – о лицензировании импорта; *Как закалялась сталь?* (К, 05.04.16) – о балерине и ее педагоге; *Как закалялась Дамасская сталь* (РГ, 17.09.15) – на сирийскую тематику. Здесь наблюдаем игру с названием автобиографического романа советского писателя Н.А. Островского «Как закалялась сталь», который был также экранизирован.

Горе от подиума (К, 18.02.16) – о прокате фильма. Обыгрывается название комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

Похороните меня за Плутоном! (МК, 15.07.15) – о подробностях уникальной миссии американского корабля. Фиксируем игру с названием автобиографической повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом».

Вложение и наказание (РГ, 20.02.16) – о штрафах за нарушение закона о рекламе. Здесь видим игру с названием романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Отцы и эти (КП, 07.07.14) – о звездных папах футболистов. В данном примере прецедентным было название романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Над пропастью во ржи (АиФ, 10.06.15) – о неправдивых данных. Газетный заголовок апеллирует к роману Джерома Селинджера «Над пропастью во ржи».

Десять дней, которые потрясли мир (КП, 16.04.15) – о звездной диете. Данный заголовок отсылает к названию книги «Десять дней, которые потрясли мир» американского журналиста Джона Рида.

50 оттенков Строскана (КП, 19.02.15) – об обвинении политика; *50 оттенков против серости* (КП, 03.04.13) – о бестселлере; *50 оттенков желтого* (АиФ, 20.02.15) – о гепатите. В этих заголовках обыгрывается название романа Э.Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого».

Блеск и нищета Киевских маршруток (КП, 15.03.13); *Блеск и нищета «голубых фишек»* (НИ, 14.05.15) – об инвесторах и вкладах. Прецедентным было произведение «Блеск и нищета куртизанок» французского классика Оноре де Бальзака.

2. Языковая игра со стихотворениями

Многочисленны заголовки, которые вызывают в нашей памяти строки из стихотворений. Такие заголовки строятся как с помощью лексической, так и синтаксической трансформации. Приведем наиболее яркие примеры:

Я бы в тренеры пошел – пусть меня научат (КП, 19.03.15) – о карьере футболиста; *Я бы в айтишники пошел, пусть меня научат!* (КП, 04.11.14) – о престижных профессиях; *Я бы в Штирлицы пошел, пусть меня научат* (КП, 25.12.14) – о разведчиках; *Я бы в геймеры пошел, пусть меня научат!* (КП, 15.04.16) – о компьютерных играх; *Стану христианином – пусть меня научат* (МК, 28.05.16) – о беженцах, которые принимают крещение. В этих заголовках наблюдаем игру со стихотворением Владимира Маяковского «Кем быть?».

Умом Россию не понять. Но по жестам можно! (КП, 14.03.14) – о популярных телодвижениях. Здесь обыгрывается четверостишие «Умом Россию не понять» Федора

Тютчева. По нашему мнению, заголовок *Судом Россию не пронять* (К, 11.10.15) – о реформах, также построен по модели стихотворения Федора Тютчева.

Ох, не легкая это работа – заманивать жениха своим фото (КП, 16.05.14) – о советах по размещению фотографий; *Ох, тяжелая эта работа – делать слушанья для народа* (МК, 6.08.15) – о реплике Елены Березиной. В этих заголовках обыгрывается фраза «Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота!» из стихотворной сказки «Телефон» детского поэта Корнея Ивановича Чуковского.

Еще несколько фраз из стихотворных сказок «Доктор Айболит» и «Бармалей» К.И. Чуковского обыгрываются в следующих заголовках:

Привози сюда лечиться (МК, 19.05.16) – о запрете ввоза лекарств из других стран (ср. *Добрый доктор Айболит! Он под деревом сидит. Приходи к нему лечиться. И корова, и волчица*); *Не ходите байкеры в Африку гулять* (КП, 18.03.13) – о кругосветном путешествии байкеров (ср. *Маленькие дети! Ни за что на свете. Не ходите в Африку, В Африку гулять!*).

Стихотворные произведения являются весьма благоприятным материалом для игры благодаря своему звучанию и ритмике:

Улица. Фонарь. Ипотека (РГ, 7.10.15) – о программе льготной ипотеки. Данный заголовок воспроизводит в нашей памяти стихотворение Александра Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека».

Юноша бедный в туре горящем (МК, 08.08.15) – статья о туристических поездках. В данном случае обыгрывается строчка «Юноша бледный со взором горящим» из стихотворения «Юному поэту» основоположника русского символизма В. Брюсова.

И быстрых разумом рабочих (РГ, 03.08.15) – о том, что людям полезных профессий будет легче стать гражданами России. Этот заголовок прецедентно обыгрывает строчку «И быстрых разумом Невтонов» из «Оды на день восшествия» М.В. Ломоносова.

С нашей точки зрения, наиболее частотны случаи игры с текстами А.С. Пушкина, которые иллюстрируют данные публицистические заголовки:

Мы всех ревнуем понемногу (КП, 29.11.14) – о причинах ревности (ср. *Мы все учились понемногу* из романа «Евгений Онегин»).

Я к Вам пишу и шлю по ходу чмоки (КП, 09.08.14) – о жанре любовного письма (ср. *Я к вам пишу – чего же боле?* из романа «Евгений Онегин»).

Наш жулик — самых честных правил (МК, 03.08.15) – о мошенничествах, которые не являются уголовным преступлением (ср. *Мой дядя самых честных правил* из романа «Евгений Онегин»).

И грабить торопится, и убивать спешит (МК, 15.08.15) – о преступнике, ограбившем магазин и убившем покупательницу, которого помог задержать таксист. (ср. *И жить торопится, и чувствовать спешит!* – эта строка поставлена эпиграфом к первой главе «Евгения Онегина»).

Я бакс любил (КП, 06.08.15) – об интересных фактах о деньгах (ср. *Я вас любил* – стихотворение А.С. Пушкина, написанное в 1829 году).

Март: о сколько в нем событий чудных... (КП, 28.03.14) – о мартовской погоде (ср. *О сколько нам открытий чудных* – стихотворение А.С. Пушкина).

Лемуры и солнце – день чудесный (КП, 4.05.2016) – о том, что очаровательные лемуры, обрадовавшись весне и солнцу на Туманном Альбионе, максимально пытались его в себя «впитать» (ср. *Мороз и солнце; день чудесный!* – первая строчка из стихотворения «Зимнее утро» А.С. Пушкина).

Злость, тоска меня съедает... (МК, 10.04.15) – об исследовании: почему жители Москвы так агрессивны (ср. *Грусть-тоска меня съедает* – строка из «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина).

Белка песенки поет, фотокамеры крадет (КП, 04.12.14) – о кражах (ср. *Белка песенки поет. Да орешки все грызет* – строка из «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина). Произведения еще одного классика – М.Ю. Лермонтова также многократно обыгрываются на газетной полосе:

Да, были леди в наше время (КП, 13.06.14) – о женском батальоне (ср. *Да, были люди в наше время* из стихотворения «Бородино» М.Ю. Лермонтова); *Скажи-ка, зритель, ведь недаром болтали люди в фильме старом* (КП 07.04.16) – о кинематографе (ср. *Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром* из стихотворения «Бородино» М.Ю. Лермонтова).

3. Языковая игра с крылатыми выражениями

Зачастую можно встретить в названиях газетных публикаций языковые игры с крылатыми выражениями, пришедшими к нам из произведений художественной литературы. Примерами служат следующие заголовки:

Утром деньги, вечером – газ (КП, 18.10.14) – о газовом вопросе; *Утром – реформы, вечером деньги* (КП, 15.12.14) – об условиях МВФ. В данных случаях обыгрывается популярная фраза *Утром деньги, вечером стулья* из романа «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова.

Мы в ответе за тех, кого ополчили (К, 07.05.15) – про пособников Холокоста. Здесь наблюдаем игру с известной фразой *Мы в ответе за тех, кого приручили* из произведения А. Сент-Экзюпери «Маленький принц».

В жизни всегда есть место соседу (КП 05.03.14) – о взаимоотношениях с соседями. В данном заголовке можно проследить игру с цитатой *В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам* из произведения Максима Горького «Старуха Изергиль».

Какой русский не любит платной езды (К, 16.11.15) – о платном проезде по автобану. Здесь отмечаем игру с выражением *И какой же русский не любит быстрой езды?* из поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя.

Есть еще кадры в пороховницах (К, 05.04.16) – о возвращении министра на работу. Обыгрываемое выражение *Есть еще порох в пороховницах* восходит к повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба».

Такое активное использование прецедентных текстов известных художественных произведений в качестве материала для публицистических заголовков объясняется тесными и сильными связями русского общественного сознания с литературой.

Мы считаем, что это связано с глубоким и детальным изучением литературы с самого раннего детства. Любовь, уважение и интерес к литературным произведениям

прививается со школьной скамьи. Вот почему цитаты и реплики героев из художественных произведений, ставшие впоследствии крылатыми; стихотворения, выученные на память в школьные годы, прочно вошли в лексикон читателя, хранятся в его памяти всю жизнь.

Связь с литературой имеет и ряд культурологических доводов. Начиная с Древней Руси и вплоть до XIX века, русская литература занимала лидирующую позицию в истории культуры. Культуролог И. Кондаков утверждает, «что можно говорить о таком метаисторическом свойстве русской культуры как *литературоцентризм* – упорное тяготение культуры в целом к литературно-словесным формам саморепрезентации» (Кондаков, 2008, с.5). Среди основных причин данного явления ученый называет специфический тип русской ментальности, связанный с жизнью слова; ход культурно-исторического процесса; результаты межкультурного взаимодействия с Западом и Востоком; уникальный исторический опыт России, способствовавший формированию словесного самосознания русской культуры; своеобразие и богатство самого русского языка, выразительные возможности которого позволяли передавать в словесной форме масштабные идеи и образы (Кондаков, 2008, с.5-44).

Тяга публицистов к использованию в своих текстах аллюзий на художественные произведения в очередной раз доказывает актуальность литературы и ее почетное место в современном обществе.

Используемая литература

- КАРАУЛОВ, Юрий. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука, 1987.
- КОНДАКОВ, Игорь. По ту сторону слова. *Вопросы литературы*. 2008(5). с. 5-44. ISSN 0042-8795.
- НОРМАН, Борис. *Язык: знакомый незнакомец*. Минск: Вышэйшая школа, 1987.

Ермачкова Ольга Евгеньевна/ Iermachkova Olga, Mgr.

Университет Константина Философа в Нитре

ул. Сланчиковей 1, 94901, Нитра, Словакия

o.iermachkova@gmail.com

Ермачкова Ольга Евгеньевна в настоящее время является аспиранткой второго курса Университета Константина в Нитре. В сферу её научных интересов входит языковая игра в рекламном и публицистическом дискурсах.

Сопоставительный анализ девербативов в русском и чешском языках

Елена Андреевна Бастракова

Annotation

Verbal nouns with the meaning of action and process are one of the modes of action's expression in Slavic languages and in most of Romano-Germanic languages. This word class represents a non-isosemic mean of expression of action and has its peculiarities in every language. Even in related languages verbal nouns reveal significant differences in derivation and in functioning. So, in Czech and in Russian the verbal nouns are at different stages in their relation to the verb: Czech verbal nouns have such grammatical categories as aspect (Slavic *vid*) and reflexivity, while Russian verbal nouns have only nominal categories. Verbal nouns are an important part of a linguo-didactic system, and the analysis of this material should include the significant aspects of students' native languages, it should also be based on the results of the comparison of the corresponding fragments of the mother tongue and the language studied. When teaching this material, several aspects that present difficulties for foreign students must be considered, in particular, derivational, grammatical and stylistic.

Keywords

Deverbativ, verbal noun, name of action, isosemy, grammatical categories, derivation, linguo-didactic system of a language.

Термин «девербатив» (*deverbativum*) обозначает производные от глагола, имеющие различный характер. Девербативами могут называться и существительные типа «рисование», «полет» (чешск. *malování, let*), и существительные типа «рисунок», «самолет» (чешск. *malba, letadlo*). С таким широким пониманием термина девербатив мы встречаемся в работах Д. Миронова (2008), Е. Lotko (1998) и других.

В ряде исследований девербативами называют более узкую группу существительных, а именно те, которые, будучи образованными от глагола, сохраняют и глагольную семантику, а именно отглагольные существительные, обозначающие действие или процесс. Для обозначения данной группы слов наряду с термином «девербатив» используются следующие: отпредикатные имена (Падучева, 1991), имена действия *nomina actionis*, имена ситуации (Апресян, 1974), предикатные имена (Пазельская, 2003).

Таким образом, в данной работе мы придерживаемся узкого понимания термина «девербатив», нас интересуют случаи синтаксической деривации (Курилович, 1962), так называемой «чистой пропозиции». Из двух процессов (лексической деривации и синтаксической деривации) (Курилович, 1962) внимание сосредоточено на синтаксической деривации, то есть тех случаях, когда только морфологические характеристики и синтаксическая функция существительного отличаются, а лексическое значение остается прежним. Например, *Čtenář si ověřuje danou informaci v jiných zdrojích* → *Ověřování dané informace čtenářem v jiných zdrojích* (Читатель проверяет данную информацию в других источниках – Проверка данной информации читателем в других источниках).

В чешской лингвистике отглагольные существительные называют *podstatné jméno slovesné* (имя глагольное). Различия в терминологии и в подходах к описанию девербативов в разных языках (в том числе, в русском, английском, польском, чешском) обуславливается не только спецификой лингвистической традиции и существованием

множества подходов к объекту изучения, но, в первую очередь, рядом особенностей самих объектов: существительные со значением действия в различных славянских языках имеют особенности и занимают разное место в языковой системе.

Девербативы представляют собой сложное гибридное образование, с одной стороны, они сохраняют глагольную семантику, однако по своим категориальным признакам причисляются к именам существительным. Отглагольные существительные со значением действия и процесса наследуют лексическое значение и актантную структуру глагола (ср.: *анализировать статью* – *анализ статьи*, объектная валентность), однако обладают категориями рода числа и падежа. Отметим, что актантная структура сохраняется на семантическом уровне, а ее синтаксическое представление имеет определенную специфику. В ряде случаев может происходить так называемое «низведение субъекта» (Гак, 2010): *Пентагон изучает инцидент с обстрелом союзников в Сирии; Савченко обсудит обмен пленными с представителями ДНР и ЛНР*. В такого рода предложениях девербатив позволяет избежать эксплицитного выражения субъекта действия, что обычно обусловлено коммуникативным намерением автора высказывания.

Имена действия представляют особую трудность при изучении русского языка как иностранного, поскольку они являются неизосемическим средством обозначения действия, а в тексте образуют неизосемические конструкции. Изосемичность (от греч. *isos* – ‘равный’, ‘подобный’, *sema* – ‘знак’) / неизосемичность слов отражает соответствие/несоответствие частеречной принадлежности слова его категориальному значению. Понятие изосемии в теоретической синтаксис было введено Г. А. Золотовой в работе «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» (Золотова, 1982) и активно используется в преподавании русского языка как иностранного (Всеволодова, 2000). Основным, изосемическим способом обозначения действия является глагол, а отглагольные имена в русском языке представляют собой образования гибридного характера, поскольку относятся по грамматическим признакам к имени существительному.

В ряде работ описание семантики отглагольного существительного сводится к описанию его категориальной (частеречной) принадлежности. Например: «существительное отглагольное (существительное глагольное, глагольное имя, имя действия) – существительное, образованное от глагольной основы и обозначающее действие (состояние, процесс) как «опредмеченное», «субстантивированное», т.е. представляющее его в наиболее общем и отвлеченном смысле» (Ахманова, 1966, 465). На современном этапе развития лингвистики таких определений как «опредмеченное действие» ученые стараются избегать, поскольку так или иначе существительные типа *бег, чтение, разговор* описывают действие, а не предмет, а определение «опредмеченное действие» является достаточно размытым и неточным. На наш взгляд, здесь стоит говорить об особенностях категоризации действия, но не об «опредмечивании».

Для анализа отглагольных имен в различных славянских языках принципиальным оказывается определение разницы между глагольными формами и отглагольными образованиями. Этот вопрос решается лингвистами по-разному. Так, с точки зрения Исаченко, глаголами считаются лексемы, которые включают в себя понятие времени (также рассматривается вопрос изменения по лицам). Глагольными формами называют

«формы словоизменения, составляющие в своей совокупности глагольную лексему», а отглагольными образованиями – «самостоятельные лексемы, образованные от глагольных корней и характеризуемые, как правило, неглагольной парадигмой, или же полным отсутствием какой-либо флексии (наречия, предлоги, союзы)» (Исаченко, 1954, с. 11).

Фундаментальным различием отглагольных имен со значением действия и процесса в разных славянских языках (в частности, в русском и чешском) является степень сохранения глагольных категорий в именах существительных. Если считать категорию вида признаком, достаточным для включения лексемы в состав парадигмы глагола, то чешские девербативы (как и девербативы ряда других западнославянских языков) войдут в парадигму глагола, в то время как русские девербативы (не имеющие категории вида) в глагольную парадигму, безусловно, не войдут. Таким образом, следует учитывать, что данный класс слов в разных языках представлен по-разному (прежде всего, отличаются морфологические характеристики образований и особенности их функционирования).

В ряде случаев, однако, можно говорить о том, что в русском языке существуют существительные, противопоставленные по виду. Так, А.М. Пешковский (1956) в качестве примера приводит лексемы *произношение* – *произнесение*, однако и здесь видовое противопоставление не такое очевидное, как у глаголов (то же самое можно отнести к паре *спасение* – *спасание*, в данной паре второе существительное гораздо менее частотно в сравнении с первым). В большинстве случаев, однако, двум глаголам в русском языке соответствует одно отглагольное существительное (*разъяснить*, *разъяснять* – *разъяснение*). Среди примеров сохранения видовой семантики (случаев единичных для русской лексической системы) можно привести следующие: *владение* – *овладение*, *хранение* – *сохранение*.

Отметим, что утрата видовой семантики в отглагольных именах действия характерна для современного состояния русского языка. Для древнерусского языка от видовой пары достаточно регулярно могли образовываться два существительных, сохранявших противопоставление по виду.

В современном чешском языке противопоставленными по виду оказываются многие отглагольные имена (ср.: *psaní, napsání; překládání, přeložení*). Более того, если русские отглагольные существительные не имеют категории возвратности (существительное *купание* соотносится с невозвратным и возвратным глаголами: *купать* и *купаться*), то в чешском же языке это противопоставление сохраняется: *učení cizím jazykům je těžké* (обучение иностранным языкам трудно) – *učení se cizím jazykům je těžké* (изучение иностранных языков трудно).

Таким образом, чешские и русские имена действия имеют разные морфологические характеристики, как отмечает J. Piša (1960, с. 268), чешские отглагольные имена глубже вросли в глагольную систему и гораздо четче отражают залог и вид. Более того, образование имен существительных со значением действия и процесса в чешском языке характеризуется большей регулярностью, чем в русском. В русском языке, в свою очередь, несколько более частотны такие отглагольные образования, как причастия и причастные обороты. Обусловлено это, в частности, различием исторического развития языков. Так, «в соответствии с чешской

лингвистической традицией все подобные образования [причастия] рассматриваются в общей массе отглагольных прилагательных и категориально не оформлены...» (Изотов, 1993, с. 2). Русский литературный язык формировался, главным образом, на основе церковно-славянского языка, в котором весьма частотными являются причастия и причастные обороты, тогда как на чешский язык огромное влияние оказал немецкий (Изотов, 1993). Этим в значительной степени и обусловлен тот факт, что в чешском языке (в сравнении с русским) более регулярно использование отглагольных существительных со значением действия и процесса.

В чешском и русском языках сильно отличаются словообразовательные потенции глагола. В чешском языке имеются почти неограниченные деривационные возможности, а в русском языке они значительно уже. Сравним примеры (Vasiljevova, 2002, с. 85):

prát – prádlo – pradena – prادلák (чешский язык);
стирать – белье – прачка – мойщик (русский язык);
vážít - váha – vahadlo – váhání – váhavost (чешский язык);
весить – вес – коромысло – колебание – нерешительность (русский язык).

В чешском языке отглагольные существительные обычно оканчиваются на -ní или -tí, и эти формы всегда образуются параллельно страдательным причастиям на -ný и -tý.

При этом от инфинитивов на -át или -at образуется существительное на -ání (в двусложных словах) или -ání (в некоторых двусложных и большинстве трехсложных слов). Инфинитивам на -ovat соответствуют существительные на -ování. Например, *psání knih* (писание книг), *napsání článku* (написание статьи), *prášek na spaní* (снотворное: порошок для сна).

Для инфинитивов на -et, -ět или -ít, отглагольные существительные будут оканчиваться на -ení или -ění. Например, *ježdění na kole* (езда на велосипеде), *vaření brambor* (приготовление картофеля), *dokončení studii* (окончание обучения), *zákaz kouření* (запрет курения).

Для инфинитивов на -ít, отглагольные имена оканчиваются на -ení. Например, *zavřetí oken* (закрывание окон), *otevřetí klubu* (открытие клуба).

Существительные, образованные от инфинитивов на -nout, оканчиваются -nutí. Например, *blbnutí na sněhu* (игра на снегу), *dům na spadnutí* (падающий дом).

Большинству односложных инфинитивов на -ýt и -ít, соответствуют существительные на -utí или -ití (при этом -ý- или -í- сокращается). Например, *škola šití* (школа шитья), *pítí alkoholu* (питье алкоголя), *lehkost bytí* (легкость бытия).

От глаголов на -ct, -st, and -zt, образуются девербативы на -ení. Например, *módní oblečení* (модная одежда), *zajímavé čtení* (интересное чтение), *ukradení majetku* (кража имущества).

Обычно при образовании существительных от возвратных глаголов *se/si* сохраняется. Например, *učení* “обучение (кого-либо)” и *učení se* “изучение”.

Отметим, что отглагольные существительные в чешском языке также делятся на две группы: обозначающие действие или процесс (*orání*, пахота) и существительные с приращением дополнительных смыслов (*orba*, вспашка). При этом первая группа

существительных реже сохраняет -ся: *smát se – smích* (смеяться – смех), *chlubit se – chloubá* (хвастаться – похвала), *hádat se – hádka* (ссориться – ссора).

Существительные второй группы могут иметь или не иметь *se/si*: *modlit se - dávají na modlení* (молиться – моление), *pomyšlit si - kalí tu náladu pomyšlení* (помыслить – помышление). *Takové hašteření se místo vážné diskuse nemůže být na prospěch věci* (такие споры вместо серьезного дела не могут быть на пользу дела). Нередки в чешском языке случаи употребления типа *učení sebe samého* (изучение себя самого), характерные и для русского языка (значение направленности действия на самого себя).

Большинство отглагольных существительных оканчивается в чешском языке на -í, и поэтому относятся к среднему роду и имеют одинаковую парадигму склонения. В соответствии с их значением, отглагольные имена почти всегда употребляются в единственном числе, что значит, что все члены парадигмы будут иметь окончание -í за исключением творительного падежа (*ím*).

Некоторые отглагольные существительные могут иметь и формы множественного числа (например, *rozhodnutí – решения*), следовательно, они имеют окончания соответствующего типа склонения во множественном числе.

В русском языке отглагольные существительные образуются с помощью таких суффиксов, как -ние/-нье, -ение, -тие/-тье, -ка, -ство, -ота/-ета, -ие, -ация, -аж, -ба и других, а также с помощью нулевой суффиксации. Подробно словообразовательные модели русских отглагольных имен представлены в «Русской грамматике» (Русская грамматика I, 1979, с. 611).

Отметим, что в русском языке отглагольные существительные, обозначающие действие и процесс могут быть и женского (*агитация*), и мужского (*анализ*), и среднего (*решение*) рода. Обычно они употребляются в единственном числе. В некоторых случаях девербатив имеет форму множественного числа (*После долгих блужданий мы добрались до ночлега; Настоящее требует не восклицаний, а поступков и решений*). От глаголов могут образовываться также имена *pluralia tantum*: *хлопотать – хлопоты, пересуживать – пересуды*.

В предложении отглагольные имена функционируют как существительные, однако обращают на себя внимание различия глагольного и именного управления.

A hned nato založil novou iniciativu. И сразу нато ввело новую инициативу. (В данном случае глагол управляет винительным падежом).

Píšeme o založení firmy. Пишем об основании компании. (Отглагольное существительное управляет родительным падежом).

В русском языке глагольное и именное управление в большинстве случаев различно. Происходит замена винительного падежа на родительный при переходных глаголах: *сдавать экзамен – сдача экзамена, изучать физику – изучение физики, спасти человека – спасение человека, объяснить тему – объяснение темы, анализировать статью – анализ статьи* и т.д. В ряде случаев винительный падеж меняется на дательный с предлогом: *ненавидеть ложь – ненависть ко лжи, презирать хамство – презрение к хамству, уважать старших – уважение к старшим* и т.д. При непереходных глаголах управление в редких случаях может меняться (*интересоваться учебой –*

интерес к учебе), однако чаще оно не меняется: *руководить издательством – руководство издательством, увлекаться рисованием – увлечение рисованием, жаловаться на здоровье – жалоба на здоровье, указать на ошибку – указание на ошибку, дружить с соседями – дружба с соседями, помогать другу – помощь другу* и др.

Отглагольные существительные в чешском языке могут образовываться как от глаголов совершенного, так и от глаголов несовершенного вида. Отметим, что при этом происходит параллельное образование слов, то есть глаголу совершенного вида соответствует одно существительное, а глаголу несовершенного вида – образованное от него второе существительное.

překládat (переводить):

Vedle psaní románů se věnovala i překládání z francouzštiny. Кроме написания романов она посвятила себя переводам с французского.

přeložit (перевести):

Chtěla bych vás poprosit o přeložení věty do angličtiny. Я бы хотела попросит Вас о переводе этого предложения на английский (перевести это предложение на английский).

В этом случае *překládání* обозначает длительный процесс, а в предложении с *přeložení* описывается единичное действие.

čistit (чистить):

Čištění zubů elektrickými zubními kartáčky je snazší.

Чистка зубов электрической зубной щеткой проще.

vyčistit (почистить)

Ústní vody má smysl používat pouze pokud jsou doplňkem po důkladném vyčištění zubů. Имеет смысл использовать средство для полоскания рта как дополнение после (почистки) того, как тщательно почистили зубы.

vysvětlovat (объяснять)

Asi mě nechápete a za to se omlouvám. Moc mi nejde vysvětlování.

Ты, наверное, не понял меня, я прошу прощения. У меня не очень хорошо получается объяснять (у меня не очень идет объяснение)

vysvětlit (объяснить)

Poslanci žádají po Schwarzenbergovi vysvětlení tajemného setkání.

Члены парламента попросили Шварценберга объясниться (дать объяснение) этого секретного парламента.

В первом случае используется форма отглагольного существительного несовершенного вида, а во втором (поскольку речь идет об однократном действии) – отглагольное существительное совершенного вида.

Таким образом, отглагольные имена со значением действия и процесса в русском и чешском языках имеют существенные различия как в образовании, так и в функционировании. Они стоят на разных ступенях «наследования» глагольных категорий, что обуславливает различие их грамматических характеристик и поведение

в предложении-высказывании. Сопоставительное изучение девербативов в чешском и русском языках позволяет установить их типологические и специфические черты. Материалы этого сопоставления могут быть использованы при разработке учебных материалов по соответствующей грамматической теме с целью их дальнейшего использования на практических занятиях по русскому языку как иностранному. Изучение данного материала в учебной аудитории должно происходить последовательно: на словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях, а также на уровне текста и дискурса.

Используемая литература

- LOTKO, Edvard. *Slovník lingvistických termínů pro filology*. 1. vyd. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 1998. ISBN 80-7067-965-4.
- PÍŠA, J. K charakteristice skladebního užití podstatných jmen slovesných v ruštině. IN: Rusko – české studie. *Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze, Jazyk a literatura II*, 1960. str. 267-272.
- VASILJEVOVÁ, Valerie. Substantivní derivace v češtině a v ruštině z hlediska konfrontační lingvistiky. IN: *Čeština univerzální a specifika*. Praha, 2002. str. 85-90.
- АПРЕСЯН, Юрий. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Языки русской культуры, 1995. ISBN: 5-88766-043-0
- АХМАНОВА, Ольга. *Словарь лингвистических терминов* Москва: Советская энциклопедия, 1966.
- ЗОЛОТОВА, Галина. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. - Москва: Наука, 1982.
- ВСЕВОЛОДОВА, Майя. *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник*. - Москва: Изд-во МГУ, 2000.
- ГАК Владимир. *Языковые преобразования. Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. ISBN 978-5-397-01229-4.
- ИЗОТОВ, Андрей. *Чешские атрибутивные причастия на фоне русских*. Москва: МГУ, 1993.
- ИСАЧЕНКО, Александр. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким - часть первая*. Братислава: Издательство словацкой академии наук, 1954.
- КУРИЛОВИЧ Ежи. *Очерки по лингвистике*. М., 1962.
- МИРОНОВ, Дмитрий. *Глагольность в сфере имен: к проблеме семантического описания девербативов (на материале русского языка)*. Таллин: TLU kirjastus, 2008.
- ПАДУЧЕВА, Елена. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте. *НТИ*, Сер. 2. 1991. № 5. С. 21--31.
- ПАЗЕЛЬСКАЯ, Анна. Аспектуальность и русские предикатные имена. *Вопросы языкознания*, 2003. №4. С. 72-90.

- ПЕШКОВСКИЙ, Александр. *Русский синтаксис в научном освещении*. – Москва: Учпедгиз, 1956.
- *Русская грамматика*, т. 1-2, Прага, 1979.

Бастракова Елена Андреевна

магистрант I года обучения филологического факультета МГУ имени М.В.

Ломоносова.

г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д.120, к.85.

24lenka07@mail.ru

В 2011 году окончила «Политехнический лицей-интернат» г. Йошкар-Ола, в 2015 году с отличием окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, обучалась на кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, а также на кафедре английского языкознания. Обучаюсь в магистратуре филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Сфера интересов: лингводидактика, лингвокультурология, функциональный синтаксис, английский язык.

Функциональная роль коммуникативных средств русского языка в формировании стереотипа речевого поведения представителей Средней Азии

Татьяна Григорьевна Шихалкина

Annotation

The paper deals with the analysis of Russian communicative means that are used by Russian actors while playing roles of Asian characters. The communicative behavior stereotype can be realized in two cases - in the case of the character, or in contrast with the communication strategy of the representatives of other nations, in this case, the Russian society.

Keywords

communicative means, stereotype, invariant, communicative semantics

В рамках настоящего исследования нами был проведен анализ роли коммуникативных средств русского языка в формировании образа восточного человека. Для описания функциональной нагрузки коммуникативных средств мы использовали метод М.Г. Безяевой. Отметим, что в языке существуют два уровня для передачи информации: **номинативный** и **коммуникативный**. Первый передает информацию о действительности, преломленную в сознании говорящего. Цель же коммуникативного уровня заключается в соотношении позиций говорящего, слушающего, в оценке и квалификации ситуации. **Коммуникативный уровень** представляет собой особую систему, образованную такими единицами как целеустановки, вариативные ряды конструкций им соответствующие, которые сформированы коммуникативными средствами с инвариантными параметрами, подчиняющимися алгоритмам развертывания. При реализации **инвариантных** параметров какого-либо средства: 1) «ряд из них может иметь антонимическое развертывание, в то время как 2) сами параметры и их реализации могут относиться только к позиции говорящего, только к позиции слушающего или ситуации, быть распределенными между позициями слушающего, говорящего или ситуацией». При этом возможно раскрытие инвариантного параметра по данным конкретной ситуации или по норме (Безяева, 2002, 12).

В качестве материала для анализа в работе использовались мультфильм «Ходжа Насреддин» и фильмы: «Мусульманин», «Белое солнце пустыни», «Джентльмены удачи» и «Три тополя на Плющихе».

В нашем исследовании мы проанализировали стереотип представителей Центральной Азии, выраженный как коммуникативное поведение **прецедентного героя**, так и в ситуациях **контраста с коммуникативной стратегией представителей русского социума**. Конечно, в звучащей речи представителей Центральной Азии мы можем наблюдать проявление **акцента**, однако в нашей работе нас будут интересовать русские средства, формирующие образ данных героев. Мы можем выделить для стереотипа набор определенных характеристик, представленных коммуникативными средствами русского языка. Заметим, что **параметры**, характеризующие стереотип, сформированы в русском сознании, образуются русскими коммуникативными

средствами, и именно этот стабильный **набор параметров** показывает нам, что перед нами представитель Центральной Азии.

В ходе работы мы выделили следующие характеристики: *Неэмоциональность, Компетентность, Нормы социума с актуализацией иерархии, Ориентация на позицию собеседника.*

Неэмоциональность. Основным средством выражения данного параметра является сужение спектра коммуникативных средств. Например, по сравнению с каскадом средств в речи представителей русского социума речь героев востока ограничена одной или двумя интонационными конструкциями и минимальным набором коммуникативных средств. Если говорить об интонации, то чаще всего мы слышим ИК1 с инвариантным параметром нормы как средство характеризующего подчинение героя нормам другого социума или как следование своей собственной норме. Речь представителей востока стратегически отличается от русской количеством средств и их активизации в речи. Но нельзя сказать, что неэмоциональность присуща только представителям востока, она может характеризовать представителя и русского социума. Этот параметр будет реализоваться в ситуации опасного развития действий, маркируя определенные качества героев.

Для примера неэмоциональной речи представителя востока обратим внимание на следующий отрывок из фильма «*Мусульманин*». Диалог героя с боевым товарищем, который приехал, чтобы убить «предателя»:

- Зна³ешь,/ что меня спасло¹?

- Не¹/ т

- (крестится) Вот это¹./ И тебя³, / между про³чим,/ то же. / Вот и ты², / перекрести²сь.

- Как²?

- Ну¹² / как все нормальные лю²¹ди крестятся. / Вот та к¹² (показывает).

- А¹. / Вы левой руко¹й.

- Это ж я от рожд²ения / левша². / Когда волну¹юсь. / Я же и стреля³²ю/ ле²вой. / Во²³т!

Русский герой пользуется множеством средств, в то время как актер, исполняющий роль героя-мусульманина предельно сокращает свои реплики, минимизируя набор коммуникативных средств. Ответы героя чаще всего однословные -

Не¹/ т, Как²?. Речь боевого товарища наполнена разнообразными коммуникативными средствами, целеустановками – вопрос, требование, обвинение, догадка, эмоциональными структурами. Одним из ряда используемых коммуникативных средств в речи боевого товарища будет несколько раз возникающее **вот**, маркирующее реализованность одной ситуации, соответствующей целям и интересам говорящего. **Ну вот** сообщит о реализованности одного варианта, соответствующего целям собеседника и в соответствии с ожиданиями героя. **Ж, же** выражают напоминание, говорят о том, что слушающий должен был вспомнить о том, что его командир был левша, а не вспомнил.

На примере мультфильма «Ходжа Насреддин» отметим факт, что эмоциональное речевое поведение характеризует исключительно отрицательных персонажей – стражника, султана и глашатая.

Для героя из Ташкента фильма «Джентльмены удачи» будет характерна неэмоциональность речи, но она контрастирует с эксплицитными средствами коммуникативных конструкций

- Иди² отсюда. /Тебе что² сказано,/ ну² /уйди² давай!

- Нехороший ты человек,¹ /косо й,¹ /зло й/¹ как соба¹ка.

Когда героя начинают прогонять, он абсолютно неэмоционально реагирует, используя ИК1 с параметром нормы. Но на фоне коммуникативной сдержанности герой номинативно эксплицирует оскорбление, что создает комический эффект.

Компетентность. В отличие от других национальных стереотипов, которые характеризуются константностью характеристик, в коммуникативном стереотипе представителей Центральной Азии характеристика компетентность может раскрываться антонимически, следовательно, в образах этот параметр может реализоваться **компетентность** или **некомпетентность**, это в свою очередь может восприниматься как мудрость и хитрость или как глупость и наивность. В некоторых случаях эти характеристики могут совпадать в одном образе.

Так, в мультфильме «Ходжа Насреддин» мы наблюдали мудрость у главного героя, а соединение хитрости и глупости у отрицательных персонажей. Отметим, что параметр компетентности и некомпетентности может создаваться не только русскими средствами, например, **Уах** и **Вах**, которые могут сообщить о компетентности говорящего или реализовать параметр некомпетентности, формируя характеристику глупости.

Ходжа Насреддин: Если ты его не пропу⁴стишь,/ не сноси¹ть /тебе¹ /голови²!

Страж на переправе: Почему²?

Ходжа Насреддин: Этот осёл³ /– двоюрдный брат¹ /осла нашего великого⁶ /падишаха!²

Страж на переправе: Уа²х!

Однако более интересным является реализация параметра компетентности, который тесно связан с параметром знания нормы социума, сформированный русскими средствами.

Так, например, в диалоге из фильма «Мусульманин» герой говорит о знании норм в нравственном плане, что отражается с помощью ИК6 как параметр знания того свода норм, которым он следует, и ИК2 с выделением единственно правильного варианта в оппозиции ко всем другим, который реализуется или должен быть реализован.

- Аллах милосе²рден!

- Аллах – Аллах! /Заколебал своим Аллахом!/ У нас бог – Христос/ и святые
всякие,/ ²понял?

- Алл[о]х – это /имя/ ⁶бога./ Понима¹ешь? /Только ¹имя./ Бог ²один, /а имен у него
⁶много, да.

Еще одним примером, где коммуникативное противостояние представлений говорящего норме, прописанное не только номинативно, но и каскадом коммуникативных средств, является диалог Сухова и Гюльчатай в фильме «Белое солнце пустыни».

- Моя жена ⁴дома.

- А разве ты не можешь сказать, что Гюльчатай – /твоя ³любимая ⁴жена. /Разве она
²обидится?

- Хе! /Обидится. /Сколько ²раз тебе ⁷объяснять,/ нам ²полагается только ²одна жена,
/³понятно? /Одна. /Но ²разве ^{3²}плохо, /одну ⁶тебя ²любит ²муж,/ одной тебе ²презент
дарит,/ ²заботится,² /бережет,³ /плохо?

- Хорошо. ⁶

- Ну ²вот.

- Одна ⁶жена ¹любит,/ одна ⁶одежду ¹шьет,/ одна ³пищу ⁴варит,/ одна ³детей ⁴
кормит./ И ⁶все ²одна?

В диалоге Сухова и Гюльчатай представлена своеобразная война компетентности и знания норм. Причем в речи наивной Гюльчатай это отражается использованием ИК4 с параметром соотношения представлений героев, ИК6 с параметром знания в реализации обдумывания норм другого социума, при этом номинативные аргументы Сухова, которые сопровождаются яркой коммуникативной дорожкой (Хе - отклонение от нормы, ИК7 резкое отклонение от нормы, ИК2 на слове Обидится, вводящее противопоставление данного варианта варианту его жены, а также каскад модальных ИК2 с параметром бенефактивных следствий выводимой информации и завершающее Ну вот со значением ожидания говорящего Ну и вот – вариант соответствия целям и интересам собеседницы) не убеждают героиню, продолжающую обдумывать отклоняющейся от нормы вариант (ИК6 ИК4).

В то же время коммуникативные средства могут не только противопоставлять нормы двух социумов, но и отражать попытку героя в этот социум войти. Так герой из фильма «Джентльмены удачи» совершает неудачные попытки подчиниться нормам другого социума, и отсюда мы наблюдаем отклонения от системы норм использования коммуникативных средств, что передается проявлением коммуникативного акцента, что в свою очередь создает комический эффект.

- Ноги вытира²йте, /пожалуйста. Две¹рь закрывайте.

- Ну ты дае²шь!

- Нрав³ится?

- Хе²!

- Кушать по² дано!/ Садитесь жра²ть, пожалуйста!

Неожиданное **Пожалуйста** в речи уголовного, причем взаимодействующее с ИК2, а не с необходимой в русском языке ИК3, наличие структур высокого регистра общения (кушать подано) контрастирующее со сниженной лексикой (садитесь жрать) создает комический эффект.

Следующий параметр – это параметр **Ориентации на позицию собеседника**. Если в русских текстах мы видим активное использование параметра ориентации на позицию собеседника в каскаде целеустановок, а также средств, используемых для этого, то в коммуникативном поведении представителей восточного социума мы видим минимальную ориентацию на позицию собеседника, однако степень ее реализации будет различной.

Так, для Ходжи ориентация на позицию собеседника прежде всего связана с намерением обмануть его. Мы наблюдали, что такой подход типичен только для совершения действий небенефактивных для собеседника.

В речевом поведении героев фильма «Белое солнце пустыни» Саид и Сухов явно противопоставлены. Для Саида неприемлема любая ориентация на позицию собеседника (только ИК2, противопоставляющая его «единственно правильный вариант» с позицией собеседника), так как в его системе норм она не предусматривается, а Сухов наоборот активно использует данный параметр реализуя каскад целеустановок – сетование (ИК7, говорящее о расхождении норм), извинение (**Ну** несоответствие ожидание говорящим, **ИК3, А**), оценка (**Совсем, И так** маркирует результат ситуации, несоответствующей норме, **Ну вот** передает значение соответствия целям и интересам слушающего, **Уж, Больно** говорящее о недостижении порога бенефактивности, ИК6, ИК2\(\)).

- Вот тебе сухари,² /пшена⁶ на дорогу. /Подзадержался я здесь.² Полгода как отслужил,⁶ / а всё мотаюсь по пескам этим!⁷ / Сколько⁶ лет дома не был!² Ну вот,² /пока хватит.² / В Педжете еще² че-нибудь раздобудешь. /А я,³ извини,¹ / не могу.¹ / И та² / к большой круг дал.² / Теперь напрямую пойду,² / вот так!⁶ / До Волги доберусь,⁶ /а там и до Самарырукой подать.¹

- Не будет покоя,¹ /пока жив Джавдет.¹ /Зачем вы⁴ копал?

- Мертвому,⁶ конечно,³ / хм, споко³ йней. /Но уж больно/¹ скучно!³ /А что у тебя с этим,² / Джавдетом?

- Отца³ /убил,¹ /меня закопал,¹ /четыре²х баранов взял. /Больше у нас не¹ было.

Ядром коммуникативного обучения являются упражнения и задания. На основании нашей работы мы разработали систему упражнений, использование которой возможно, если учащийся находится на продвинутом уровне и уже знаком с системой коммуникативных единиц и их значений. В качестве материала упражнений использовался неадаптированный текст реплик из художественных фильмов. Практическая значимость учебных упражнений состоит в том, что применение данной методики комментирования увеличивает объем восприятия лингвострановедческого материала, развивает навыки и умения, необходимые для адекватного восприятия и понимания русской речи, мотивирует развитие внутренней речи. На данный момент единицы коммуникативного уровня даются на занятиях в ограниченном количестве, с небольшим комментарием, а техника их усвоения – запоминание (например, синтаксические фразеологизмы). В нашем случае понимание семантики коммуникативного уровня русского языка происходит с помощью логики использования тех или иных средств, а также их функционирование в художественном тексте.

Таким образом, с одной стороны, мы видим, что коммуникативные параметры, существующие в русском языковом сознании и сформированные средствами коммуникативного уровня русского языка, могут создать портрет представителя любой нации, в данном случае представителя Центральной Азии, как наряду с наличием, так и при полном отсутствии акцента. С другой стороны, противопоставление речевого поведения представителей Центральной Азии и русского социума подчеркивает необходимость использования средств коммуникативного уровня языка в русской речи, так как их отсутствие или сокращение создает эффект ее нерусскости, что особенно важно осознавать студентам-иностранцам.

Используемая литература

- БЕЗЯЕВА, Мария Геннадьевна. *Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге*. Москва: Изд-во МГУ, 2002. ISBN 5-211-04750-8.
- БРЫЗГУНОВА, Елена Андреевна. *Звуки и интонация русской речи*. Москва: Прогресс, 1969. ISBN отсутствует.
- ВЕЖБИЦКАЯ, Анна. *Язык, культура, познание*. Москва: Русские словари, 1996. ISBN: 5-89216-002-5.

Шихалкина Татьяна Григорьевна

магистрант I курса

Кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, МГУ

Россия, Москва, ул. Удальцова, д.10, кв.69, 119415
shikhalkina@gmail.com

Португальский акцент в области произношения русских согласных

Диана Давидян

Annotation

The article deals with the major pronounce deviations of Russian consonants, which are made by Portuguese people from Lisbon. The author describes Portuguese students' mistakes and the reasons for their occurrence.

Keywords

consonants, Portuguese accent, positional patterns, native language, foreign language.

Целью данного исследования является анализ отклонений в области произношения русских согласных в интерферирующей речи образованных носителей португальского языка, проживающих в Лиссабоне, за основу взято лиссабонское произношение.

Анализ иностранного акцента представляет собой поэтапную работу. Для того чтобы проанализировать и устранить иностранный акцент в речи учащегося, необходимо хорошо знать фонетическую систему его родного языка, поскольку учащиеся, как писал С.И. Бернштейн, «воспринимают звучание чужой речи сквозь призму фонетической системы родного языка» (Бернштейн, 1937, с. 13).

В данном исследовании проводится сопоставительный анализ русских и португальских согласных по трем направлениям (Бархударова, 2015):

- 1) сопоставление состава согласных фонем русского языка с составом согласных фонем португальского языка;
- 2) сопоставление особенностей артикуляционного образования русских согласных с особенностями артикуляционного образования португальских согласных;
- 3) сопоставление закономерностей варьирования согласных в русском языке с закономерностями варьирования согласных в португальском языке.

Прогноз ошибок послужил основой лингвистического эксперимента, в ходе которого носители португальского языка читали слова, словосочетания, предложения и тексты, содержащие фонетические трудности, актуальные для португальцев. В лингвистическом эксперименте приняли участие 14 информантов, которые находились на разном уровне владения русским языком.

Сначала сопоставляется фонетическая система русского языка с фонетической системой родного языка учащегося: сравниваются составы согласных фонем и характеризующие их признаки.

Как известно, разные исследователи выделяют в русском языке разное число согласных фонем. Не все признают отдельными фонемами мягкие заднеязычные /к'/, /г'/, /х'/, а также фонемы /ш':/ и /ж':/, поэтому минимальный набор согласных фонем русского языка состоит из 32, а максимальный – из 37 (Князев, Пожарицкая, 2012, с. 230-231). В настоящей работе мы исходим из того, что система русского языка включает 36 русских согласных фонем. Система включает фонемы /к'/, /г'/, /х'/ и /ш':/, а [ж':] мы не рассматриваем как отдельную фонему, поскольку данная фонема имеется не во всех идиолектах СРЛЯ: везде, где произносится звук [ж':], параллельно может быть

произнесен звук [ж]. Очевидно, что при работе в иноязычной аудитории постановка произношения согласного [ж':], несомненно, оказывается как минимум избыточной, а может быть и вредной.

В португальском языке выделяют 21 согласную фонему, более чем на треть меньше, чем в русском языке. Это связано с тем, что русский язык – язык консонантного типа, а португальский язык – язык вокалического типа.

В таблицах ниже представлены системы согласных фонем русского и португальского языков.

Таблица 1: Противопоставление русских согласных фонем по месту образования

	Место образования										
	Губные				Язычные						
	губно-губные		губно-зубные		переднеязычные				среднеязычные	заднеязычные	
					зубные		переднеязычные		среднеязычные		
	тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.		тв.	м.
гл.	/п/	/п'/	/ф/	/ф'/	/т/	/т'/	/ш/	/ш':/		/к/	/к'/
				/с/	/с'/		/ч'/		/х/	/х'/	
				/ц/							
зв.	/б/	/б'/	/в/	/в'/	/д/	/д'/	/р/	/р'/	/j/	/г/	/г'/
	/м/	/м'/			/з/	/з'/	/ж/				
					/н/	/н'/					
					/л/	/л'/					

Таблица 2: Противопоставление русских согласных фонем по способу образования

Способ образования			Звонкие	Глухие
Шумные	Смычные (взрывные)	тв.	/б/, /д/, /г/	/п/, /т/, /к/
		м.	/б'/, /д'/, /г'/	/п'/, /т'/, /к'/
	Аффрикаты	тв.		/ц/
		м.		/ч'/
	Щелевые (фрикативные)	тв.	/в/, /з/, /ж/	/ф/, /с/, /ш/, /х/
		м.	/в'/, /з'/	/ф'/, /с'/, /ш':/, /х'/
м.		/j/		
Сонорные	Смычно-проходные	носовые	тв.	/м/, /н/
		тв.	/м'/, /н'/	
	боковые	тв.	/л/	
		м.	/л'/	
	дрожащие	тв.	/р/	
		м.	/р'/	

Таблица 3: Противопоставление португальских согласных фонем по месту образования

	Место образования							Увулярные	
	Губные		Язычные						
	губно-губные	губно-зубные	переднеязычные			среднеязычные			заднеязычные
			зубные	альвеолярные	передне-небные	средне-небные			задне-небные
гл.	/p/	/f/	/t/ /s/		/ʃ/		/k/		
зв.	/b/, [b] (вариант фонемы /b/) /m/	/v/	/d/, [d̃] (вариант фонемы /d/) /z/	/n/ /ɲ/, [ɲ] (вариант фонемы /n/) /l/	/ʒ/	/j/ /ɲ/ /ʎ/	/g/ /u/ [ŋ] (вариант фонемы /n/)	[ʀ] (вариант фонемы /r/)	

Таблица 4: Противопоставление португальских согласных фонем по способу образования

Способ образования		Звонкие	Глухие
Шумные	Смычные (взрывные)	/b/, [b] (вариант фонемы /b/), /d/, [d̃] (вариант фонемы /d/), /g/	/p/, /t/, /k/
	Щелевые (фрикативные)	/v/, /z/, /ʒ/	/f/, /s/, /ʃ/
Сонорные	Смычно-проходные	Носовые	/m/, /n/, /ɲ/, [ɲ] (вариант фонемы /n/)
		Боковые	/l/, [ɫ] (вариант фонемы /l/), /ʎ/
	Дрожащие	/r/, /ʀ/, [ʀ] (вариант фонемы /r/)	

Как видно из таблиц, в португальском и русском языках составы согласных фонем сильно различаются. В португальском языке нет аффрикат, глухого долгого мягкого шипящего и щелевых заднеязычных. В португальском языке, как и в большинстве европейских языков, нет дифференциального признака «твердость/мягкость», то есть, нет противопоставления твердых и мягких согласных. В то же время в португальском языке есть среднеязычные сонорные /ɲ/ и /ʎ/, которыми носители португальского языка часто заменяют русские мягкие переднеязычные зубные сонорные /n/ и /l/, что существенно искажает произношение, но не приводит к нарушению смысла. Поскольку русский и португальский языки имеют разный состав согласных фонем, при освоении

произношения русских согласных португальцы будут «чужой «репертуар» фонем «укладывать» в свой, фонологически привычный и для говорящего единственно приемлемый» (Реформатский, 1959, с. 147).

Из этого следует, что в португальском акценте, как и в любом другом, могут проявляться две тенденции в усвоении произношения изучаемого языка: первая – «подгонка разного чужого под одно свое, когда меньший фонемный репертуар своего языка накладывается на больший фонемный материал чужого языка» (Реформатский, 1959, с. 147).

Так, например, носители португальского языка заменяют русские фонемы /ц/, /ч'/, /ш/ и /ш':/ одной своей португальской фонемой /š/. В результате вместо русских звуков [ц], [ч'], [ш] и [ш':] португальцы произносят один свой [š]: *огур[š]и (огурцы), *бабо[š]ка (бабочка), *[š]есть (честь и шесть), *[š]ок (шок) и *[š]ёк (щёк).

В португальском языке отсутствует фонема /h/, поэтому в акценте вместо русского звука [х] португальцы произносят свой увулярный [R]: *[R]вост (хвост), *[R]вастаться (хвастаться), *[R]ицник (хищник), *[R]леб (хлеб), *[R]олодно (холодно).

Не стоит забывать о том, что одной из главных проблем в области произношения русских согласных у большинства иностранных учащихся является неразличение твердых и мягких согласных, в том числе сочетаний *та-тя-тья*, поскольку в их языках отсутствует противопоставление твердых и мягких согласных. Португальский язык не является исключением. У португальцев возникают проблемы с различением на слух и произношением слов типа *живём-живьём, завод-завет-завьёт, носы-носи, сад-сядь, суда-сюда, суды-суди-судьи, сыт-сито, ток-тёк* и других подобных. В акценте данные пары слов произносятся одинаково. Наблюдаются следующие ошибки: *жи[vio]м (живём) и *жи[vio]м (живьём), *ме[l] (мел) и *ме[l] (мель).

«Вторая тенденция вызвана обратным соотношением, когда фонемный репертуар своего языка шире, чем фонемный репертуар чужого языка на аналогичном участке фонетической системы» (Реформатский, 1959, с. 148). В этом случае португальцы будут выделять в произношении русских согласных несущественные, нефонологические признаки. Так, например, носители португальского языка выделяют в русском языке звук [ŋ], так как в португальском языке звук [ŋ] выступает как реализация фонемы /n/. Наблюдаются следующие ошибки: *ба[ŋ]к (банк), *ба[ŋ]ка (банка), *са[ŋ]ки (санки).

Сопоставив составы согласных фонем русского и португальского языков, переходим к сопоставлению особенностей артикуляционного образования согласных звуков в русском и португальском языках.

Как известно, совокупность произносительных привычек, движений и положений органов речи составляет произносительную, или артикуляционную базу языка (подробнее об артикуляционной базе см. (Брызгунова, 1977, с. 81-85)). Артикуляционная база звуков русского языка отличается от артикуляционной базы звуков португальского языка.

Сравнение артикуляционных баз звуков русского и португальского языков позволило сделать следующие выводы:

1) в португальском языке, в отличие от русского языка, есть увулярные артикуляции;

2) в русском языке опускание нёбной занавески при произнесении гласных звуков происходит только перед носовыми согласными, но при этом назализация гласных в русском языке не имеет фонематического значения. В португальском языке опускание нёбной занавески при артикуляции гласных звуков возможно в любых условиях, так как носовые и неносовые гласные противопоставляются друг другу как разные самостоятельные фонемы (Голубева, 1981, с. 12). Во многих позициях носители португальского языка произносят сильно назализованный гласный, а предшествующие носовые согласные ими опускаются. Это ведет к ошибкам, которые возникают из-за переноса позиционных закономерностей родного языка на изучаемый язык. Наблюдаются следующие ошибки: *бальз[ã] (*бальзам*), *дом[õ] (*домом*);

3) в русском языке преобладают дорсальные переднеязычные артикуляции, в отличие от португальского языка, где все переднеязычные согласные являются альвеолярными;

4) русский язык отличается от португальского наличием дополнительной артикуляции палатализации у части согласных.

Сопоставление особенностей артикуляционного образования согласных русского языка с особенностями артикуляционного образования согласных родного языка учащихся дает возможность выделить звуки сходные (или относительно сходные), мнимо сходные и характерные только для одной из систем – родной или изучаемой (Бархударова, 2014, с. 310).

В русском и португальском языках относительно сходными можно считать твердые губно-губные ([m] и [м], [p] и [п], [b] и [б]). Только в португальском языке есть заднеязычный носовой звук [ŋ], заднеязычный фрикативный сонорный [w] и увулярный дрожащий сонорный [r]. Только в русском языке есть мягкие согласные, аффрикаты [ц] и [ч'], шипящий [ш'], щелевые заднеязычные [x] и [x']. Все остальные русские и португальские звуки можно отнести к мнимо сходным, которые и являются основной проблемой в ходе обучения португальцев произношению. Например, португальский смягченный [ʒ] и русский шипящий [ж] являются мнимо сходными звуками. В акценте наблюдаются следующие ошибки: *[ʒ]ивой (*живой*), *[ʒ]изнь (*жизнь*), *[ʒ]ук (*жук*), *му[ʒ] (*муж*).

Исследуя особенности артикуляции согласных русского и португальского языков, мы отметили наличие в португальском языке, наряду с переднеязычным «раскатистым» [r] и переднеязычным одноударным [ɾ], увулярного «грассирующего» [R]. Проблема заключается в том, что увулярный [R] может употребляться в тех же позициях, что и «раскатистый» [r], и носители португальского языка все чаще заменяют «раскатистый» [r] «грассирующим» [R] (Голубева, 1981, с. 52-53). Например, *erro* [ˈɛru] ‘ошибка’, *resto* [ˈɾɛʃtu] ‘остальное’. Считается, что употребление «грассирующего» [R] характерно для лиссабонского произношения, которое в данной работе взято за основу. В акценте носителей португальского языка наблюдаются следующие ошибки: *no[R]ода (*порода*), *[R]абота (*работа*), *[R]адость (*радость*), *[R]итм (*ритм*), *[R]од (*род*). При этом замена русского дрожащего переднеязычного сонорного [r] португальским увулярным [R] в словах *радость*, *род* приводит к нарушению смысла, так как в силу этой замены в акценте носителей португальского языка перестают различаться на слух слова *радость*

и *гадость*, *род* и *год* из-за близости звучания португальского увулярного [r] и фрикативного [ʁ], который свойственен южным диалектам русского языка.

Важным и малоизученным направлением в области сопоставления фонетических систем родного и изучаемого языков является анализ их позиционных закономерностей (Бархударова, 2014, с. 314–327). В этом отношении португальский акцент в области произношения русских согласных представляют существенный интерес. Так, например, в португальском языке невозможно употребление переднеязычных зубных [s] и [z] в двух позициях: перед согласными и в абсолютном конце слова. В этих позициях происходит нейтрализация свистящих и шипящих согласных, и встречаются только шипящие звуки: *festa* [ˈfɛʃta] ‘праздник’, *luz* [luʃ] ‘свет’, *mes* [mɛʃ] ‘месяц’, *Lisboa* [liʒˈboɑ] ‘Лиссабон’, *bisneto* [biʒˈnɛtu] ‘правнук’ (Голубева, 1981, с. 45-48). В акценте русские переднеязычные зубные [c] и [z] меняются на португальские переднеязычные согласные [ʃ] и [ʒ]. Наблюдаются следующие ошибки: *зана[ʃ] (*запас*), *[ʒ]верь (*зверь*), *[ʒ]лить (*злить*), *[ʒ]вук (*звук*), *на[ʃ]начить (*назначить*), *обра[ʃ] (*образ*), *отка[ʃ] (*отказ*), *подно[ʃ] (*поднос*), *ра[ʒ]бивать (*разбивать*), *ра[ʒ]витие (*развитие*), *ра[ʃ]красить (*раскрасить*), *[ʃ]ка[ʃ]ка (*сказка*), *Тара[ʃ] (*Тарас*), *ча[ʃ] (*час*).

Важно отметить, что в португальском акценте достаточно часто не различаются минимальные пары слов типа *вас-ваш*, *нас-наш*, *стук-штук*, *стиль-шитель*, *поднос-под нож*.

В португальском языке в положении перед щелевыми согласными переднеязычные носовые не произносятся, а происходит сильная назализация предшествующего гласного: *infância* [ĩˈfɐ̃sjɐ] ‘детство’, *onze* [õzɐ] ‘одинадцать’. Это значит, что в акценте носители португальского языка будут делать следующие ошибки: *[ĩ]версия (*инверсия*), *[ĩ]формация (*информация*), *к[õ]вейер (*конвейер*), *к[õ]версия (*конверсия*), *к[õ]фета (*конфета*). Кроме того, в португальском языке невозможно употребление губного носового звука на конце слова перед паузой (Голубева, 1981, с. 48). Например, *bom* [bõ] ‘хороший’, *zardim* [ʒvɐˈdĩ] ‘сад’. Соответственно, у португальцев возникают проблемы в произношении слов *бальзам*, *джем*, *затем*, *крем*, *терем*, а также в произношении многих слов в форме творительного падежа единственного числа: *деревом*, *домом*, *селом*, *солнцем*, *столом*, *судом*. В словах, где губной носовой звук находится на конце слова перед паузой, носители португальского языка на конце слова произносят сильно назализованный гласный, а звук [m] ошибочно ими опускается: *бальз[ã] (*бальзам*), *дом[õ] (*домом*).

В одном случае позиционная закономерность португальского языка облегчает процесс обучения португальцев русскому произношению. Португальский веляризованный [ʎ], который является вариантом фонемы /ʎ/, совпадает по звучанию с русским твердым зубным звуком [л]. В португальском языке он встречается в абсолютном исходе слова, а также в положении перед согласными (Голубева, 1981, с. 51). Например, *sol* [sɔʎ] ‘солнце’, *calma* [ˈkaʎmɐ] ‘спокойствие’, *falta* [ˈfaʎtɐ] ‘ошибка’. Носители португальского языка произносят веляризованный звук [ʎ] в тех же самых позициях, то есть в абсолютном исходе слова и в положении перед согласными, в русских словах и, естественно, в названных позициях акцентные отклонения не фиксируются. На этом участке наблюдается положительный перенос фонетических

особенностей родного языка на изучаемый: позиционные закономерности обуславливают правильное произношение бокового [л].

Таким образом, в ходе обучения русскому языку португальцев необходимо уделять особое внимание не только составу фонем в системах родного и изучаемого языков, но и особенностям артикуляционного образования русских и португальских звуков, а также позиционным закономерностям русского и португальского языков. Расхождения «контактируемых» систем в трех названных направлениях приводят к появлению отклонений в интерферирующей русской речи португальцев.

Используемая литература

- БАРХУДАРОВА, Е.Л. Исследование и устранение иностранного фонетического акцента в русской речи. In: *Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин: учеб. пособие*. Москва, 2014. с. 306–327.
- БАРХУДАРОВА, Е.Л. Основы сопоставления фонетических систем изучаемого и родного языков в контексте обучения произношению. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. Москва: Издательство Московского университета, 2015, № 3.
- БЕРНШТЕЙН, С.И. Вопросы обучения произношению применительно к обучению русскому языку иностранцев. Москва, 1937.
- БРЫЗГУНОВА, Е.А. *Звуки и интонация русской речи*. Москва: Русский язык, 1977.
- ГОЛУБЕВА, Е.Г. *Фонетика португальского языка. Вводный курс*. Москва: Высшая школа, 1981.
- КНЯЗЕВ, С.В., ПОЖАРИЦКАЯ, С.К. *Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика, орфография*. Москва: Академический Проект, Гаудеамус, 2012.
- РЕФОРМАТСКИЙ, А.А. Обучение произношению и фонология. *Филологические науки*. 1959. №2. с. 145–156.

Диана Давидян, бакалавр

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Филологический факультет

Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 51, корп. 1, кв. 137

D.I.A.N.A.1995@mail.ru

Студент третьего курса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Тема дипломной работы: Сопоставительный анализ итальянского и португальского акцентов в области произношения русских согласных.

Русские губные согласные звуки в интерферированной речи носителей английского, вьетнамского и испанского языков

Александра Сергеевна Калинина

Annotation

This paper analyzes several frequently occurring mistakes concerning pronunciation of Russian labial consonants which are made by Russian learners whose native language is English, Spanish or Vietnamese. The main factors leading to these problems are caused by interference of phonology and phonetics systems of the students' native language, positional patterns, etc.

Keywords

pronunciation, labial consonants, interference of native language, foreign accent.

Иностранный акцент – проявление в звучащей речи тех отклонений, которые произошли в системе изучаемого языка под воздействием системы родного (Брызгунова, 1963). Чаще всего акцент не может быть устранен только стараниями говорящего: огромное количество факторов влияет на постановку правильного произношения. К таким факторам принято относить:

- возраст учащегося (чем старше учащийся, тем, как правило, сложнее устранить иностранный акцент в его речи);
- родной язык учащегося (важно учитывать, насколько схожими или различными являются фонетические системы двух контактирующих языков);
- частота использования и протяженность периода, в течение которого учащийся говорит на изучаемом языке;
- врожденная способность слышать и «копировать» звуки: у разных учащихся разные способности улавливать тонкую разницу в звучании определенных согласных и гласных.

Многие студенты, несмотря на долгие годы изучения иностранного языка, также утверждают, что акцент продолжает препятствовать эффективному общению с носителями языка, который они изучают.

Недавнее исследование, проведенное психологами Чикагского университета, показало, что наличие акцента в речи говорящего мешает воспринимать его как собеседника, свободно владеющего языком. Участникам эксперимента – носителям английского языка – было предложено оценить правдивость высказывания «Муравьи никогда не спят» («Ants don't sleep»), произнесенное на английском носителями различных языков (в том числе и английского) и записанное на диктофон. При оценке произнесенных высказываний на достоверность носители английского языка определяли информацию, представленную в предложении как достоверную, когда в речи говорящего отсутствовал акцент. В информации же, произнесенной с наиболее сильным иностранным акцентом, участники эксперимента, как правило, сомневались и определяли ее как недостоверную (Breckinridge, McGlone, 2010).

Кроме того, как писал в своих работах Л.В. Щерба, ошибки в произношении могут приводить к разрушению смысла высказывания, что, несомненно, препятствует процессу успешной коммуникации. Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод,

что проблема акцента, его анализа, а затем и разработка упражнений по его устранению играют очень важную роль при обучении иностранцев русскому языку.

В интерферированной речи иностранных учащихся можно отметить большое количество как фонетических, так и фонологических ошибок в произношении именно губных согласных звуков. Причины же, приводящие к появлению акцента на данном участке, различны для носителей разных языков, поэтому и анализ таких ошибок, проведенный именно с опорой на родной язык учащихся, необходим для успешного устранения иностранного акцента.

В данной работе произношение русских губных согласных звуков проанализировано в речи носителей английского, вьетнамского и испанского языков, относящихся к германской, афро-азиатской и романской семьям соответственно. Принадлежность к разным языковым семьям позволяет предположить, что ошибки в речи учащихся – носителей трех данных языков – будут спровоцированы особенностями артикуляционной базы и позиционными закономерностями отдельно взятого языка. Определенные особенности и закономерности конкретной системы играют важную роль при работе над устранением ошибок в произношении русских губных согласных звуков носителями английского, вьетнамского и испанского языков, а также для создания системы обучающих упражнений, предназначенных для определенных групп студентов.

Материалом исследования послужили аудиозаписи, полученные в результате лингвистического эксперимента, в ходе которого англоговорящим, испаноговорящим и носителям вьетнамского языка предлагалось прочитать слова, словосочетания, предложения и тексты, составленные с учетом сделанного прогноза трудностей.

Количество русских согласных фонем – 37 (из них 6 губно-губных согласных и 4 губно-зубные), в английском – 24 согласные фонемы (среди них 4 губно-губные и 2 губно-зубные). Во вьетнамском же и испанском языках ученые обычно выделяют 18 согласных фонем (из которых 4 согласные являются губными).

В целом русский консонантизм представляет собой гораздо более сложную систему, чем консонантные системы трех остальных языков. Из этого следует, что при обучении испаноговорящих и англоговорящих учащихся русскому произношению будет прослеживаться тенденция, отмеченная А.А. Реформатским, т.е. «подгонка разного чужого под одно свое, когда меньший фонемный репертуар своего языка накладывается на больший фонемный репертуар чужого языка». Данная тенденция ведёт к появлению в речи учащихся иностранного акцента, поэтому при постановке произношения необходимо учитывать то, что «...звуки чужого языка человек слышит через призму фонологической системы родного языка». (Реформатский, 1959, 147–148).

Ошибки, приводящие к появлению акцента в речи иностранцев, можно разделить на 3 типа:

- 1) ошибки, возникающие по причине отсутствия определенных фонологических противопоставлений в родном языке учащегося,
- 2) ошибки, причиной которых является отсутствие соответствующей артикуляции в родном языке студента,
- 3) ошибки, возникающие из-за нарушения позиционных закономерностей фонетики иностранного языка (Бархударова, 2014, 314–327).

В равной мере важны при обучении русскому языку студентов-иностранцев как сравнение состава фонем и их признаков, так и сопоставление артикуляционных баз и особенностей артикуляционного образования звуков.

Согласные [p] и [b] в английском языке характеризуется более сильной воздушной струей по сравнению с русскими [п] и [б], звук [p] при этом произносится с придыханием (аспирацией), которая сопровождается слабым выдохом, напоминающим при произношении звук [h]: то есть в таких словах как [п]есок, [п]ар в акценте англоговорящих может появиться согласный призвук – *[p^h]есок, *[p^h]ар. Испаноговорящие же, как правило, произносят губные звуки более «расслабленно», что приводит к трудностям различения данных звуков в интерферированной речи учащихся.

В отличие от русских согласных [ф] и [в], английские согласные [f] и [v] произносятся с более напряженной артикуляцией, немного энергичней (Ponsonby, 1998).

В испанском же языке звук [f] произносится почти так же, как и в русском, только с немного более растянутыми губами, а вот звук [v] отсутствует в системе испанского языка (может встречаться только в словах иностранного происхождения).

Что касается губных согласных вьетнамского языка – [b], [v], [m], [f] – то с определенными оговорками следует подчеркнуть их сходство в артикуляции с губными согласными звуками русского языка.

Русский язык – язык преимущественно парадигматического типа: следовательно, он характеризуется большим количеством чередований, которые приводят к нейтрализации звуковых единиц.

Противопоставление по глухости/звонкости и твердости/мягкости согласных – это типологическая особенность русского языка, которая играет важную роль: некоторые слова могут различаться только согласными, противопоставленными по глухости/звонкости и твердости/мягкости, как, например, *код – год, мал – мял*. Во многих системах, в том числе и в системе английского, вьетнамского и испанского языков, такие противопоставления не представлены.

В интерферированной русской речи носителей рассматриваемых языков происходит нарушение целого ряда характерных для русского языка смыслоразличительных оппозиций. Прежде всего, в английском, испанском и вьетнамском языках отсутствует противопоставление согласных по твердости/мягкости, поэтому в интерферированной речи учащихся появляется неразличение твердых и мягких согласных на конце слова в таких словах как **ши[т]* (*шить*), **то[п]* (*топль*), **вра[т]* (*врать*).

Кроме того, вследствие этой закономерности в речи носителей английского, испанского и вьетнамского языков появляется неразличение сочетаний типа *но - нё - ньё, во-вё-вьё* в словах *пот – пёстрый – ньёт* (**пот – *н[е]стрый – *н[ё]т*) и *воск-вёз-вьёт* (**в[о]ск – *в[е]з – *в[ё]т*). На данном отрезке фонетической системы будет действовать первая тенденция, описанная А.А. Реформатским. Она заключается в «подгонке разного чужого под одно свое» (Реформатский, 1959, 147).

Характерной чертой вьетнамского акцента является полувзвонкость согласных звуков, воспринимаемая на слух носителями русского языка как глухость (для вьетнамских учащихся, например, характерно смешение русских слов *дом* и *том*).

Одним из важнейших аспектов анализа фонетической системы языка является описание функционирования языковых единиц. Под функционированием фонем понимается реализация фонем в звуках и употребление конкретных фонем в конкретных позициях (Горшкова, 1980; Бархударова, 2014).

При анализе иностранного акцента позиционным закономерностям родного языка зачастую уделяется мало внимания, хотя в данном случае «результаты фонетической интерференции могут приводить к достаточно сильному искажению фонетического облика слова» (Бархударова, 2014, 319).

Например, испанская фонема <b> реализуется в звуке [b] только в абсолютном начале слова или после согласного [m] (*nom[b]re* – *nombre* ‘название, имя’, *lum[b]re* – *lumbre* ‘огонь, пламя’, [b]reve – *breve* ‘короткий’). Во всех остальных случаях произносится щелевая реализация звука [b] – звук [β] (*be[β]er* – *beber* ‘пить’, *la [β]arca* – *la barca* ‘лодка, шлюпка’).

Учащиеся переносят позиционные закономерности своего языка на язык изучаемый: следовательно, в речи испаноговорящих возникают ошибки в таких словах, как *за[β]ота (забота) и *го[β]орить (говорить). В абсолютном же начале слова и после согласного [m] отрицательный перенос обычно не наблюдается – учащиеся правильно произносят такие слова, как [б]ерег, б[б]ом (см. также Бархударова, 2011).

В английском языке, одной из важных позиционных закономерностей является то, что звук [b], который следует за звуком [m] в таких словах как *dumb* (немой), *climb* (взбираться), выпадает в произношении. Из этого следует, что в акценте англоговорящих следует ожидать ошибок исходящих из этой позиционной закономерности. Например, носитель английского языка будет произносить *т[р]ом[] вместо *т[р]омб*, *н[им][] вместо *н[им]б*.

Вьетнамский язык относится к слоговым языкам. Принято выделять 2 части слога: инициаль (начальный согласный) и финаль (в нее сходит обязательный слогаобразующий гласный и возможный завершающий элемент). Данный факт следует принимать во внимание потому, что не все согласные губные звуки вьетнамского языка могут выступать в качестве завершающего элемента – только [m] и [p] (Мазина, 1981).

Следовательно, в интерферирующей речи носителей вьетнамского языка в случае со звонкими губными согласными может не наблюдаться нужного оглушения в конце слова – *бро[в], *нопра[в], либо, наоборот, наблюдаться оглушение соответствующих звонких губных согласных звуков, что не приведет к появлению акцента именно на этом участке, так как в русском языке в абсолютном конце слова происходит мена звонких на глухие (вывод о возможном оглушении звонких губных на конце слова в интерферирующей речи вьетнамцев был сделан, опираясь на запись произношения других по месту образования звуков, которые также во вьетнамском языке не могут встречаться в конечной позиции – *горо[т], *в[е]с[с]).

Кроме того, во вьетнамском языке [p] является не самостоятельной фонемой, а одной из реализаций фонемы <b>, так как может употребляться лишь на конце слова. В начальной же позиции слова или слога [p] встречается только в иностранных заимствованиях, чаще всего французских (т.к. много французских заимствований прочно вошло во вьетнамский язык в XIX веке, когда Вьетнам был в составе Французского Индокитая). Исходя из данной позиционной закономерности следует

ожидать в речи вьетнамских учащихся появления ошибок типа *[б]от, *[б]естрый, *[б]лохо.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для успешного устранения акцента преподавателю необходимо иметь представление о фонетической и фонологической системах родного языка студента. Только сопоставив фонологическую систему родного языка студента с русской, преподаватель сможет обратить внимание на возможные случаи положительного переноса произносительных навыков из родного языка студентов на язык изучаемый, предвидеть область и характер фонетических трудностей, вероятные ошибки студентов и подобрать наиболее верные способы их исправления.

Используемая литература

- BRECKINRIDGE, B., MCGLONE, M. Why the Brain Doubts a Foreign Accent. *Scientific American* [online]. 2010, [cit. 2016-07-08]. Dostupné z: <http://www.scientificamerican.com/article/the-brain-doubts-accent/>.
- PONSONBY, M. *How Now, Brown Cow?* Oxford: Prentice-Hall International, 1998.
- БАРХУДАРОВА, Е.Л. Исследование и устранение иностранного фонетического акцента в русской речи. *Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин: учеб. пособие*. Москва: Наука, Флинта, 2014, с. 314–327.
- БАРХУДАРОВА, Е.Л. Парадигматика и синтагматика звуковых единиц в контексте обучения русскому произношению. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. Москва: Издательство Московского государственного университета, 2011, с. 39–50.
- БРЫЗГУНОВА, Е.А. *Практическая фонетика и интонация русского языка*. Москва: Издательство Московского университета, 1963.
- ГОРШКОВА, К.В. О фонеме в языке и речи. *Slavia orientalis*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980.
- МАЗИНА, Л.З. Сопоставление консонантных систем русского и вьетнамского языков в целях обучения вьетнамских учащихся русскому произношению. *Русский язык для студентов-иностранцев: Сборник методических статей №20*. Москва: Русский язык, 1981.
- РЕФОРМАТСКИЙ, А.А. Обучение произношению и фонология. *Из Истории отечественной фонологии*. Москва: Наука, 1959, с. 145 – 156.

Калинина Александра Сергеевна

Россия, Москва, проспект Вернадского, д.37

sashaullyana@yandex.ru

Студентка третьего курса филологического факультета МГУ им. Ломоносова кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного. Научные интересы: русский консонантизм, иностранный акцент в русской речи в области произношения русских согласных.

Frazeologismy francouzského původu v současném ruském jazyce

Kateřina Nosková

Annotation

The aim of this article is the research and analysis of Russian phrasemes of French origin. We focused on main historical periods, where the French loanwords came to Russian language, the specifics of French loanwords, types of phraseological loanwords and phraseological internationalismes. We worked with approximately 400 Russian phraseological gallicismes that we found in the dictionary of phrases named "Русская фразеология: историко-этимологический словарь". We tried to compare the earlier influence of French language with today's situation.

Keywords

Phraseology, Russian phraseology, loanwords, gallicismes, Russian phraseological gallicismes.

Přejímání galicismů od 18. století do první poloviny 20. století

Historie přejímání je vždy výrazně spojena s historií národa a zejména pak s jeho vztahy s ostatními národy. Jazyková situace se v Rusku začala značně měnit na začátku 18. století za vlády cara **Petra I. Velikého**, který chtěl dát ve všech sférách jasně najevo novou kulturní a politickou orientaci Ruska vstříc západní kultuře. Proto byl i jazyk spojen s politickými reformami, s jejichž pomocí měl být vytvořen nový moderní osvícenský stát, který by mohl konkurovat největším západoevropským zemím. Proces přestavby administrativního systému, reorganizace vojenství a námořnictví, rozvoj obchodu, průmyslových podniků, osvojení různých odvětví techniky, rozvoj v oblasti vědy a umění – všechny tyto společenské jevy byly doprovázeny vznikem nové terminologie či přejímáním velkého množství slov ze **západoevropských jazyků**, zejména z holandštiny, angličtiny, němčiny, francouzštiny, polštiny a italštiny.

V první polovině 18. století se v ruštině přejímalo především z němčiny a holandštiny, ve druhé polovině se však již ruština ocitla zcela pod vlivem **francouzštiny**, jejíž působení bylo zřetelné zejména v oblasti slovní zásoby, frazeologie i syntaxe. Francouzština v ruském prostředí, zejména v prostředí vyšších vrstev osvícené aristokracie, zdaleka překračovala hranice lingvistiky, protože se stala nositelem západních hodnot, ukazatelem kultury a společenské prestiže – Francie byla v té době v západní Evropě považována za velmi důležitý a kulturně vyspělý stát, proto sílila ruská orientace na vše francouzské. Překlady nejlepších děl francouzských autorů, jako byli Racine, Corneille, Molière, přispěly k rozvoji národního ruského jazyka a literatury a staly se jedním z nejdůležitějších zdrojů francouzského lexika. Překlady velikých francouzských filozofů a osvícenců, zejména Voltaira, Rousseaua a Montesquieua, měly značný vliv na formování moderních společenských myšlenek. Nezbytná znalost francouzštiny se tak stala symbolem kvalitního vzdělání ruské šlechty. (Биржакова, 1972, s. 34-54)

Od konce 18. století do poloviny 19. století dosáhl proces evropeizace vysokých vrstev ruské společnosti prostřednictvím francouzské kultury a jazyka vysokého stupně rozvoje – francouzština se stala oficiálním jazykem aristokratických kruhů a světských dvorních salónů. Úroveň znalosti francouzského jazyka byla v té době tak vysoká, že nebyly překlady z francouzštiny často ani třeba – většina členů aristokracie s „moderním“ vzděláním četla knihy v originále. Dokonce i v dílech velkých ruských spisovatelů (například ve *Vojně a míru* L. N.

Tolstého) se objevují celé kapitoly psané současně dvěma jazyky – rusky a francouzsky. Nebylo dokonce ani výjimkou, když ruští zástupci vysokých společenských kruhů pokládali za svůj mateřský jazyk francouzštinu a rusky vůbec neuměli. (Stěpanova, 2004, s. 74-75)

Francouzská slovní zásoba převzatá do ruštiny v období od 18. do konce 19. století byla **tematicky velmi různorodá**. Přejímala se slova z oblasti vojenství - *батальон* (bataillon), *генерал* (général), *атака* (attaque) a *солдат* (soldat); z oblasti společensko-politického charakteru - *буржуа* (bourgeois), *политика* (politique), *реформа* (réforme), *парламент* (parlement); umění - *эстрада* (estrade), *сюжет* (sujet), *афиша* (affiche), *актёр* (acteur), *балет* (ballet); z oblasti gastronomie a názvy spojenými se stravováním - *меню* (menu), *суп* (soupe), *соус* (sauce), *салат* (salade), *ресторан* (restaurant) a *омлет* (omelette); dále jsou to slova spojená s oblečením a módou - *костюм* (costume), *пальто* (paletot), *брошь* (broche), *браслет* (bracelet); slova spojená s domácností a bytovým zařízením - *этаж* (étage), *будуар* (boudoir), *туалет* (toilette); slova každodenního použití - *сигарета* (cigarette), *портмоне* (porte-monnaie); slova spojená se společenským životem a zábavou - *комплимент* (compliment), *визит* (visite), *пардон* (pardon), *скандал* (scandale); z tohoto období pochází rovněž velké množství výpůjček z oblasti frazeologie - *золотая молодежь*, *после нас хоть потоп*, *с птичьего полета*, *аппетит приходит во время еды*, *быть не в своей тарелке*, *строить куры* a další. (Калинин, 1978, s. 84-85)

Přibližně od druhé poloviny 19. století se však začíná prosazovat snaha překonat francouzský vliv, jež vedla k postupnému snižování přílivu lexikálních výpůjček z francouzštiny a k celkovému oslabení galománie. Od konce 19. století do první poloviny 20. století proto již nebyl vliv francouzského jazyka na ruštinu tak markantní, avšak aktivní osvojování nových přejímek stále pokračovalo. Tehdy se do ruštiny dostávala především slova společensko-politického charakteru, termíny z oblasti letectví, např. *аэродром* (aérodrome), *пилот* (pilote), z oblasti umění, např. *кубизм* (cubisme), *импрессионизм* (impressionisme), či názvy konkrétních předmětů a jevů jako *аперитив* (apéritif), *вазелин* (vaseline), *конферансье* (conférencier) a *такси* (taxi). (Костомаров, 1999, s. 110-111)

Přejímání galicismů od druhé poloviny 20. století

Po staletích, kdy byla francouzština jazykem mezinárodní diplomacie, komunikace a kultury ve většině zemí Evropy, toto postavení v současnosti náleží anglickému jazyku, jenž se stal nejdůležitějším jazykem prakticky ve všech sférách lidské činnosti. Rovněž v ruském jazyce představuje angličtina, konkrétně její americká varianta, momentálně nejvýznamnější pramen přejímání slov. Anglicismy pronikají do jazyka i v případě, že v ruštině existují přesné ekvivalenty původně ruské, a anglické výpůjčky v poslední době rovněž nahrazují galicismy, jež se v ruštině ustálily, např. *мейкап* (макияж), *сленг* (жаргон), *шоу* (спектакль). (Костомаров, 1999, s. 110-111)

V porovnání s masivním přítokem anglicismů nalezneme nových francouzských výpůjček v ruštině velmi málo – ve slovnících *Словарь новых слов русского языка 1950-1980 гг.*, *Толковый словарь русского языка конца XX в.* a *Словарь московского арго*, jež mapují slovní zásobu druhé poloviny 20. století, se vyskytuje přibližně 100 galicismů. Tematicky se jedná o výpůjčky z oblasti umění a kultury, např. *паралитература* (paralittérature), *шансон* (chanson); dále jsou to slova z oblasti módy a péče o zevnějšek jako *бижутерия* (bijouterie), *визажист* (visagiste), *лосьон* (lotion); slova z oblasti gastronomie, např. *багет* (baguette),

кальвадос (calvados), *конфитюр* (confiture); slova z oblasti společensko-politického života, např. *бидонвиль* (bidonville), *мондиализм* (mondialisme), *популизм* (populisme); slova z oblasti sportu, např. *дубль* (double), *культуризм* (culturisme), *тандем* (tandem); slova z oblasti vědy a techniky, např. *дисбаланс* (disbalance), *микрофиши* (microfiche), *рапид* (rapide), abstraktní pojmy z různých oblastí, např. *клише* (cliché), *менталитет* (mentalité), *салют* (salut); a slangové a expresivní výrazy, např. *ален делон* (Alain Delon) – krásný urostlý muž, *бельмондо* (Belmondo) – člověk dbající o svůj vzhled, *кушировать* (coucher), *лямур* (l'amour), *селява* (c'est la vie). (Huurinaninen, 2005, s. 34-49)

Specifika francouzských výpůjček

Výpůjčky z francouzského jazyka se v lingvistice nazývají **galicismy** (lat. *gallicus* – francouzský). Galicismy se od slov původem ruských liší celou řadou příznaků, nejčastěji jsou to příznaky fonologické, morfologické a slovotvorné. Mezi nejtypičtější **fonologické příznaky** ruských slov francouzského původu patří zejména přízvuk na poslední slabice (*мармелад*, *навильон*). Dále je pro ně charakteristické spojení souhlásek **ya** (*вуаль*, *эксплуатация*), **бю**, **рю**, **вю**, **ню**, **фю** (*бюро*, *трюмо*, *пюпитр*, *гравюра*) a spojení **он**, **ан**, **ен**, **ам** (*контроль*, *антракт*). Ve francouzštině je velmi důležité spojení mezi slovy (tzv. „liaison“), což je třeba při fonetickém a grafickém osvojení přejímaného slova do ruštiny respektovat. Např. *s* se na konci slova nevyslovuje, vyslovuje se pouze v případě, začíná-li následující slovo na samohlásku nebo na *h*, jež se nevyslovuje, např. *Лез-Орм* (Les Ormes). (Гиляревский, Старостин, 1985, s. 245-262)

Změny vzniklé při **morfologickém osvojení** galicismů se týkají nejčastěji substantiv, adjektiv a sloves. Ruská **substantiva** francouzského původu zakončená na **-o**, **-и**, **-у**, **-е** jsou v ruština zpravidla neskloňná, např. *манто* (manteau), *жабо* (jabot), *дранери* (draperie), *рагу* (ragoût), *юре* (purée) atd. Z francouzštiny byla přejata také celá řada kompozit, např. *портфель* (portfeuille), *портсигар* (porte-cigarettes) a *портмоне* (porte-monnaie), *одеколон* (eau de Cologne), *шедевр* (chef-d'oeuvre). Daná slova však Rusové jako složeniny nevnímají. Nejčastějšími substantivními sufixy u galicismů jsou tyto: **-eur**, např. *суфлёр* (souffleur), **-age**, např. *вираж* (virage), **-ence**, např. *каданс* (cadence), **-ade**, např. *бригада* (brigade), **-teur**, např. *актёр* (acteur), **-tion**, např. *компиляция* (compilation). U **adjektiv** se francouzský sufix **-aire** v ruštině zaměňuje za **-ар-** a doplňuje se sufixem **-н(ый)**, např. *санитарный* (sanitaire), francouzský sufix **-ique** se mění na **-ический**, např. *дипломатический* (diplomatique) a v sufixu **-if** je *f* zaměňováno za *в* a doplňuje se sufixem **-н(ый)**, např. *административный* (administratif). **Slovesa** původem francouzská získávají při přejímání sufix **-овать**, často s předchozím spojením **-ир-**, např. *адресовать* (adresser), *протестовать* (protester), *фигурировать* (figurer). (Богородицкий, 1911, s. 468-470)

Ruské frazeologismy francouzského původu a jejich typu

Při výzkumu ruských frazeologismů francouzského původu jsme pracovali s rozsáhlým frazeologickým slovníkem *Русская фразеология: историко-этимологический словарь*, který byl vydán A. K. Birichem, V. M. Mokienkem a L. I. Stěpanovou roku 2005. V daném slovníku jsme našli celkem **382 frazeologických výpůjček z francouzštiny**, což vypovídá o poměrně silném francouzském vlivu na oblast ruské frazeologie.

Termín **frazeologická výpůjčka** či **převzatý frazeologismus** se používá ve dvou významech: 1) „*Frazeologické výpůjčky jsou frazeologické obraty vytvořené buď na základě celkového nebo částečného přejímání jazykových jednotek, nebo s pomocí stavebních prostředků daného jazyka na základě jeho konkrétní struktury*“ (Солодухо, 1977, s. 183); 2) „*Převzatý frazeologický obrat je takové ustálené slovní spojení, které v podobě hotové reprodukovatelné jazykové jednotky přišlo do ruštiny zvenčí a používá se v ruštině v takové formě, v jaké je známo nebo bylo známo v jazyce originálu.*“ (Шанский, 1996, s. 108-109). U frazeologických výpůjček vydělujeme tři následující strukturní skupiny: **kalky**, **poloviční kalky** a **frazeologismy převzaté z cizího jazyka v původní podobě**.

1) Frazeologismy převzaté z cizích jazyků v původní fonetické a grafické podobě

Frazeologismy převzaté v původní podobě z jiných jazyků nejsou v ruštině v běžné mluvě příliš hojné. Dané frazémy v ruském jazyce buď zcela zachovávají původní grafickou podobu, nebo jejich podoba byla cílovému jazyku přizpůsobena.

Do skupiny frazeologismů převzatých v původní grafické podobě řadíme ty frazeologické výpůjčky, jež se do ruského jazyka dostaly díky tzv. **transplantaci**. Jedná se o metodu, která je založena na přenosu grafémů lexikálních jednotek z výchozího jazyka do jazyka cílového. Vzhledem k odlišným grafickým systémům ruštiny a francouzštiny nejsou tedy tyto frazeologismy psány v azbuce, ale v latině. Jedná se např. o následující: *cherchez la femme, l'art pour l'art, l'état c'est moi, fin de siècle, être plus royaliste que le roi* a další.

Do skupiny frazeologismů, jejichž podoba byla cílovému jazyku přizpůsobena, patří obraty přetransformované díky metodě **transkripce**. Jedná se o způsob převodu lexikální jednotky ve výchozím jazyce pomocí grafických znaků cílového jazyka s přihlédnutím ke zvukové stránce cizojazyčného slova. Z celkového počtu zkoumaných frazeologismů jsme našli následující příklady, které mohou být do této skupiny zařazeny: *mem-a-mem* (fr. *tête-à-tête*), *а-ля фуршет* (fr. *à la fourchette*), *шерше ля фам* (фр. *cherchez la femme*).

Podobné výrazy se v běžné mluvě Rusů používají jen zřídka, většinou se jedná o okřídlené fráze nebo citáty, jež mají knižní charakter. Zpravidla jde o frazeologismy, jejichž podoba byla foneticky přizpůsobena cílovému jazyku, což dokazuje ústní způsob převzetí daných rčení. (Stěpanova, 2004, s. 76-77)

2) Poloviční kalky

Frazeologické poloviční kalky jsou takové frazeologismy, jejichž jedna část zachovává původní grafickou podobu (v ruštině bývá transkribována) a druhá část je přeložena do cílového jazyka. Do ruštiny se nejčastěji překládá část frazeologismu obsahující sloveso (případně sloveso s předložkou), zatímco část obsahující podstatné jméno bývá převzata v původní podobě.

Při adaptaci cizích slov ke gramatickému a lexikálnímu systému cílového jazyka dochází často k následujícím změnám: **nahrazení cizího suffixu vlastním**: „*сардонический смех*“ (fr. *rire sardonique*); **přidání suffixu**: „*шагреновая кожа*“ (fr. *la peau chagrin*); **změna koncovky a tím i čísla**: *спрoutь куры* (fr. *faire la cour*); **změna koncovky a tím i rodu**: „*братъ курс на кого*“ (fr. *la course*); **změna slovního druhu**: „*получить шии с маслом*“ (komponent *шии* je ve francouzštině adjektivem – *chiche* s významem lakomý); **univerbizace**: „*бомонд*“ (fr. *beau monde*). Některá slova, která byla ve většině případů převzata do ruštiny

ústní formou, se vyznačují značně zkomolenou podobou. U některých frazeologismů se jejich původní podoba dokonce změnila natolik, že již ani rodilí mluvčí necítí cizí charakter těchto výrazů a jejich skutečný původ zjišťujeme jen díky etymologickým slovníkům. (Stěpanova, 2004, s. 78-79)

Poloviční kalky tvoří v ruské frazeologii francouzského původu poměrně velkou část – celkově jsme jich napočítali 61. Jako příklady polovičních kalků uvádíme následující (jednotlivé výklady jsme převzali z výše zmíněného slovníku *Русская фразеология: историко-этимологический словарь*):

- **Брать курс на кого, что.** Knižní. Orientovat se ve své činnosti na něco, někoho. Výraz je pravděpodobně polovičním kalkem z fr. *prendre la course* – „směr pohybu, cesta“ (dosl. „vzít směr, cestu“). Možný je ale také vliv němčiny (*Kurs auf etw. nehmen*), nebo holandštiny (*koers houden*).
- **Пробить брешь в чем.** Knižní. 1. Ničit překážky na cestě novým myšlenkám, kultuře, novému životnímu stylu atd. 2. Významně něco podkopávat. 3. S úsilím něco překonávat. Výraz pochází z fr. *battre en brèche* (dosl. „probít díru“).
- **Делать хорошую (веселую) мину при плохой игре.** Snažit se skrýt své neúspěchy, nepříjemnosti za vnější spokojenost, přetvařovat se. Výraz pochází z fr. *faire bonne mine au mauvais jeu* (dosl. „dělat dobré vzezření, dobrý výraz při špatné hře“). Slovo *мина* – „výraz tváře, vzezření, vizáž“.

Dále bychom do této skupiny mohli zařadit frazeologismy jako *брать курс на что, войти в раж, войти в азарт, быть в ажуре* a další.

Samotná skutečnost, že část frazeologismu (nejčastěji jeden lexém) byla převzata z cizího jazyka, ještě neznamená, že musí být celý frazeologismus pokládán za cizí jednotku. V případě ruských frazeologismů obsahujících komponenty francouzského původu je to tak, že většina těchto slov byla ruštinou osvojena již dávno a vyvíjela se a měnila v rámci ruského jazykového systému, fungovala v něm kolikrát stejně jako slova domácí. Z tohoto důvodu se domníváme, že automatické zařazení všech frazeologismů, které obsahují komponent francouzského původu, ke galicismům není správné, neboť mnoho frazeologismů s francouzským elementem nevzniklo prvotně ve francouzštině, ale až v ruštině. Samotný frazeologismus velice často ve francouzštině neexistuje buď vůbec, nebo má zcela odlišnou podobu. Dané frazeologické jednotky bychom tedy neměli pokládat za frazeologické výpůjčky. Výstižnější by pro tyto jednotky byl termín „**frazeologismy s osvojeným komponentem cizího původu**“. (Stěpanova, 2004, s. 79-84) V ruštině k této skupině patří např. tyto frazeologismy:

- **Сделать фрикасе из кого.** Žertovně. Ztlouci někoho (o výhrůžce). V základu frazeologismu je zmíněn druh fr. jídla *fricassée* – rozemleté vařené maso. Záměrem mluvčího je tedy dosl. udělat z někoho násilím hmotu podobnou rozemletému vařenému masu. Obdobný frazeologismus se vyskytuje i v češtině – *udělat z někoho fašírku* (*fašírka* – „míšenina z mletého masa“). Ve francouzštině by se použilo frazeologismu *passer quelqu'un à tabac* – „podat si někoho, namlátit někomu“, kde má podstatné jméno *tabac* význam „mela, rvačka“.

- **Получить шиш с маслом.** Hovor. Naprosto nic nedostat. Podle N. S. Děržavina (Державин, 1939, s. 42) může slovo *шиш* vycházet z francouzského adjektiva *chiche* s významem „lakomý, skoupý“, jako ve fr. *être chiche de paroles* („být skoupý na slovo“). Můžeme zde pozorovat i změnu slovního druhu – zatímco ve francouzštině je *chiche* adjektivem, v ruštině působí toto transkribované slovo jako podstatné jméno. Jiný názor má na původ slova P. J. Černých (Черных, 1993, s. 414), podle něhož je toto slovo zaznamenáno ve výrazu *шиш (кукиш) показать* („ukázat neslušné gesto“) a je výpůjčkou z turečtiny s původním významem „vystoupilý vrcholek něčeho“.

K této skupině patří dále frazeologismy jako *антимонии разводить, неглиже с отвагой, в ореоле славы, стоять на платформе чего* a další.

3) Frazeologické kalky

Frazeologickými kalky se rozumí frazeologické jednotky, které jsou výsledkem doslovného překladu, při kterém se komponenty cizího frazeologismu nahrazují jejich domácími ekvivalenty, přičemž se bere v úvahu jejich lexikální stránka, gramatická struktura i význam. Frazeologické kalky ve většině případů fungují v cílovém jazyce stejně jako původní rčení a necítíme jejich cizojazyčný charakter. (Stěpanova, 2004, s. 88-89)

Úplné kalky tvoří ze všech ruských frazeologismů francouzského původu drtivou většinu – napočítali jsme celkem 312 takových frazeologismů. Níže uvádíme některé příklady:

- **Быть под башмаком у кого.** - *Être sous la pantoufle*. Být někomu zcela podřízen. U Francouzů byl tento výraz spojen se svatebním obyčejem: jestliže nevěsta jako první stoupne na botu ženicha, bude hlavou v rodině žena. Všeobecně bývá *bota* (střevíc) pokládána za symbol moci.
- **Дать на лапу кому.** - *Graisser la patte à qn*. Hovorově, negativně, pohrdavě. Dávat někomu úplatek. Výraz je nepřesným kalkem z fr. *graisser la patte à qn*. – dosl. „namastit pracku“. Ve středověku ve Francii církev brala od obchodníků velké daně v podobě vepřového masa. Aby se obchodníci této dani vyhnuli, dávali do ruky výběrčím daně kousek sádla.
- **Ездить зайцем.** - *Aller (voyager) en lapin*. Jezdit veřejnou dopravou bez lístku. Výraz je pravděpodobně kalkem z francouzštiny. Možný je též obecně slovanský původ výrazu, kde se pracuje s představou, že zajecí povaha je od přírody bojácná a zbabělá. Odtud pochází i přenesený význam výrazu, a sice že cestující bez lístku se bojí stejně jako zajíc (aby nebyl chycen a pokutován).

Dále bychom mezi úplné kalky mohli zařadit následující: *брать быка за рога, называть вещи своими именами, вопрос жизни или смерти, показать на дверь кому* atd.

Po důkladné analýze ruských frazeologismů francouzského původu jsme dospěli k názoru, že vedle dělení frazeologismů podle struktury je dále možné dané frazeologismy rozdělit do několika **skupin podle původu**. Velkou skupinu tvoří **okřídlené výrazy**, tedy průpovídky vyjadřující životní moudrost a zkušenost, pro něž je charakteristický patetický tón: *почивать на лаврах, лед сломан, ничто не ново под луною* atd. Další skupinu tvoří **citáty z výroků známých osobností**, nejčastěji francouzských spisovatelů, filozofů, diplomatů a státníků: *буря в стакане воды, танцевать на вулкане, песенка спета чья, после нас хоть*

потом atd. Nejpočetnější skupinu tvoří **frazeologismy odrážející extralingvistické realie**. Daná skupina je tematicky velmi různorodá, proto jsme v ní dále vydělili následující podskupiny: **frazeologismy spojené s dějinami** – *старая гвардия, орлеанская дева, серый кардинал, белый террор* atd.; **frazeologismy spojené s folklórem a písněmi** – *гадать на кофейной гуще, тянуть kota за хвост, Мальбрук в поход собрался* atd.; **frazeologismy pocházející z literatury** – *блеск и нищета куртизанок, в поисках утраченного времени, аппетит приходит во время еды, таскать каштаны из огня* atd.; **frazeologismy spojené s karetními hrami a mluvou karbaníků** – *войти в азарт, вести двойную игру, игра не стоит свеч* atd.; **frazeologismy spojené s vojenskou oblastí** – *взять на бордаж, удариться в бегство, сжечь корабли* atd.; **frazeologismy spojené s jídlem a alkoholem** – *после ужина горчица, заморить червяка (червячка)* atd. Poměrně velké procento ruských frazeologických galicismů spadá do skupiny **frazeologismů z oblasti etikety**, což svědčí o tom, že francouzština dříve sloužila jako jazykový vzor vysokých společenských vrstev: *Кому вы это говорите!, между нами говоря, сделай дружбу, Добрый день!* atd. Do této skupiny jsme též zařadili několik **multiverbizačních spojení**. Multiverbizace je univerzální jazykový jev, kdy se jeden význam předává pomocí více slov. Tento prostředek sice není ekonomický, ale na druhou stranu umožňuje odlišit jemné rozdíly ve smyslu předávané informace a dokáže ji dobře diferencovat. Na níže uvedených příkladech si ukážeme, že na vznik některých takových multiverbizačních spojení měla velký vliv právě francouzština. Jedná se o následující verbonominální spojení či sekundární předložky: *принимать меры, иметь место, оказать помощь, с помощью чего, по причине чего* atd.

Problém určení původního nebo převzatého charakteru frazeologismů

Ve frazeologii ruského jazyka existují z jedné strany frazeologismy individuální, národně specifické, a z druhé frazeologismy cizí, převzaté. V počátečních fázích existence frazeologie jako samostatné vědy se lingvisté zaměřovali především na národně specifické frazeologismy, které v sobě nesou důležité rysy dějin, kultury a života určitého národa, ale také zaniklé či archaické prvky jazyka. Možnost kalkované povahy frazeologismů přitom byla dost často opomíjena a ignorována, což vedlo k závažným chybám při studiu idiomů.

V 80. a 90. letech 20. století se objevilo několik lingvistických děl, která upozorňují na přílišné a neodůvodněné zdůrazňování kulturologické specifčnosti frazeologických jednotek. Lingvisté A. Rajchštejn, J. Solodub, E. Soloduch, V. Mokienco a V. Felicyna, R. Eckert, K. Günther, A. Bierich, L. Stěpanova, A. Arkhangelska a další prováděli srovnávací analýzu ruských frazeologismů s frazeologismy slovanských a západoevropských jazyků, na jejímž základě dospěli k závěru, že frazeologické jednotky daných jazyků mají společného daleko více, než se dříve předpokládalo. I když se tedy ruská frazeologie vyznačuje jistou lingvistickou a extralingvistickou specifičností, je v mnohých směrech internacionální. (Stěpanova, 2004, s. 90-95)

Internacionální složkou frazeologie se rozumí frazeologické výpůjčky a frazeologické univerzálie – tzv. **frazeologické paralely**, které vznikají v různých jazycích nezávisle na sobě v souvislosti s působením jazykových a extralingvistických univerzálií. Tyto univerzálie mají společnou povahu lidských logicko-myšlenkových operací a typických asociací, nehledě na mimojazyková specifika. (Stěpanova, 2004, s. 90-95) Do podobných frazeologických paralel můžeme zařadit například následující:

- **Делать из мухи слона.** - *Faire d'une mouche un éléphant.* Silně něco zveličovat, dávat něčemu nepodstatnému velký význam. Do ruštiny byl frazeologismus pravděpodobně převzat z francouzštiny. Podle V. M. Mokienka je pravděpodobné, že výraz má svůj původ v latině, kde má podobu *elephantum ex musca facis*. Podobné frazeologismy jsou známy i v jiných evropských jazycích, z nichž bylo rčení zřejmě převzato do slovanských jazyků – např. něm. *aus einer (jeder) Mücke einen Elephanten machen*. Frazeologismus nacházíme ve většině slovanských jazyků – rus. *делать из мухи слона*, bělorus. *з мухі слана рабіць/ зрабіць*, ukr. *з мухи робити/ зробити слона*, h.-luž. *z kuntwory elefanta činić*, bulh. *правя от мухата слон*, chorvat. *praviti (činiti, graditi) od muhe slona (konja, medvjeda, vola)*, čes. *dělat z komára velblouda* a další. Dané rčení řadíme mezi tzv. univerzální frazeologismy, které jsou známy nejen v indoevropských, ale i v jazycích jiných etnických skupin, např. v maďarštině, estonštině, finštině, turečtině a dalších jazycích. Přitom pozorujeme velkou variabilitu slov, která označují „velké zvíře“ a „malého tvora“. Zaměňují se např. následující dvojice slov: *buvol – moucha, býk – moucha, velbloud – komár, vůl – moucha, velbloud – moucha, slon – blecha, kůň – blecha, osel – komár, slon – myš, želva – veš, lev – kocour, jezdec – blecha, rytíř – moucha* a další. Nejstabilnější jsou varianty se slovy „slon“, „velbloud“, „býk“, „moucha“, „komár“ a „blecha“. (Mokienko, Stěpanova, 2013, s. 25-26)
- **Работать как вол.** - *Travailler comme boeuf.* Často negativně. Pracovat přespříliš, s úsilím a pokorou. Ve slovníku se daný frazeologismus uvádí jako kalk z francouzštiny. My se domníváme, že daný frazém patří do skupiny tzv. frazeologických paralel – frazeologismů vznikajících nezávisle na sobě i bez kalkování v souvislosti s tím, že odrážejí každodenní realie světa, který člověka obklopuje. I v češtině existují podobné frazeologismy – *pracovat jako vůl, pracovat jako kůň* atd.

Mezi nejproblematictější aspekty analýzy přejatých frazeologismů patří otázka **určení výchozího jazyka**. Přesné cesty migrace frazeologických jednotek je možné zjistit pouze v tom případě, kdy jazyk-zprostředkovatel zanechal na daném frazeologismu své stopy. Existují frazeologismy, jež se současně nacházejí v mnoha evropských jazycích a u nichž je velmi obtížné určit, ve kterém jazyce daný frazeologismus vznikl nejdříve, případně z jakého jazyka byl frazeologismus převzat. Mezi takové tzv. **internacionální frazeologismy** nejčastěji patří jednotky pocházející z Bible, antické mytologie a evropských dějin či literatury. Z našeho materiálu bychom mezi internacionalismy mohli zařadit např. následující:

- **Покупать kota в мешке.** - *Acheter chat en poche.* Často žertovně. Pořizovat něco, u čeho dopředu neznáme kvalitu, hodnotu. Podobné výrazy existují i v jiných jazycích – např. v angličtině *to buy a pig in the poke* (dosl. „kupovat prase v pytli“), v němčině *die Katze im Sack kaufen* (dosl. „kupovat kočku v pytli“), v češtině *kupovat zajíce v pytli*. Evidentně se tedy jedná o **internacionální frazém**, jenž nacházíme současně v mnoha evropských jazycích, v tomto případě byl daný obrat vytvořen na základě jednotného strukturně sémantického modelu *kupovat nějaké zvíře v pytli* – kupovat něco neznámého, podstupovat riziko být podveden. V různých jazycích se daný idiom tedy liší jen druhem zvířete. (Stěpanova, 2004, s. 98)

- **Уйти по-английски.** – *Filer à l'anglaise*. Odejít bez rozloučení, nepozorovaně, bez upozornění. Jedná se o kalk z francouzštiny – *filer à l'anglaise* (dosl. „odejít po anglicku“). Zajímavé je, že v angličtině se používá výrazu *to take a french leave*. Vidíme tedy, že Angličané tento frazeologismus převrátili ve svůj prospěch a místo *po anglicku* odcházejí *po francouzsku*. V němčině se dříve používal frazeologismus *sich auf englisch verabschieden* („odejít po anglicku“), ale v průběhu času i Němci začali používat druhou variantu, a sice *sich auf französisch verabschieden* („odejít po francouzsku“), aby tak ironicky označili nezdvořilý odchod, který byl v jejich povědomí spojen s obyvateli francouzské národnosti. Tyto dvě varianty daného obratu existují i v jiných evropských jazycích – v chorvatštině, italštině, v polštině a češtině se používá výrazu *odejít po anglicku*, zatímco ve španělštině a portugalštině nacházíme obrat *odejít po francouzsku*. (Karambolage 2004)

Mezi další intencionalismy patří např. tyto: *таскать каютаны из огня для кого; ради чьих-л. прекрасных глаз; золотая молодежь; после нас хоть потоп* atd.

Určení cest přejímání cizích výrazů je většinou velice složité, obvykle se tedy pohybujeme spíše ve sféře hypotéz a můžeme spíše jenom předpokládat kalkovanou povahu daného frazeologismu. V oblasti frazeologie se navíc dá jen velice obtížně určit dobu, ve které bylo rčení zachyceno. (Stěpanova, 2004, s. 97-100) Daná situace je v případě frazeologismů komplikovanější než u jednotlivých lexikálních výpůjček, což je pochopitelné - frazeologické neologismy „bijí do očí“ méně než neologismy lexikální. Frazeologický slovník *Русская фразеология: историко-этимологический словарь*, se kterým jsme pracovali, byl vydán v roce 2005 a kromě jiného by měl mapovat i ruské frazeologismy z 20. století. Problém je v tom, že ve většině případů skutečně není u jednotlivých výpůjček z francouzštiny uvedena doba, kdy se obraty do ruštiny dostaly.

Domníváme se, že drtivá většina námi nalezených frazeologických galicismů spadá do období od 2. pol. 18. do konce 19. století, tedy do doby, kdy byl příliv galicismů v ruštině nejsilnější. V tomto názoru nás utvrzuje i fakt, že námi vydělené skupiny frazeologismů podle tematických oblastí jsou prakticky totožné s tematickými oblastmi, do nichž patří jednotlivé lexémy francouzského původu převzaté do ruštiny právě v 18. – 19. století: vojenství, politika, gastronomie, společenský život a zábava. Rovněž velký počet frazeologismů tvořících skupinu citátů z výroků známých francouzských osobností a frazeologismy pocházející z literatury naši domněnku potvrzují – v období od 2. pol. 18. do 19. století byla ruská orientace na Francii nejmarkantnější, zejména ve sféře kultury a literatury. Vzhledem k tomu, že od konce 19. století začal postupně francouzský vliv slábnout a do ruského jazyka se dostávalo stále méně galicismů, domníváme se, že totéž platí i pro oblast ruské frazeologie, do níž se dle našeho názoru od počátku 20. století dostalo jen málo frazeologismů francouzského původu. To však nemění nic na tom, že se existující frazeologické galicismy v ruštině stále aktivně používají.

Současná situace

Nejvýznamnějším pramenem přejímání nových lexémů i frazeologismů v ruštině (stejně jako v jiných evropských jazycích) se od druhé poloviny 20. století stala **angličtina**. V ruštině se v posledních desetiletích objevily nové frazeologické kalky, které pocházejí právě z angličtiny: *промывание мозгов* – *brainwashing* (fr. *lavage de cerveau*), *вызвать на ковер* – *to be on the*

carpet (fr. *être sur le tapis*), *быть в одной лодке* – *to be in the same boat* (fr. *être embarqué sur le même bateau*), *скелет в шкафу* – *skeleton in the closet* (fr. *cadavre dans le placard*), *моя чашка чая* – *my cup of tea* (fr. *ma tasse de thé*), *золотой парашют* – *golden parachute* (fr. *parachute doré*), *родиться с серебряной ложкой во рту* – *to be born with a silver spoon in one's mouth* (fr. *être né avec une cuillère d'argent dans la bouche*), *держат пальцы крестом* – *keep one's fingers crossed* (fr. *croisser les doigts*), *жечь свечу с обоих концов* – *to burn the candle at both ends* (fr. *brûler la chandelle par les deux bouts*) a další. (Stěpanova, 2011, s. 30-35)

Na příkladech uvedených v závorce vidíme, že většinu frazeologismů, které se nově vyskytují v ruštině, můžeme nalézt také ve francouzštině, v níž se rovněž jedná o anglické výpůjčky. Dalo by se tedy říci, že díky angličtině se velmi rychle rozrůstá internacionální jádro frazeologie v ruštině a dalších evropských jazycích a že nové ruské a francouzské frazeologismy převzaté z angličtiny významně přispívají do širokého fondu internacionálních frazeologismů evropských jazyků.

Použitá literatura

- HUURINAINEN, S. *Французские заимствования в русском языке (преимущественно во второй половине XX века)*. Tampere, 2005. Diplomová práce. Tamperská univerzita.
- Karambolage [online]. SCHMIDT-HENKEL, H. *La clef anglaise*, 2004. [cit. 2016-05-19]. Dostupný z: <http://sites.arte.tv/karambolage/fr/le-mot-la-clef-anglaise-karambolage>.
- МОКИЕНКО, V., STĚPANOVA, L. *Komentáře editorů k reedici slovníku*. In: Václav Flajšhans. *Česká přísloví*. D. 2. Olomouc, 2013. S. 17-57.
- STĚPANOVA, L. *Česká a ruská frazeologie*. Diachronní aspekty. Olomouc: UPOL, 2004. ISBN 978-80-244-0795-7.
- STĚPANOVA, L. *Současný ruský jazyk: triumf verbální svobody*. Olomouc: UPOL, 2011. ISBN 978-80-244-2953-3.
- БИРЖАКОВА, Е. Э., ВОЙНОВА, Л. А., КУТИНА Л. Л. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века*. Ленинград: Наука, 1972.
- БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА Л. И. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Москва: Астрель, 2005. ISBN 5-9762-2601-9.
- БОГОРОДИЦКИЙ, В. А. *Общий курс русской грамматики*. Казань: ТИУ, 1911.
- ГИЛЯРЕВСКИЙ, Р. С., СТАРОСТИН, Б. А. *Иностранные имена и названия в русском тексте*. Москва: Высшая школа, 1985.
- ДЕРЖАВИН, Н. С. *Народная этимология*. Русский язык в школе, 1939. № 2
- ЕЛИСТРАТОВ, В. С. *Словарь московского арго: Материалы 1980-1994 гг.* Москва, 1994.
- КАЛИНИН, А. В. *Лексика русского языка*. Москва: МГУ, 1978.
- КОСТОМАРОВ, В. Г. *Языковой вкус эпохи*. СПб: Златоуст, 1999. ISBN 5-86547-070-1.

- КОТЕЛОВА, Н. З. *Словарь новых слов русского языка 1950-1980 гг.* СПб, 1995. ISBN 5-86007-016-0.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. *Толковый словарь русского языка конца XX в.* СПб, 1998. ISBN 978-5-699-15913-0.
- СОЛОДУХО, Э. М. *Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии.* Казань, 1977.
- ЧЕРНЫХ, П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка.* Т. II. Москва: «Русский язык», 1993.
- ШАНСКИЙ, Н. М. *Фразеология современного русского языка.* СПб: Специальная литература, 1996. ISBN 5-7571-0038-9.

Mgr. Kateřina Nosková

Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, Katedra slavistiky
Sládkova 12, Jihlava 586 05, ČR
noskova.k@centrum.cz

V roce 2014 ukončila magisterské studium na Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci v oboru francouzská filologie – ruská filologie. V současnosti je studentkou 2. ročníku doktorského studia na tomtéž pracovišti v oboru ruský jazyk. V dizertační práci se hodlá zabývat analýzou překladů děl Milana Kundery (ČJ – FJ – RJ).

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené roku 2016 Univerzitě Palackého v Olomouci Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR. Tento článek byl vypracován v rámci projektu UP v Olomouci IGA_FF_2016_025.

О фразеологической параметризации фразеосхемы «Да ну + N1!»

Ольга Викторовна Акбаева

Annotation

This article is devoted to the language nature analysis of a fixed phrase scheme in the modern Russian language with the base element *да ну*. The urgency of this research is caused by the untested nature of this syntactic construction and by its high relevance for the practice of communication. It is stated that this fixed phrase scheme is characterized by the following features of phraseological units as reproducibility, structural-semantic stability and integrity, idiomaticity and conversational expressiveness. The author proves that the fixed phrase scheme with the base element «*Да ну + N1!*» is common, dynamic element. It has all phraseological signs and represents the important source for expressive syntax. It is confirmed that its use in speech increases the effectiveness of the communicative process and allows the speaker to realize the most various author's intentions, which belong to the sphere of pragmatics.

Keywords

syntactic phraseology, fixed phrase scheme, phraseological subsystem, the Russian language, idiomaticity, non-significance.

Любой язык включает в свой состав, как систему слов, так и устойчивых выражений, служащих для передачи мыслей и отношения к действительности (Архангельский, 1964, 89-90). Устойчивые выражения разнообразны по своим языковым и речевым параметрам и относятся к синтаксическим фразеологическим единицам (далее – СФЕ). Одним из наиболее специфических классов СФЕ являются фразеосинтаксические схемы (далее – фразеосхемы).

Фразеосхема – это «коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиций (значений), выражающая суждение или побуждение, обладающая грамматической и лексической частичной нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью и выполняющая в речи экспрессивную функцию. Структурная модель фразеосхемы предполагает наличие двух обязательных компонентов: первый из них является неизменяемым (опорным) как в лексическом, так и в грамматическом аспектах, второй – изменяемым, т.е. лексически свободно варьируемым, а грамматически устойчивым» (Меликян, 2014, 162-163).

Являясь самостоятельной синтаксической фразеологической единицей, фразеосхема позволяет глубже понять коммуникативную направленность и потребность говорящего, способствует поиску новых экспрессивных форм выражения мыслей, указывает на высокую степень развития языка в целом. Фразеосхемы активно используются в разговорной речи с целью придания эмоционально-экспрессивной окраски коммуникации.

Все СФЕ обладают той или иной степенью фразеологизации. «Фразеологизация – это процесс стабилизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых (т.е. таких, которые каждый раз не создаются заново, а лишь воссоздаются, извлекаются из памяти говорящих), относительно устойчивых определенных языковых комплексов. Формально-грамматически эти комплексы могут

быть соотнесены со словосочетанием, сочетанием слов или предложением...» (Ройзензон, 1961, 114). Признаки фразеологизации присутствуют на всех уровнях языка.

В данной статье будут проанализированы признаки фразеологизации и отличительные свойства фразеосхемы с опорным компонентом *да ну* («**Да ну** + **N₁!**»), включающим в свой состав междометие и усилительный союз.

Фразеосхема «**Да ну** + **N₁!**» является моносемичной и выражает следующее значение:

«отрицание, несогласие, нежелательность чего-либо в сочетании с удивлением, недоумением, неодобрением, возмущением, порицанием и т.п.», например:

– *Сейчас уже за полночь, нам ждать ещё два часа. Что будем делать? – Сейчас бы чаю. – Да ну чай! То ли дело кофе с ликёром.* /В. Шитов. Собор без крестов-2/.

Фразеосхема «**Да ну** + **N₁!**» является производной и сформирована по той же модели, что и фразеосхема «**Ну и** + **N₁!**» – на основе простого предложения, включающего в свой состав неполнозначительную лексему с субъективно-модальным значением: междометие *ну*, иногда в сочетании с усилительной частицей *да*. Таким образом, главным компонентом в составе производящего предложения является междометие *ну*. Частица *да* выступает в качестве лишь модификатора (усилителя) значения междометия *ну* и всего высказывания.

«**Ну**, междом. Разг. 1. Выражает призыв или побуждение к действию. [Бальзаминов:] *Ну, давай плясать! Становись!* А. Островский, За чем пойдёшь, то и найдёшь» (СРЯ, Т.2, 1981-1985, 513);

«**Да**, частица. || С частицей «ну» (*да ну*) образует сложную частицу с усилительно-побудительным значением. [Кочкарев:] *Да ну, брат, поскорее/ Как ты копаешься/ Гоголь, Женитьба.-Больным и раненым на улице ход воспрещается! – смеялась она. – Да ну, пусть, меня дома дети ждут. Фадеев, Последний на удэге.»* (СРЯ, Т.1, 1981-1985, 359).

В составе производящего предложения междометие *ну* выполняет функцию модального компонента, усиливающего значение всего высказывания (в данном случае значение побуждения). (Меликян, 2013, 164-165) Вспомогательная роль междометия *ну* в составе производящего предложения подтверждается экспериментально: при опущении данного компонента предложение сохраняет свой коммуникативно-синтаксический статус. Как видно из предыдущего примера, простое побудительное предложение является таковым и в следующем своём структурном варианте: *Не ворчи, пожалуйста!* Кроме того, возможна инверсия междометия и полнозначительной лексики, что не допускается во фразеосхеме. Например:

[Чугреев:] *сунул Фадейцеву устав. – Переписывай! Быстро, ну.* /Вс. Иванов. Долг/.

Опущение данного компонента в составе фразеосхемы приводит к утрате фразеологического статуса и категориального значения «отрицания», а в некоторых случаях к его разрушению как языковой единицы (об этом см. далее).

Таким образом, обязательный неизменяемый компонент фразеосхемы репрезентирован сочетанием лексем *да ну*. В ходе исследования, фразеосхема «**Да ну** + **N₁!**» с опорным компонентом-неполнозначительным словом, извлекалась методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка, фразеологических и

толковых словарей, произведений художественной литературы XIX, XX и XXI вв., а также записей устной речи, показал,

Анализ плана выражения данных примеров показал, что в составе данной фразеосхемы в практике речевой коммуникации встречается исключительно составной вариант опорного компонента *да ну*. Например:

Она внимательно слушает меня и вдруг говорит: – Юрий Владимирович, так вы же можете целую книгу написать! Так все интересно. – Да ну, книгу, – отшутился я тогда, – у меня и времени-то нет. /Ю.Никулин. Мое любимое кино/.

Опорный компонент парадигматическими свойствами не обладает. Например:

– Я ведь, свинья такая, ничего про тебя не знаю. – Да ну – свинья! – хмыкнула Нелька. /А. Берсенева. Полет над разлукой/.

Этимологическое значение междометия *ну* связано с семантикой «побуждения». (Меликян, 2014, 184-185). Фразеосхема же выражает значение «отрицания». Отсюда лексико-семантическое значение лексемы *ну* в составе фразеосхемы деактуализировано. Сочетание *да ну* утратило синтаксические связи с полнозначенательной лексемой в составе фразеосхемы, что проявляется в невозможности его постпозиции. Это свидетельствует об утрате и грамматического значения лексемой *ну*. Таким образом, опорный компонент *да ну* в составе фразеосхемы полностью деактуализирован.

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы «*Да ну(,) + N₁₋₆ [Pron₁₋₆, V_{fin}it, inf, Adj₁₋₆, Adv]!*» представлен всеми полнозначенательными частями речи, т.е. имеет полную лексико-грамматическую парадигму. При этом анализ языкового материала показал, что чаще всего в этой позиции встречается имя существительное; остальные части речи – намного реже. Например:

Бухгалтер приглашал Эрну Семеновну покататься на лодке. – Да ну вашу лодку! – говорила она, протягивая к зеркалу губы, как бы для поцелуя. /Л. Чуковская. Софья Петровна/;

[Мама:] «А если, говорит, прилипнет, что будет?» Я говорю, «Ну вот сказали, если прилипнет, значит железо». Она говорит, «Ну какое же железо, если сковородки делают из алюминия» [смех] Послушай, стою там как дура, мне стыдно, а все равно прилепливаю, стараюсь (смех). Больше не буду так. **Да ну ее в пень с ее советами.** Она мне говорит, «Батюшки, кто же вас так научил». (смеется) [Дочь:] Сказала бы, что Чернявская с пятого этажа. [Мама:] Так подожди, я знаешь чего хотела... /НКРЯ. Домашний разговор/;

*– Не сам, его привели. – Не сам пришел. Значит, его заставили. – Да ну, **заставили!*** – Его никто не выбирал. – Если верить тому, что сейчас идет по телевидению, что, по крайней мере, эти люди, которые стоят за ним, не собираются убежать из страны. По крайней мере, однозначно сейчас эта пропаганда идет. /Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж). Фонд «Общественное мнение/;

*– Могу другую. – Нет / синюю давай положи. Полосатую. Да ну **красную.*** – Можно и полосатую. Ну / ладно / полосатую постелим / она тоже чистая. – Чего? /Домашний разговор. Из коллекции НКРЯ/;

[Степан, Александр Панкратов-Черный:] Хех, ну что ж, думаю, неплохо!

[Бавурин, Петр Щербаков:] Да ну, неплохо. Вот у нас в казармах в Царском Селе... /К. Шахназаров, А. Бородинский. К/ф «Мы из джаза»/.

Морфологическая парадигма имени существительного, имени прилагательного, личного местоимения и глагола полная (Виноградов, 1972, 140). Например:

– Не скажи. Я вот по телевизору... Татьяна на правах подруги оборвала: – **Да ну тебя с твоим телевизором!** Не обижайся, Лид, но ты зря его все время смотришь! Лидия обиделась: – Я его смотрю как источник информации! /А. Слаповский. Синдром Феникса/;

Здоровый элемент риска украшает и обогащает жизнь! Пожить так, как даже короли не смеют мечтать? Вся планета у ваших ног! – **Да ну ее, планету эту!** – уже решительно говорит мужчина. – Толку-то с нее? На кой ляд она мне сдалась? /В. Рыбаков. Хроники смутного времени/.

Лексическая парадигма обязательного изменяемого компонента полная. (Меликян, Вакуленко, 2015, 58-64)

Фразеосхема «**Да ну + N₁!**» синтаксической парадигмой не обладает по причине необратимости порядка следования её обязательных компонентов. Это детерминировано деактуализацией синтаксических отношений между структурными компонентами модели предложения.

Данная фразеосхема имеет два факультативных компонента. В роли одного из них функционирует указательное местоимение *этот*: «**Да ну(,) + этот 1-6 [эта 1-6, эти 1-6, ...] + N₁₋₆!**».

«**Этот, мест. 6. указательное.** Служит для выражения эмоционального отношения к определенному предмету, явлению и т.п. *И писать не о чем в письмах, жизнь истоцилась, ничто не интересно в этой Ялте.* Чехов, Письмо О.Л. Книппер, 5 янв. 1903» (СРЯ, Т.4,1981-1985, 771). При этом лексема *этот* имеет полную морфологическую парадигму.

Указательное местоимение *этот* выступает перед обязательным изменяемым компонентом, репрезентированным именем существительным или именем прилагательным. Оно выступает в качестве субъективно-модального модификатора их содержания и придаёт всему высказыванию дополнительную негативную эмоциональную окраску. Например:

Между прочим, люди, которые живут в горах, самые здоровые и живут очень и очень долго. А все потому, что в горах очень свежий воздух. И, кроме того, разные горные источники, в которых вкусная и полезная вода. – Да ну эти горы, – поежился шпион Дырка. – Холодно, кругом только лишь голые скалы и камни. /В. Постников. Карандаш и Самоделкин в стране людоедов/;

[Маша:] Может супчик какой-нибудь? Только не быстрого приготовления, мне уже от него нехорошо! [Женя:] Тогда я не знаю, что тебе предложить, борщ ты не хочешь, варить тебе его лень. [Маша:] **Да ну этот борщ**, надоел он, может щи какие-нибудь? [Женя:] Ну-ну! Если тебе за капустой на рынок бежать не лень, а там мороз, гололед. Посмотри в окно, как люди укутались. /Домашние разговоры. Из материалов Ульяновского университета/.

В качестве факультативного компонента может использоваться и притяжательное

местоимение, которое в контексте отрицания приобретает негативную коннотацию и сходно по значению и функции с указательным местоимением *этот*: «**Да ну(,) + твой [ваш, ...] + N₁₋₆!**». Однако данное значение притяжательного местоимения словарями не зафиксировано. Притяжательное местоимение занимает препозицию к именному обязательному изменяемому компоненту и может функционировать самостоятельно либо в редких случаях в сочетании с указательным местоимением *этот*: «**Да ну(,) + этот₁₋₆ [эта₁₋₆, эти₁₋₆, ...] + твой [ваш, ...] + N₁₋₆!**». Например:

– Я арбуз люблю! К беседе подключаются другие соседи по столу: – А я «Ментос» люблю! – А я сникерс! – **Да ну твой сникерс**, лучше «Старберст»! К услугам этих адептов синтетической пищи в вестибюле школы имеется автомат с сухарями в пакетиках. Учителя печалются: он популярен особенно среди тех, кто не завтракает в столовой. Маленькие уже разошлись по домам. /Школьная еда: Шоколадка вместо борща. Комсомольская правда/;

– Помогай же мне, ступай в приказчики... – Ох, искушение! – вздохнул Василий Борисыч. – **Да ну его к шуту, твое «искушение»**. Заладил, что сорока Якова, надоел даже... Идешь в приказчики? – Молчит Василий Борисыч, мутится взор его под горячими взглядами Потапа Максимыча. /П. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая/;

– Да ну эти твои советы! Из разг. речи/.

Фразеосхема «**Да ну + N₁!**» способна распространяться. Распространяющие члены предложения способствуют детализации предмета речи, связанного с отрицанием. Однако чаще всего в речи встречается нераспространенный её вариант. Например:

[Домна Пантелевна:] Это вот вам, бездомным да беспутным. [Мартын Прокофьевич Нароков:] О, невежество! Кинжал в грудь по рукоятку! [Домна Пантелевна:] **Да ну тебя с кинжалами!** У вас путного-то на сцене немного; а я держу свою дочь на замужней линии. Со всех сторон там к ней лезут, да подлипают, да глупости разные в уши шепчут... Вот князь Дулебов повадился, тоже на старости лет ухаживать вздумал... /А. Островский. Таланты и поклонники/;

На Москве-то как взбесятся!.. То-то начитают мне!.. И в самом деле, пожалуй, к церковным татам причтут!.. **Да ну их совсем!**.. Не детей крестить... Что мне Москва?.. Плевать!.. /П. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая/.

Фразеосхема «**Да ну + N₁!**» динамична в деривационном аспекте. На её основе образовалось несколько коммуникем:

«Да ну!»¹ Выражение усиленного побуждения совершить какое-л. действие. – Больным и раненым на улицу ход воспрещается! – смеялась она. – **Да ну**, пусть, меня дома дети ждут. /А. Фадеев. Последний из удэге/.

Да ну!»² Выражение отрицания, несогласия, возражения в сочет. с неодобрением, порицанием, недоверием и т.п. – Ваньк, дорогой-то не пей шибко. – **Да ну**, что я?.. /В. Шукшин. Печки-лавочки/.

Да ну?»³; Та ну?»¹ 1. Выражение удивления, изумления, недоумения, иногда в сочет. с недоверием, скептицизмом, требованием уточнить или подтвердить сообщаемую информацию. – Вот он раздумал ехать. И я тоже. – **Да ну?** – ахнул Прохор,

от изумления чуть не выронив банку из рук. /М. Шолохов. Тихий Дон/.

2. *Выражение удивления, восхищения, одобрения, положит. оц. и т.п.* – А я, дядя, тебе гороху принесла, – сказала Верушка... – Зелёнький. – **Да ну!** Я очень люблю зелёный горох. /Е. Носов. За долами, за горами/.

3. *Выражение удивления, разочарования, досады, испуга, негат. оц. и т.п.* – Жену нынче выгнал из дому! – **Да ну-у?...** – испуганно протянул большелобый тощий Самохин. /М. Шолохов. Поднятая целина/» (Меликян, 2013, 91-92);

«Ну тебя!»; <Да [а]> Ну тебя [<всех> вас, его, её, их] <к чёрту [к аллаху, к дьяволу, к бесу, к лешему, к ляду, к бабушке, к богу, на фиг, в болото, ...]/>! Прост. 1. Выражение негат. отнош., недовольства, негодования, возмущения и т.п. – Другая ты стала. Молодец. Отчего бы, а? – **Да ну вас**, бабушка, всё такая же, – проговорила она. /Н. Евдокимов. Грешница/.

2. *Выражение побуждения (требования, просьбы) отстать, оставить в покое кого-л., не совершать какого-л. действия.* Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: – **Да ну тебя!** /К. Паустовский. Тёплый хлеб/.

3. *Выражение отрицания в сочет. с недовольством, неодобрением и т.п.* Она тронула Павла за рукав. – Скажи, ты бы полетел к звездам? – **Да ну их!** – рассмеялся Павел. – Дорога больно далёкая, соскучишься. /Ю. Васильев. Ветер в твои паруса/.

4. *Выражение побуждения (требования, приказа, совета) к прекращению каких-л. действий, иногда в сочет. с неодобрением, недовольством, возмущением и т.п.* – Ну, кажется, хватит, – сказал Коля, пряча руку в карман. – Еще один разик, – умолял Остап. – **Ну его к чёрту!** Будет знать в другой раз! /И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев/» (Меликян, 2013, 208).

Фразеосхема «**Да ну + N1!**» регулярно сочетается с другими высказываниями в тексте. Это обусловлено ей категориальным значением «отрицания». Данный коммуникативный ход требует пояснения позиции говорящего в отношении эмоционального отрицания предмета речи. Например:

Пять процентов, право, довольно. Мы ведь за скорой наживой не гонимся. За границей купцы-то много побогаче нас, а довольствуются и меньше чем пятью процентами. – **Да ну ее ко псам, вашу за границу-то!** – вскричал во всю мочь Марко Данилыч. – Надо вести дела по-русски, а не по-басурмански!.. А то всех разорять... *грабнуть!*.. /П. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая/.

Данная фразеосхема обладает всеми фразеологическими признаками: воспроизводимостью, структурно-семантической устойчивостью и целостностью, идиоматичностью, экспрессивностью и разговорной стилистической маркированностью. (Меликян, 2009, 32-35). Последний признак детерминирован стилистическими параметрами производящего предложения, которое включает в свой состав разговорное междометие ну.

Рассмотрим более подробно свойство идиоматичности. Например:

[Виктор:] *Здесь весело , ребята , вон ,бегают какие , занимаются всякой фигнёй иногда. Это здорово , потому что в нашей жизни должны быть такие моменты , когда нужно не просто тупо «учиться , учиться и ещё раз учиться», как завещал великий Ленин , а ещё и выплёскивать из себя это ,реализовывать то, чему ты научился.* [Репортёр:] *А как же развлекаться здесь? [Виктор:] Да ну , развлекаться , а здесь не*

просто развлечение. Развлечение, оно же бесплодно, а здесь ты будишь креатив, который не просто куда-то в никуда уходит, а который идёт на пользу всем окружающим. Это моё мнение просто. («Мы здесь не развлекаемся + удивление, недоумение, неодобрение и т.п.») /Интервью с участником проекта «Гражданская смена». НКРЯ/.

Идиоматичными в данном примере являются: 1) категориальное значение «отрицания» («Мы здесь *не* развлекаемся»), т.к. формально оно не репрезентировано никакими языковыми средствами, а вытекает из лексико-грамматической организации предложения в целом; 2) наполнение модусной пропозиции («удивление, недоумение, неодобрение и т.п.»); 3) сема «интенсивности», обусловленная асимметрией краткого означающего и объёмным означаемым, равным двум пропозициям (двум самостоятельным высказываниям); 4) синтаксема «повествовательности», т.к. в структуре высказывания представлено междометие с внутренней формой «побуждения», а сама синтаксическая конструкция таковой не является.

Кроме того, в высказываниях, обязательный изменяемый компонент которого репрезентирован глагольной лексемой в форме инфинитива, имеет место явление грамматической транспозиции (грамматической метафоры). Дело в том, что в структуре коммуникативного смысла данного высказывания действие имеет иные морфологические характеристики, а именно: изъявительное наклонение настоящее время («не развлекаемся»).

Идиоматична и сема «экспрессивности», которая детерминирована содержанием модусной пропозиции фразеосхемы, «интенсемой», разговорной «стилемой» и асимметрией означающего и означаемого, которое проявляется в коммуникативно-функциональном аспекте организации высказывания, а также в грамматической транспозиции глагольного компонента.

Используемая литература

- АРХАНГЕЛЬСКИЙ, В.Л. *Устойчивые фразы в современном русском языке*. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1964.
- ЕВГЕНЬЕВА, А.П. (Ред.). *Словарь русского языка: в 4 т.* Москва: Русский язык, 1985. ISBN 5-94457-159-4.
- МЕЛИКЯН, В.Ю. и Д.А. ВАКУЛЕНКО. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-союзом: язык и речь. *Русский язык в школе*, 2015 (3), 58-64. ISSN 0131-614.
- МЕЛИКЯН, В.Ю. *Синтаксическая фразеология русского языка: учебное пособие для магистрантов, аспирантов и докторантов*. Москва: Флинта, 2013. ISBN 978-5-9765-1697-7.
- МЕЛИКЯН, В.Ю. *Синтаксический фразеологический словарь русского языка*. Москва: Флинта, 2013. ISBN 978-5-9765-1719-6.
- МЕЛИКЯН, В.Ю. *Современный русский язык. Синтаксическая фразеология. Учебное пособие для студентов*. Москва: Флинта, 2014. ISBN 978-5-9765-1697-7.

- МЕЛИКЯН, А.В. *Этимология фразеосхем испанского языка*. Москва: Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2009 (3). ISSN 2071-6001.
- РОЙЗЕНЗОН, Л.И. *Фразеологизация как лингвистическое явление*. Самарканд: Труды СамГУ им. А. Навои. Новая серия, 1961 (113)

Акбаева Ольга Викторовна
пл.Гагарина, г.Ростов-на-Дону, 1344010
конт.тел.: 89061838231
o.akbaeva@yandex.ru

Акбаева О.В. – соискатель ученой степени кандидата наук по направлению: 45.06.01 Языкознание и литературоведение, по научной специальности: 10.02.19-Теория языка Южного Федерального Университета. Кафедра теории языка и русского языка института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ ДГТУ (колледж экономики, управления и права)

К вопросу о контекстуальных трансформациях фразеологических неологизмов в русском языке

Мария Доброва

Annotation

The article on the basis of texts of the Internet-discourse deals with the contextual variation of neological idioms of the Russian language, their types and techniques of such modifications and their functional and pragmatic features.

Keywords

idiom – neologism – variation – Russian language – the language of Internet

Современный русский язык характеризуется несколькими актуальными явлениями, происходящими в его лексико-фразеологической системе, например, демократизацией речи и ослаблением ее официальности, вхождением в литературный язык разговорной и просторечной лексики, тенденцией к карнавализации общения и словотворчеству и др. (Валгина, 2003, Сиротина, 2013, Stěpanova, 2011).

Лексико-фразеологическая система отражает языковые изменения в первую очередь, испытывая на себе мощнейшее влияние общественных и политических трансформаций и реализуя коммуникативные потребности общества. Одним из наиболее заметных процессов, происходящих в современном русском языке, является наплыв неологизмов – явление, отмечаемое многими лингвистами (Гловинская, 2008, Кронгауз, 2007, Stěpanova, 2011) и затрагивающее не только лексику, но и фразеологию.

Говоря о неологизмах во фразеологии, лингвисты оперируют разными терминами, среди которых, например, неофразаема (Алефиренко, 2008), неофразеологизм (Байрамова, 2001), фразеологический неологизм (Мокиенко, 2006, Stěpanova, 2011) и др. В данной статье мы используем понятие фразеологического неологизма (ФН) и вслед за В.М. Мокиенко понимаем под ФН «не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» (Мокиенко, 2006, 2).

В данной статье мы предпримем попытку рассмотреть контекстуальные трансформации незафиксированных словарями, но популярных в Рунете и уже выходящих за его пределы ФН¹. При этом нам хотелось бы рассмотреть **вопросы, связанные именно с практическим применением подобных изысканий, например, при создании Словаря неологизмов**, работа над которым ведется в данный момент на кафедре славистики Университета им. Палацкого в Оломоуце и который будет включать в себя лексические и фразеологические неологизмы современного русского языка последнего десятилетия с примерами их контекстуального употребления. По нашему мнению, исследование трансформаций фразеологических неологизмов позволяет не

---

¹ Во всех примерах, взятых из Сети, сохранены орфография и пунктуация авторов.

только установить их коммуникативную востребованность и «укорененность» в сознании носителя языка, но и решить вопросы о составе и структуре фразеологического неологизма, уточнить его форму, например, для лексикографического портретирования.

Интернет-дискурс как среда актуализации фразеологических неологизмов был выбран неслучайно, поскольку он является коммуникативным пространством, в котором функционирование (и возникновение) языковых инноваций проследить легче всего. Материалом для данной работы послужили незафиксированные словарями фразеологизмы из картотеки автора, собираемые в рамках проекта Университета им. Палацкого в Оломоуце «Изучение неологических процессов в современном русском языке».

При актуализации в текстах интернет-дискурса фразеологические неологизмы подвергаются различным контекстуальным модификациям. Данное явление выглядит достаточно парадоксальным, учитывая то, что фразеологическая неологическая единица еще не зафиксирована словарями, «еще не полностью получили права гражданства в разговорной речи» (Мокиенко, 2006, 2), но при этом сам факт вовлеченности конкретного фразеологического неологизма в трансформацию и языковую игру говорит о его вхождении «в плоть и кровь» языка, о его популярности и его «узнаваемости» пользователем.

В нашем материале широко представлено использование различных приемов структурно-семантического и семантического типов дискурсивного варьирования фразеологических неологизмов: замена компонента, расширение компонентного состава и его сокращение (редукция), двойная актуализация, экспликация фразеологического образа и т.д. При этом нам хотелось бы акцентировать внимание на том, каким способом анализ функционирования ФН в модифицированном состоянии помогает определить форму и границы (структуру) фразеологической инновации для включения ее в Словарь в виде определенной вокабулы.

Наиболее часто встречающимся способом модификации ФН является **прием замены компонента фразеологической единицы**. Так, например, ФН *завершить/завершать гештальт* (из терминологической системы психологии) со значением «сделать что-либо важное, значимое», «закончить какое-либо важное дело» часто функционирует с заменой глагольного компонента синонимом или контекстуальным синонимом. Например,

У меня вот по плану собственно с треском захлопнулось пару гештальтов. Думала это произойдет попроще, но это как ловить на сквозняке "летающую" дверь.
[northica vk.com/northica](http://northica.vk.com/northica);

Купила ваниш, капнула на ткань блузки за воротом. ...Замочила в ванише. На утро ... пятна исчезли. Ура! Да, здравствует производство отбеливателей. Однако... вместе с пятнами ушел и зеленый цвет и вся моя долгожданная двухходовочка. Теперь блузка ярко-голубая. Тоже красиво, но я-то хотела отношений с зеленымиыыыыы.
Гештальт утоплен. <http://katnat.livejournal.com/250814.html>

Хотелось бы отметить, что наиболее частотными случаями варьирования глагольного компонента в данном ФН являются формы глаголов *завершать (гештальт)* и *закрывать (гештальт)*. При этом анализ интернет-контекстов показывает, что из

терминосистемы психологии данный фразеологизм пришел в речь в форме *завершать/завершить геитальт* (данный фразеологизм используется в данном значении согласно Яндекс.Блогам с 2004 года), однако в современном языке форма *закрывать/закреть геитальт* встречается примерно в 5 раз чаще (так, анализ фразеопотребления за 2014 год в блогах говорит о том, случаев использования сочетания *завершить геитальт* – чуть более 500, а формы *закреть геитальт* – почти 2500):

У танцующих бальбоа и линди будет возможность закреть геитальт по всем направлениям (в 11 утра закончить линди и успеть, успеть на дачу к 12 на занятия к Ане и Диме) http://vk.com/wall-5028891_10827.

Таким образом, можно определить основную форму ФН для его лексикографического описания. Лишь лимит места и ограниченность рамками жанра статьи заставляет ограничиться данными примерами, учитывая частотность варьирования глагольного (и не только) компонента у ФН (ср., например, *танцевать/скакать/плясать/прыгать с бубном* и т.д.)

Трансформируются ФН и с нарушением границ языковой единицы. При этом отмечаются как случаи расширения компонентного состава, так и случаи его усечения, редукции. **При расширении компонентного состава** во фразеологическую единицу вводятся дополнительные окказиональные элементы, которые дополняют и уточняют смысл фразеологизма, например, как в случае с рассмотренным выше ФН:

Сижу, закрываю детский геитальт - доедаю ложкой икру из килограммовой банки <http://tolchok.diary.ru/>.

Но при анализе большого числа контекстов обнаруживаются и явления системного, регулярного расширения, которые нельзя считать только окказиональными модификациями. Рассмотрим такой случай на примере ФН *запасаться/запастись попкорном*, который в современном русском языке функционирует со значением «пассивно, но с интересом наблюдать за развитием событий, ожидать чего-либо»:

*Ну, посмотрим кто тут и как себя проявит ;-). Войнушка уже в ближайшее время развернется с поразительной силой. **Запасуюсь попкорном** ;-)) <http://www.kip.ru/realtime/>.*

Наряду с данным, очень популярным в данный момент ФН стал системно использоваться и его вариант, возникший в результате добавления компонента *запасаться попкорном и патронами*:

***Запасаемся попкорном и патронами.** Продолжаем вести наблюдение.... <http://matmyst.livejournal.com/>;*

*Я уже **попкорном и патронами запасуюсь** чуя новый передел собственности khazin.livejournal.com.*

При этом значение фразеологизма меняется с «ожидать что-либо» на «ожидать что-либо плохое; готовиться к чему-либо, что будет иметь плохие последствия». Таким образом, учитывая наличие нового значения и стабильной, регулярной формы, можно говорить о параллельном функционировании еще одного ФН, что порождает вопрос о возможности его включения в Словарь неологизмов в качестве отдельной единицы.

Вопрос о границах формы конкретного фразеологического неологизма поднимается и в случае **редукции компонентного состава фразеологизма**, при котором сокращается количество элементов в производной модели, вплоть

до сегментации и возникновения т.н. «отфразеологического слова» (Блинова, 2004), которое актуализирует деривационно-ассоциативные связи с идиомой-источником в сознании носителя языка.

Анализ подобных трансформаций позволил обнаружить и многочисленные системные случаи редукции компонентного состава ФН, при которых в интернет-дискурсе начинают одновременно с полной формой ФН функционировать и подобные сегментированные элементы. Так, например, происходит с ФН *духовные скрепы*, используемом с ироничным оттенком в значении «основы, скрепляющие российское общество»:

*Сейчас вообще на все выходят опровержения. Чуть только **духовные скрепы** трещат - тут же все опровергают <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=842704>.*

Популярность данного фразеологизма позволила очень быстро возникнуть отфразеологическому слову «скрепы» в схожем значении, в том числе позволив ему стать т.н. интернет-мемом:

*Какого черта гимн СВЕТСКОГО(?) государства исполнял хор Сретенского мужского монастыря? Что лучше не нашлось? Видать **скрепы** внедряют.. <http://radulova.livejournal.com/3152605.html>*

Данный процесс затронул и уже упоминавшийся выше фразеологизм *запасаться попкорном*. В данной связи дискуссионным остается и вопрос о включении подобных отфразеологических слов в Словарь неологизмов в качестве отдельных лексем.

Подвергаются ФН и **семантическим трансформациям**, например, вовлекаясь в языковую игру. Таковы многочисленные случаи шуточно-игровой контекстуальной реализации фразеологизма *духовные скрепы*. Например, с **обыгрыванием звукового подобия слов**:

*О каких "духовных скрепах" можно говорить при такой правовой, социальной и политической несправедливости? ... Чем больше благополучия материального, тем меньше веры духовной. Проверено веками. **От такого "духовного скрепа" до духовного склена - один шаг..** <https://otvet.mail.ru/question/83739190>*

или при помощи **приема двойной актуализации**, при котором обыгрывается двуплановость фразеологической единицы:

*Впервые о «духовных скрепах» сказал президент наш Владимир Путин ... Теперь нам предлагают старый степлер и **ржавые духовные скрепки**. <http://maxpark.com/community/129/content/1813844>).*

Наблюдаются и случаи **экспликации внутренней формы фразеологической единицы** с развертыванием фразеологического образа, как, например, происходит в следующем контексте с ФН *пчелы против меда* со значением «об участии в чем-либо людей, изначально не заинтересованных в достижении положительного результата»:

***Пчелы в смятении. Голосовать ли за мед?** Очередная полумера дала трещину по вполне объективным причинам. <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=4487381#comments>*

Случаи семантических трансформаций ФН почти не затрагивают проблемы формы или границ языковой единицы, при этом позволяют поднять вопрос о включении или невключении в Словарь неологизмов примеров контекстуальной реализации подобного рода, учитывая бесспорную пользу таких контекстов, содержащих факты языковой игры и семантических трансформаций, например, для иноязычной аудитории.

Таким образом, на наш взгляд, исследование трансформаций ФН позволяет решить целый ряд практических вопросов: не только определить сам факт популярности новой фразеологической единицы в пространстве языка, ее коммуникативную востребованность, но и верифицировать форму и границы фразеологического неологизма, что является актуальным при ее лексикографическом описании. При этом анализ случаев дискурсивного варьирования ФН помогает проследить системные, регулярные процессы, приводящие как к образованию новых языковых единиц, так и к изменению изначальной формы фразеологического неологизма.

Используемая литература

- STĚPANOVA, L. *Současný ruský jazyk: triumf verbální svobody*. Olomouc: VUP, 2011. ISBN 978-80-244-2953-3.
- АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф. *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*. Москва: ЭЛПИС, 2008. ISBN 978-5-902872-16-0.
- БАЙРАМОВА, Л.К. Общеязыковые и окказиональные неофразеологизмы ФСП «Наркомания». In: *Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas VI. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej*. Szczecin, Greifswald: Uniw.Szczec., In-t filol.slow., Univ.Greifswald, 2001. С. 64 – 65. ISBN 3-86006-167-4.
- БЛИНОВА, Е.В. Типология отфразеологических слов. Способы их образования (на материале русской литературы XX века). In: *Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004г.)*. Москва: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. С. 46-50. ISBN 5-902638-04-6.
- ВАЛГИНА, Н.С. *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос, 2003. ISBN: 5-94010-092-9.
- ГЛОВИНСКАЯ, М.Я. и др. *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков*. Москва: Языки славянских культур, 2008. ISBN 5-9551-0216-7, 1726-135X.
- КРОНГАУЗ, М.А. *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: Знак; Языки славянских культур, 2007. ISBN 5-9551-0176-4.
- МОКИЕНКО, В.М. *Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное*. 2006. (дата обращения 10.04.2016). Dostupné z: [<http://oomnik.iling.spb.ru/neologia/konferencii/2007/konferencii/2006/faily/mokienko-v-m>].
- СИРОТИНИНА, О. Б. *Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски*. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. ISBN 978-5-292-04194-8.
- Яндекс.Блоги (2015): <https://blogs.yandex.ru/> [online] (дата обращения 10.09.2015). Dostupné z: <https://blogs.yandex.ru/>.

Мария Доброва, магистр
Кафедра славистики

Философский факультет Университета им. Палацкого (г. Оломоуц, Чехия)
Křížkovského 10, 771 80 Olomouc
mar1006@seznam.cz

Об особенностях изучения русской фразеологии в рамках дисциплины РКИ

Елена Витальевна Бринюк

Annotation

The article deals with the concept of creolized text discussing the problem of studying phraseology of the Russian language within teaching methodology Russian as a foreign language (RFL). There are analysed the main difficulties of idioms assimilation by foreigners and the ways to overcome them by means of non-verbal components of creolization.

Keywords

the creolized text, verbal and non-verbal components creolization, Russian as a foreign language, phraseological units.

Фразеологические единицы придают высказыванию эмоционально-оценочную и экспрессивную окраску, влияя на характер коммуникативной ситуации. Эту мысль справедливо утверждал Н.М. Шанский: «...Язык без фразеологизмов – все равно, что дистиллированная вода, если сравнить ее с родниковой» (Шанский, 1996, 14). Следует отметить, что понимание и активное применение фразеологических единиц иностранцами в процессе общения — ключ к постижению чужой культуры, свидетельство высокого уровня владения языком. Этот речевой навык, освоенная компетенция, способствует межкультурной коммуникации. Данный тезис связан с тем, что язык представляет собой совокупность мыслей, представлений, чувственного и жизненного опыта отдельного этноса. Таким образом, изучение иностранного языка должно быть сопряжено с развитием у обучающихся стремления к приобретению знаний о его структуре, а также знакомить с культурой народа. Фразеология отражает национальную специфику, географические и исторические условия, быт, традиции и обычаи страны, она «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» (Телия, 1996, 9).

По нашему мнению, изучение фразеологии любого иностранного языка мотивируется тем, что:

1. фразеологические единицы помогают понять национальный характер, мышление носителей языка, связаны с традициями, культурой и историей страны изучаемого языка;
2. фразеологические единицы, и особенно формы-идиомы (термин И.В. Тимошенко) характеризуются высокой частотой употребления в устной речи носителей. Непонимание фразеологизмов иностранцами ведет к коммуникативному сбою;
3. фразеологические единицы используются в текстах художественной литературы, средств массовой информации, в письменной речи. Невладение фразеологической базой не позволит иностранцу полноценно «войти в чужую социальную культуру».

По происхождению фразеологические единицы можно разделить на несколько групп, которые легко представить обучающимся, рассказывая о генезисе единиц; приведем некоторые из них (Шанский, 1996), (Телия, 1996):

1. из разговорной речи (зарубить на носу, заговаривать зубы, родиться в рубашке);
2. из языка науки (довести до белого каления);
3. из речи какой-либо профессиональной сферы (топорная работа, ставить в тупик, зеленая улица);
4. из молодежного сленга (быть в плюсе);
5. заимствования (играть первую скрипку, вставлять палки в колеса);
6. из текстов русской художественной литературы (А ларчик просто открывался);
7. из мифологии (Авгиевы конюшни);
8. из Библии (Глас вопиющий в пустыне).

Основной задачей преподавателя в процессе изучения русской фразеологии является знакомство обучающихся с единицами, имеющими наибольшую частотность в письменной и устной речи, разъяснение их значения, характеристика сферы употребления, формирование навыков распознавания изученных элементов в текстах средств массовой информации и в художественной литературе, а также правильное применение в рамках коммуникативной ситуации.

Основными трудностями изучения фразеологии любого иностранного языка мы считаем:

1. невозможность распознавания фразеологических единиц в потоке речи;
2. неверное толкование фразеологических единиц;
3. для полного понимания и верного употребления фразеологических единиц недостаточно только знать их семантику, но необходимо иметь представление об истории возникновения, соотносить с близкими по значению лексемами (синонимами) родного языка;
4. особую сложность вызывают фразеологизмы, содержащие устаревшие слова, например, баклуши (бить баклуши), зеница, око (беречь, как зеницу ока);
5. смешение и перестановка компонентов фразеологических единиц (например, ни пера, ни пуха);
6. ограниченная сочетаемость ряда фразеологических единиц (например, фразеологизмы во всю прыть и сломя голову употребляются только с глаголами движения);
7. непонимание экспрессивной и эмоциональной окраски используемых фразеологизмов.

Сталкиваясь с подобными трудностями, студент-иностранец чаще всего старается избегать вводить фразеологизмы в речь. Для решения данной проблемы преподаватель может привлекать различные средства наглядности с целью облегчения семантизации фразеологических элементов. Системная работа над фразеологическими единицами должна проводиться на продвинутом уровне, что не исключает введения отдельных фразеологизмов на элементарном уровне (например, белая ворона, как кошка с собакой, золотые руки).

К сожалению, в современных учебниках начального этапа обучения русскому языку как иностранному фразеологии внимание практически не уделяется. Подробные

объяснения значений отдельных фразеологических единиц и условия их применения в коммуникативной ситуации находим только на продвинутых этапах (например, в учебнике Е.М. Марковой «Говорим, читаем и пишем по-русски», анализ которого мы приведем ниже). Разработаны также учебные пособия, содержащие дополнительный материал для изучения фразеологических единиц, например, «Знакомимся с русской фразеологией» Т.П. Чепковой, «Русские фразеологизмы в ситуациях» Н.В. Баско. Однако данные учебные издания направлены на расширение уже имеющихся знаний учащихся и могут использоваться только со второго года обучения.

Проблема освоения фразеологизмов на начальном этапе стоит остро, в связи с отсутствием должного количества иллюстративного материала в учебниках, с ограниченным словарным запасом студентов, не владением преподавателем родным языком или языком-посредником для прямого объяснения значения. Чтобы решить данную проблему, преподавателю необходимо самостоятельно подбирать средства наглядности. Этим продиктовано обращение к креолизированным текстам в методике РКИ. «Креолизированные тексты — это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» (Сорокин, Тарасов, 1990, 180).

Креолизированный текст присутствует на всех этапах обучения фразеологии: от начального (толкование фразеологической единицы и закрепление распознавания и понимания) до продвинутого (благоприятствует самостоятельному поиску новых фразеологизмов, стимулирует познавательные процессы).

При толковании фразеологизма невербальные компоненты креолизованного текста, а именно: дидактическая иллюстрация, - способны максимально точно раскрыть содержание вербальных компонентов. Кроме того, яркая наглядность вызывает ассоциации, помогающие запоминать материал, а также оказывает воздействие на обучающихся и вызывает интерес к процессу изучения иностранного языка.

Так, при презентации идиомы делать из мухи слона преподаватель может вначале дать наглядное изображение (на картинке нарисована муха, от которой проведена стрелка к слону), чтобы студенты самостоятельно предположили о его номинативном значении (Маркова, 2014, 19).

Наводящие вопросы (Какого размера муха, а какого слон? Что произошло с размером животного?) активизируют речевую деятельность учащихся, приводят к определенным выводам. Далее, преподаватель представляет фразеологическую единицу, ее значение, графическое изображение ситуации и даже освещает происхождение. Данную картинку можно привлекать и для закрепления языкового материала, например, во время викторин.

Во многих современных учебниках по русскому языку как иностранному приводится большое количество фразеологических единиц, объясняется их значение, однако, упражнений для закрепления недостаточно. В других же фразеологические единицы включены в диалоги, тексты для чтения, но на них не делается акцент, отсутствуют задания для работы и непосредственного закрепления фразеологических единиц. Занимаясь по таким учебным изданиям с обучающимися РКИ, преподаватель должен использовать дополнительные материалы.

К сожалению, изучению русской фразеологии в методике преподавания уделяется недостаточное внимание, учебники не могут в полном объеме продемонстрировать все многообразие состава и свойств фразеологических единиц, обеспечить условия для их усвоения и использования в речевой деятельности. Это ориентирует преподавателя обращаться к дополнительным пособиям.

По нашему мнению, учебники по русскому языку как иностранному даже для начального этапа должны содержать в себе материал для работы над фразеологическими единицами (введение дидактических текстов, упражнений, речевых образцов), сопровождаемый иконическими элементами креолизованного текста. Кроме того, сам преподаватель должен подбирать необходимый иллюстративный материал в процессе изучения отдельных идиом с целью устранения описанных нами выше трудностей, а также для полного понимания и использования фразеологических единиц в речи иностранцами.

Используемая литература

- БАСКО, Нина Васильевна. Русские фразеологизмы в ситуациях. Москва: Русский язык курсы, 2015 год. ISBN 978-5-88337-245-1.
- МАРКОВА, Елена Михайловна. Говорим, читаем и пишем по-русски (русский язык на курсах) (продвинутый уровень). Москва: Диона, 2014 год. ISBN 978-5-7017-2362-5.
- СОРОКИН, Юрий Анатольевич, ТАРАСОВ, Евгений Федорович. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. Оптимизация речевого воздействия. Москва: Наука, 1990 год, С. 180-186. ISBN 5-02-010983-5.
- ТЕЛИЯ, Вероника Николаевна. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996 год. ISBN 5-88766-047-3.
- ЧЕПКОВА, Татьяна Павловна. Знакомимся с русской фразеологией. Москва: Флинта, 2013 год. ISBN 978-5-89349-544-7.
- ШАНСКИЙ, Николай Максимович. Фразеология современного русского языка. Санкт-Петербург: Специальная Литература, 1996 год. ISBN 5-7571-0038-9.

Бринюк Елена Витальевна

проспект Ленина, дом 51, квартира 32, г. Ярославль, 150054

+7 965 375 71 70

evbrin@inbox.ru

Бринюк Елена Витальевна – аспирант кафедры русского языка и стилистики Московского государственного университета печати имени Ивана Фёдорова; ассистент департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Лингводидактический анализ текстов спортивного репортажа (на примере репортажей с соревнований по зимним видам спорта)

Милена Владимировна Силантьева

Annotation

The article is devoted to the analysis of sports reports in linguodidactic aspect. It contains the description of features of preparedness in sports reports and it gives a detailed review of logical-semantic text structure. Also the article focuses on the question of unpreparedness of reports; there is a consistent analysis of oral speech features which are peculiar to sports reports. It is made a conclusion about the possibility of using sports reports in learning process as the basis for creating the exercises, which are aimed at developing the skills of listening and speaking at the advanced level.

Keywords

linguodidactic text analysis, sports report, logical-semantic text structure, prepared oral communication, unprepared oral communication, colloquial speech.

В современной методике преподавания иностранных языков, в том числе и русского как иностранного, одним из наиболее актуальных вопросов является отбор текстов для учебного процесса. Большое количество текстов различной направленности уже являлось предметом исследований: тексты художественной литературы, официально-делового стиля, материалы печатных СМИ, тексты, посвящённые естественнонаучным дисциплинам. Сравнительно немного внимания уделялось анализу текстов социокультурной (зрелищно-массовой) сферы, в частности, текстам спортивного репортажа, в целях их включения в процесс обучения русскому языку как иностранному. В то же время тексты данной тематики представляют большой интерес у определённого контингента учащихся, а именно, согласно нашим наблюдениям, студентов из европейских стран и США, владеющих русским языком на уровне не ниже В1.

Прежде чем рассматривать тексты спортивного репортажа в качестве материала для обучения русскому языку как иностранному, необходимо подробно проанализировать их структуру. Для этого был проведён анализ, детально описанный в дипломной работе автора статьи (Силантьева, 2015). В результате анализа мы пришли к выводу, что текст спортивного репортажа обладает своеобразной, двойственной природой. Его гибридность проявляется в том, что этот текст, с одной стороны, является частично подготовленным, с другой же, обладает рядом черт неподготовленности.

Черты подготовленности в данных текстах были выявлены в результате метатемного анализа Д.И. Изаренковым (Изаренков, 1995, 91-107). Тексты спортивного репортажа обладают чёткой логико-смысловой структурой, обнаружить которую помогло понятие «метатемы» и «макрополя». Под метатемой понимается «совокупность, множество тем, объединяемых на основе единства, тождества аспектов рассмотрения обозначенных в них объектов (классов объектов)» (Изаренков, 1995, 92). Макрополе – это всё содержательное пространство во всех текстах, объединённых данной метатемой. Макрополе делится на микрополя. Под инвариантной структурой понимаются «микрополя, без которых текст данной метатемы не может быть построен» (Марков, 2004). Таким образом, метатемный анализ позволяет определить общие закономерности

композиционного построения в структуре текстов, установить состав инвариантных микрополей. Использование термина «метатема» в ходе анализа текстов позволило, с одной стороны, «теоретически и дидактически адекватно описать основные составляющие текста (характеристики, признаки, части) на всех уровнях организации этой коммуникативной единицы, с другой стороны, достаточно строго отобрать текстовый материал для целей обучения, системно, строго, последовательно организовать его в пределах учебного курса» (Марков, 2003, 73).

В рамках анализа логико-смысловой структуры текстов было рассмотрено в общей сложности более трёхсот текстов спортивных репортажей с соревнований по зимним видам спорта с целью выявить наиболее часто встречающиеся микрополя, а также комбинации микрополей, для дальнейшего определения инвариантной структуры данного типа текста. Были проанализированы тексты репортажей со следующих зимних видов спорта: биатлон, лыжные гонки, бобслей, конькобежный спорт, скелетон. Выбор видов спорта для анализа обусловлен схожей структурой их соревнований и, как следствие, репортажей.

В результате анализа было выявлено, что для жанра репортажа по зимним видам спорта характерно раскрытие содержания на уровне метатемы «Общая характеристика процесса». Представляется, что данный тип текста является преобладающим в репортаже с соревнований по любому виду спорта, учитывая цели репортажа как жанра (описать какое-либо событие, в нашем случае – спортивное соревнование). Инвариантную структуру репортажа составляют поля, без которых данный тип текста (в нашем случае спортивный репортаж) не может быть построен, а именно: хронология (ход) протекания процесса; определение основных свойств, признаков объекта; результат процесса. Как уже было отмечено, в рассматриваемых видах спорта макроструктура репортажа практически одинакова, но существенно различается порядок предъявления информации (то есть порядок следования микрополей). Причинами данных различий стоит считать вид спорта, а также конкретный тип гонки. Принципиально важным оказывается тот факт, начинается гонка с общего старта или с раздельного. Например, в гонках с раздельным стартом, таких как индивидуальная гонка и спринт в биатлоне, лыжных гонках, конькобежном спорте, бобслее и скелетоне, представление спортсмена (то есть реализация микрополя «Определение основных свойств, признаков объекта») происходит перед его стартом, когда на экране телезрителям предстаёт только описываемый спортсмен. В гонках же с общим стартом свою характеристику от комментатора спортсмены получают (или же не получают вовсе) в зависимости того, насколько успешно или неуспешно для них разворачивается гонка, как часто они попадают на экран.

Перечисленные выше характеристики текстов спортивного репортажа доказывают наличие в них компонента подготовленности. Однако в них также присутствует элемент неподготовленности, который нельзя оставлять без внимания. Частичная неподготовленность текстов объясняется влиянием ряда экстралингвистических факторов. Во-первых, полностью содержание спортивного репортажа не может быть спрогнозировано заранее, так как оно практически целиком зависит от событий на экране, которые и зритель, и комментатор видят впервые непосредственно в момент речи. Во-вторых, форма спортивного репортажа существенно

варьируется в зависимости от вида спорта, личности комментатора, а также таких экстралингвистических факторов, как эфирное время и наличие рекламных блоков. Это влияние проявляется, например, в возникновении таких абсолютно не связанных с содержанием самого репортажа композиционных фрагментов, как сообщение о количестве оставшегося эфирного времени. (*«Меньше двух минут остаётся до конца нашей трансляции. Дальше – «прямой» футбол <...> Так что не сможем показать цветочную церемонию. Ну, жесткие эфирные рамки»*), репортаж за ноябрь 2012, т\к «Спорт», комментатор – Д.Губерниев). Очевидно, что подобные вставки часто содержат объяснение причин той или иной композиционной особенности репортажа, которую нельзя было спланировать заранее и которая без данной оговорки комментатора может вызвать недоумение зрителя.

В проанализированных текстах спортивного репортажа присутствует большое количество черт разговорной речи. Нужно подчеркнуть, что в настоящей статье термин «разговорная речь» понимается как разновидность русского литературного языка, наряду с кодифицированным литературным языком (Земская, 2011, 3), то есть как речь образованных людей в определённых речевых ситуациях. Перед нами, по большей части, - форма устного монолога, в которой встретить черты неподготовленной речи намного более вероятно, чем в письменном тексте. Порождая какой-либо письменный текст, человек продумывает свою мысль, отклоняет неудачные варианты, записывая только то, что ясно и чётко выражает его идею. Создание письменного текста меньше подвержено спонтанности, чем создание устного. Ярким доказательством может послужить большее количество оговорок и речевых ошибок в устной речи, чем в письменной – опечаток и грамматических (орфографических) ошибок. Возможность многократного редактирования текста сводит к минимуму (или, по крайней мере, потенциально должна сводить к минимуму) число ошибок. Публицистические жанры, обыкновенно представленные в письменной форме, имеют своей целью эмоционально воздействовать на читателя, вызвать его интерес, передавая одновременно какую-либо информацию. При схожей цели, устная речь (неподготовленная в особенности) имеет тенденцию выражать эмоциональную реакцию говорящего, что является ещё одной её особенностью. Например, в тексте спортивного комментария можно встретить: *«Ну, хам, вы знаете, в хорошем смысле слова! Наглец, но имеет право. Эмиль, конечно, неподражаем. Да, он разобрался сейчас просто в одну калитку с Гараничевым...»* (репортаж за ноябрь 2012, т\к «Спорт», комментатор – Д. Губерниев).

С опорой на работу Е.А. Земской и Е.Н. Ширяева (Земская, Ширяев, 1980, 61–72) были выявлены композиционно-стилистические особенности текстов спортивного репортажа. Анализ был проведен по трем критериям, или признакам устной речи, которые исследователи считают основными, а именно степени подготовленности, непосредственности общения и связи с ситуацией.

Степень подготовленности в рассматриваемых текстах достаточно высока, что доказывает наличие инвариантных микрополей в их логико-смысловой структуре. Так, в ходе анализа были встречены такие фрагменты, которые не могут быть отнесены ни к одному микрополю, а именно фрагменты, в которых представлено ритуальное приветствие и прощание, выражение благодарности, сообщение о рекламных паузах в эфире (*«Лёгкая реклама, дальше продолжаем <...> Мы продолжаем наш репортаж»*,

репортаж за декабрь 2007, т\к «Спорт», комментатор – Д. Губерниев). Подобные примеры, на наш взгляд, показывают относительную импровизационную свободу комментатора.

Непосредственность общения (то есть такая ситуация, когда «оратор видит реакцию слушателей и реагирует на нее» [Земская, Ширяев 1980: 64]) не присуща текстам спортивного репортажа. Однако, речь комментатора всегда остается направленной на потенциального слушателя, что проявляется в прямых обращениях к аудитории («*И снова здравствуйте, уважаемые друзья! Вас приветствует из Холменколлена комментатор Дмитрий Губерниев!*», репортаж за февраль 2014, т\к «Спорт», комментатор – Д. Губерниев), употреблении местоимения «мы» со значением «включение в сферу субъекта зрителя» («*И сейчас мы посмотрим на текущие результаты, к слову сказать, поскольку с таким разгоном есть шанс сейчас, что корейцы прошли лучше*», репортаж за февраль 2015, т\к «Спорт 1», Д.Бобцов).

Степень связи с ситуацией, то есть зависимость порождаемого текста от внеязыковых факторов, характеризующих ситуацию, в текстах спортивного репортажа высока. Когда на трассе происходит какое-либо неожиданное событие, комментатор вынужден осветить происшествие («*Падение! Всё, Александр Легков выбывает из борьбы на награды, да что там, и в восьмерку рискует не попасть наш спортсмен*», репортаж за январь 2013, т\к “Eurosport”, комментатор – А. Кондрашов).

Речь спортивного комментатора является своеобразным «сплавом» черт кодифицированного литературного языка и разговорной речи. Черты последней возникают из-за стремления комментатора преодолеть барьер между ним и слушателем. Например, в речи комментатора нередко встречаются узнаваемые строки из песен, известных произведений, кинокартин («*Здравствуйте, я Ваша норвежская тётя!*» (о внезапно появившейся на повороте биатлонистке Туре Бергер из Норвегии; отсылка к названию к\ф «Здравствуйте, я ваша тётя»; репортаж за февраль 2013, т\к «Спорт 1», комментатор — Д.Губерниев); «*Зиман и Зуманн — Труляля и Траляля мирового биатлона*» (отсылка к персонажам «Алисы в Зазеркалье»; репортаж за декабрь 2009, т\к «Спорт», комментатор – Д. Губерниев); «*И уносят меня, и уносят меня два норвежских коня*» (о двух быстрых норвежских биатлонистах Т.Бё и Э.Х.Свендсене; переделанная строчка из песни из к\ф «Чародеи»; репортаж за март 2012, т\к «Спорт», комментатор – Д. Губерниев); «*Они сошлись: Фуркад и Пайффер, и Халленбартер позади*» (аллюзия на известную строчку из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина; репортаж за декабрь 2012, т\к «Спорт 1», комментатор — Д.Губерниев).

Но ещё чаще комментаторы используют разговорные номинации. Особой продуктивностью пользуются так называемые субстантивы в терминологии Е.А.Земской (*штрафной* – вместо *штрафной круг*, *сборная* – вместо *сборная команда*) и номинации с отсубстантивными прилагательными (то есть такими, которые образовались от существительных). Для понимания номинаций последнего типа особенно важна общая когнитивная база комментатора и зрителя, иначе они будут восприняты как «содержащие какую-то недоговорённость» (Земская, 2004, 58). Формальное строение номинаций такого типа: сочетание существительного с отсубстантивным прилагательным, называющим ситуативно обусловленный признак предмета (Земская, 2004, 64). Например: «*Допинговые скандалы потрясают спортивный мир из года в год*,

увы, дорогие телезрители» (т.е. скандалы, связанные с употреблением допинга; репортаж за март 2010, т\к «Россия 2», комментатор – Д. Губерниев); *«Для немцев эта неделя золотая»* (т.е. на этой недели немцы выиграли много золотых наград; репортаж за февраль 2006, т\к «Россия 2», комментатор – Д.Губерниев)

Вышеописанные особенности репортажей с соревнований по зимним видам спорта могут быть учтены при использовании данного материала на занятиях по обучению русскому языку как иностранному. Быстрый темп речи и черты разговорности делают тексты спортивного репортажа примером приближенного к повседневным условиям общения.

Была предпринята попытка составления микросистемы упражнений, направленных на формирование навыков и умений общения в аудировании и говорении. Упражнения в микросистеме расположены в зависимости от этапа работы с текстом, а также от умения, на развитие которого они направлены. Подчеркнём, что ввиду того, что конечной целью не является обучение учеников-иностранцев профессиональному комментированию соревнований по биатлону, то представляются нецелесообразными задания, где результатом должен быть монолог, передающий содержание текста. На материале данных текстов возможно эффективное формирование умений, направленных, например, на развитие интонационного слуха, узнавание грамматической формы слова в предложении, полное и частичное понимание содержания текста и др. Приведём несколько примеров формулировки заданий, направленных на развитие различных умений:

1. Упражнения, направленные на развитие интонационного слуха и механизм сегментации речевой цепи:

Прослушайте отрывок спортивного репортажа. Определите, где должны быть паузы в предложениях. Ответьте условными знаками интонацию завершенности и незавершенности.

Приближается Свендсен к Пайфферу и Гараничеву. Пайффер сделал всё, что мог, чтобы вытеснить Гараничева с первой позиции и отыгрывал – четыре с лишним секунды отыграл, но семь десятых не успел в спринтерской гонке. Но вспомним, как Пайфферу везло, когда ему добавляла секунды, когда он перемещался на призовые места.

2. Упражнения, связанные с узнаванием грамматической формы слова, словосочетания в предложении:

Прослушайте отрывок спортивного репортажа. Определите формы всех числительных.

Здесь мы видим, что Евгений Устюгов на финише боролся, как мог, за шестое место, но всё-таки его не добыл – Тим Бурк выиграл чуть-чуть, несколько десятых. Фак – пятый, Бурк шестой, Устюгов седьмой. Ну и вот сейчас ещё один прогресс – у Флориана Графа. Пайффер, стартовав вторым, пришёл первым, Свендсен, стартовав третьим – второй. С первой позиции ушёл Гараничев – нынче третий. Фуркад был десятым, стал четвертым. Ну а дальше – дальше мы видим, что Бурк с пятнадцатой позиции на шестое место шагнул, был седьмым и остался седьмым Устюгов. С пятнадцатого места на восьмое переместился Граф.

3. Упражнения, связанные с формированием у учащегося коммуникативной установки на слушание и понимание содержания текстов:

Прослушайте отрывок спортивного репортажа. Скажите, кто из спортсменов занял в итоге место выше, чем имел на старте.

Здесь мы видим, что Евгений Устюгов на финише боролся, как мог, за шестое место, но всё-таки его не добыл – Тим Бурк выиграл чуть-чуть, несколько десятых. Фак – пятый, Бурк шестой, Устюгов седьмой. Ну и вот сейчас ещё один прогресс – с пятнадцатого на восьмое место – у Флориана Графа. Пайффер, стартовав вторым, пришёл первым, Свендсен, стартовав третьим – второй. С первой позиции ушёл Гараничев – нынче третий. Фуркад был десятым, стал четвёртым. Ну а дальше – дальше мы видим, что Бурк с пятнадцатой позиции на шестое место, был седьмым и остался седьмым Устюгов.

4. Упражнения, направленные на продуцирование сообщения по заданной проблемной теме в устной форме:

Прослушайте отрывок спортивного репортажа и ответьте на вопросы после текста:

Ну и выкат, подъём, потом вот эта равнина – начинается спуск. Аккурат перед его Величеством трамплином, потому что это величайшее спортивное сооружение на планете – грандиозный Холменколленский трамплин. Стоя рядом с ним, испытываешь настоящее благоговение. Надеюсь, что и сочинские трамплины будут навевать те же самые высокопарные мысли. Но здесь – колоссальная история, здесь центр развития мировых лыж, мирового биатлона, здесь всё начиналось.

Как вы считаете, важно ли для спортсмена знать историю развития своего вида спорта? Почему?

5. Упражнения, направленные на составление плана беседы и проведения дискуссии на заданную тему:

Вам предложена тема беседы. Составьте устно план беседы в виде наводящих вопросов и проведите дискуссию в вашей группе (можно предложить тему «Нужно ли спортсмену знание истории для достижения успеха?» на материале представленного выше текста).

6. Упражнения, направленные на аргументирование своей точки зрения:

Как вы считаете, что является самым важным компонентом спортивного успеха? Удача, талант, упорство в достижении цели или что-то другое? Обсудите этот вопрос с одноклассниками. В процессе участия в беседе вы можете использовать приведённые ниже слова:

Дисциплинированность

Наглость

Осторожность

Ответственность

Талант

Трудолюбие

Удача

Упорство

Упрямство

Физическая форма
Хитрость
Хладнокровие

Таким образом, кажется целесообразным внедрение в учебный процесс заданий, составленных на материале текстов спортивного репортажа. Заметим, что задания такого типа могут быть интересны не всем группам учащихся, поэтому перед тем как предлагать их в аудитории, необходимо проанализировать интересы конкретной группы, а также профессиональную направленность студентов. Представляется, что подобные задания могут быть особо полезны иностранным группам факультета журналистики, которые в силу специфики своей профессии, нередко встречаются с подобными текстами в рамках своих практических занятий.

Используемая литература

- ЗЕМСКАЯ, Елена Андреевна. *Русский как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие.* — Москва: ФЛИНТА, 2011. ISBN 978-5-89349-635-2.
- ЗЕМСКАЯ, Елена Андреевна, ШИРЯЕВ Евгений Николаевич. *Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? Вопросы языкознания.* 1980. Вып. №2. С. 61-72.
- ИЗАРЕНКОВ, Дмитрий Иванович. *Лингвометодическая интерпретация учебного текста. Русский язык за рубежом.* 1995. Вып. №3. С.91-107.
- МАРКОВ, Владимир Тимофеевич. *Лингводидактическое описание учебного текста и технология обучения речевому общению иностранных студентов гуманитарного профиля.* Москва, 2004. Диссертация на соискание учёной степени доктора педагогических наук. Московский педагогический государственный университет. Научный консультант Городилова Г.Г.
- МАРКОВ, Владимир Тимофеевич. *Методическая концепция обучения общению иностранных студентов гуманитарного профиля (на базе интегративно-когнитивного подхода): монография.* – Москва: МПГУ, 2003. ISBN 5-94845-085-6.
- СИЛАНТЬЕВА, Милена Владимировна. *Лингводидактический анализ текстов спортивного репортажа (на примере репортажей с соревнований по биатлону).* Москва, 2015. Бакалаврская работа. МГУ имени М.В. Ломоносова. Научный руководитель Марков В.Т.

Силантьева Милена Владимировна

Студентка I курса магистратуры кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Ул. Ленинские Горы, 1, Москва, Россия, 119992
milena_silantyeva@mail.ru

Родилась в городе Волгограде. Окончила с золотой медалью среднюю общеобразовательную школу № 81 с углубленным изучением иностранных языков. Во время учёбы принимала участие в ряде олимпиад по различным предметам, в 2011 году стала призёром заключительного этапа Всероссийской олимпиаде школьников по литературе.

С 2011 года и по настоящий момент является студенткой филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В 2015 году с отличием окончила бакалавриат по специальности «Русский язык как иностранный» и поступила в интегрированную магистратуру кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного.

Польский и русский языки в личной документации

Марлена Липиньска

Annotation

The article discusses the problem of the function of shaping the text on the cultural standards of administration's discourse. The object of the research are Russian and Polish texts from the genre of personal documents: diploma of higher education - considered in comparative terms. Established general principles for the creation of texts of a given group of species as well as revealed to marked cultural categories of semantic-conceptual, manifested in certain segments of texts.

Keywords

source language, target language, translation, linguistic and cultural categories

Существующие, в польско-русском и русско-польском переводческом дискурсе, деловые, специальные, юридические тексты являются в последнее время все более популярными. К сходному типу текстов принадлежит именно личная документация, перевод которой имеет особый и общий характер как в русском, так и в польском языке. В последнее время, среди практиков и теоретиков по переводу, наблюдается усиленный исследовательский интерес к специальным и прагматическим текстам. Обязательно к ним принадлежат: З.Л. Новоженова, Т. Синявска-Суйковска, К. Райс, Л.К. Латышев и др.

Личные документы (польск. *dokumenty osobowe*) – это довольно узкая и солидная группа текстов, принадлежащая административно-правовой, деловой и юридической областям общественной жизни. Эту группу составляют:

- диплом (польск. *dyplom*),
- аттестат зрелости (польск. *świadectwo dojrzałości*),
- удостоверение (польск. *legitymacja*),
- паспорт (польск. *dowód osobisty, paszport*),
- водительские права (польск. *prawo jazdy*),
- завещание (польск. *testament*),
- справки (польск. *zaświadczenia*),
- автобиография (польск. *życiorys*),
- резюме (польск. *CV*),
- брачный договор (польск. *akt małżeński*),
- свидетельство о рождении (польск. *akt urodzenia*),
- свидетельство смерти (польск. *akt zgonu*) и др.

Перевод личных документов все-таки вызывает много затруднений, связанных с поисками лучших переводческих стратегий и решений, благодаря которым переводчик сможет передать факты из документа, а также принять во внимание прагматику настоящего перевода. А.Д. Швейцер считает, что это тип текста, специфика жанра, культурные стандарты, а также цель перевода, чем определяется способ и тактика перевода.

Многие исследователи, такие как К. Райс, И.С. Алексеева, В.С. Виноградов, утверждают, что одним из главных и первых заданий в анализе, еще перед процессом перевода, должно быть указание жанровой и стилистической особенностей типа текста. Литература предоставляет множество классификаций текстов. И так, В.Н. Комиссарова пишет: «Очевидна зависимость стратегии перевода от типа переводимого текста. Несомненно, перевод художественного романа и перевод технической инструкции требуют разного подхода, разного уровня эквивалентности и разных квалификаций переводчика» (Комиссаров, 2003-2004, 115). Жанр текста – важный фактор переводческих действий. Это относится также к личной документации, функционирующей в деловой, правовой, юридической сферах деятельности.

Считается, что жанровая обстановка личной документации создается словно языковая реализация юридически зафиксированного общественного опыта. Личные документы изображают состояние дел, которые касаются статуса лица, т.е. и административного, социального и юридического. Основной функцией данного жанра является предъявление информации и его запрос. Следует упомянуть, что личный документ является результатом работы коллектива, а адресатом может быть и учреждение, и индивидуальная личность. Специфика данного жанра заключается также в том, что в каждом случае каждый адресат должен точно и четко толковать документ. Жанровыми особенностями личной документации считаются:

- стандартизированность,
- конвенциональность,
- институциональность.

Стандартизированность структуры наблюдается в сфере языковых средств, т.е. терминологичность, книжность, нейтральная стилистика текста, постоянство конструкции текста с помощью устойчивых синтаксических конструкций, клишированная лексика и графическое оформление (бланки).

Конвенциональность связана с нормами и ценностями, функционирующими в данной ассоциации. Личные документы обладают юридической закрепленностью как содержательного, так и графического аспекта формы.

Институциональность текстов данного типа связана с деятельностью социальных и государственных институтов. Такого рода тексты функционируют в административном или юридическом закреплении.

Не только жанровая организация личной документации вызывает трудности в процессе перевода текстов данного типа, но также их культурные стандарты представляют собой неотъемлемую часть текстов административно-правового характера. И так, в текстах личной документации отражаются социальные и культурно-исторические стандарты общественного сознания. Они обнаружены в данных документах в качестве культурно-правовых конвенций, сложившихся в обществе в настоящее время. С другой стороны, культурный компонент создается с помощью культурных ценностей.

Согласно мнению В.В. Алимova: «зависимость текста от культурных особенностей и менталитета народа, а также от его сложившейся правовой системы, может привести к тому, что смысл текста в исходном языке не будет соответствовать

смыслу в языке перевода даже при абсолютно дословной интерпретации» (Алимов, 2005, 29).

Следовательно, в переводе личной документации наблюдается тип текстов, в которых количество, качество и конфигурация информации определяется правовыми нормами и отвечает ментальным свойствам каждой отдельной нации. Таким образом, каждая национальная культура обладает своими культурными стандартами. И так, А. Вежбицкая в своей исследовательской деятельности занималась культурными стандартами в русской культуре. Среди них следует назвать такие, как: неопределенность намерений, коллективность, тенденция к нарушениям правил, отсутствие воли и др. В свою очередь, П. Тарасевич писал о таких польских культурных стандартах как например: ориентация на реальные факты, индивидуализм, вежливость и др.

В последнее время наблюдается усиление международных отношений, в частности в сфере образования. Следовательно, перевод личной документации, такой, как диплом о высшем образовании, становится все более актуальной проблемой среди исследователей и переводчиков.

Образцы дипломов о высшем образовании

Рисунок 1: Образец российского диплома о высшем образовании.

 <p>Диплом является государственным документом о высшем образовании</p> <p>Регистрационный номер _____</p> <p>стр. 1</p>	 <p>Российская Федерация</p> <hr/> <hr/> <hr/> <p>ДИПЛОМ КГ 82425 Решением Государственной аттестационной комиссии от _____ года</p> <hr/> <hr/> <p>Присуждена степень МАГИСТРА</p> <hr/> <p>Председатель Государственной _____ Аттестационной комиссии _____ Ректор _____</p> <p>м.п.</p> <p>стр. 2</p>
---	---

Рисунок 3: Перевод бланка польского диплома о высшем образовании на русский язык.

<p style="text-align: center;">фотография</p> <p style="text-align: center;">Печать вуза</p> <p>Господин/госпожа _____ дата рождения _____ место рождения _____</p> <p>_____ (подпись владельца диплома)</p> <p>Диплом номер _____</p>	<p style="text-align: center;">_____ (наименование вуза)</p> <p style="text-align: center;">_____ (наименование основной организационной единицы вуза)</p> <p style="text-align: center;"></p> <p style="text-align: center;">ДИПЛОМ</p> <p>об окончании обучения _____ на отделении _____ по специальности _____</p> <p>с оценкой _____ присвоено _____ (дата)</p> <p>звание _____</p> <p>Заведующий основной Ректор организационной единицей</p> <p style="text-align: center;"></p> <p>_____ (именная печать, подпись) (именная печать, подпись)</p> <p>_____ (город) (дата)</p>
--	---

стр. 1

стр. 2

Рисунок 4: Перевод образца российского диплома о высшем образовании на польский язык.

<div data-bbox="363 439 590 703" data-label="Image"> </div> <p data-bbox="247 1048 703 1126">Dyplom o wykształceniu wyższym jest dokumentem państwowym</p> <p data-bbox="177 1469 699 1507">Nr dyplomu _____</p>	<div data-bbox="1059 356 1165 445" data-label="Image"> </div> <p data-bbox="983 450 1244 486">Federacja Rosyjska</p> <hr/> <hr/> <p data-bbox="1034 745 1181 777">DYPLOM</p> <p data-bbox="979 788 1302 824">Nr dyplomu _____</p> <p data-bbox="952 831 1267 907"><i>Decyzją Najwyższej Komisji Kwalifikacyjnej</i></p> <p data-bbox="959 958 1372 992">z dnia _____ roku</p> <hr/> <p data-bbox="1051 1169 1264 1243">Przyznano tytuł MAGISTRA</p> <hr/> <p data-bbox="799 1379 1394 1496">Kierownik Najwyższej _____ Komisji Kwalifikacyjnej _____ Rektor _____</p>
str. 1	str. 2

Анализ текстов русского и польского дипломов о высшем образовании обращает внимание на сходство со структурой данного жанра, а также проявляет некоторые культурные стандарты, которые изображены в характеристике их конструкции.

Анализируя уровень содержания и структуры русского и польского текстов, мы можем перечислить коррелятивные компоненты:

- юридический статус документов;
- название документов (*диплом, dyplom*);
- персональные данные (*ФИО, imię lub imiona i nazwisko*);

- информация об окончании учебного этапа (*zakończył, ukończenia studiów*);
- информация о квалификации, степени образования (*przysudzona stopień magistra, na kierunku, o profilu*);
- информация об организации, которая выдала данный документ ;
- информация о дате и месте выдачи документа (*uzyskanym w dniu*);
- информация о юридических лицах, которые имеют полномочие подтвердить документ (*rektor, sekretarz, kierownik podstawowej jednostki organizacyjnej*).

Формой бланка документа управляет административный устав и юридический закон. Эта форма обращает внимание на клишированность формы данного типа документа, а также стандартность его содержания.

Особенностью польского диплома о высшем образовании является помещенная фотография владельца. Это невербальное средство по индивидуализированности документа. Этот компонент подчеркивается также личной подписью владельца диплома, которая является обязательным элементом в польском документе. Это явление указывает на категорию персонализированности в польском дипломе, что может быть проявлением большей независимости вузов.

В польских документах появляется также элемент, который не характерен для российских документов, т.е. время и место рождения владельца данного диплома. В российском дипломе приведена информация, касающаяся даты выдачи документа. Следующим свойством, отличающим польские и российские документы, является количество подписей ответственных лиц, которые могут подтвердить законность данных дипломов. В русском документе стоит подпись *председателя экзаменационной комиссии, ректора, секретаря*. Заметно, что русский диплом подписывает большее количество лиц с административным статусом. Зато в польских документах находятся подписи *kierownika podstawowej jednostki organizacyjnej* и *rektora*.

Кроме того, в польском дипломе замечаем усиление локального компонента смысла документа, помещая в первой рубрике диплома название высшего учебного заведения, то есть информацию о названии основной организационной единицы (название института, кафедры, университета, а также его эмблема). В российской правовой культуре не допускается выдача статусных документов с индивидуальной личностью.

На основе рассмотренного теоретического материала и анализа текста польского и русского документов, можно сделать вывод о том, что для польского диплома о высшем образовании характерны такие качества как: индивидуализированность, персонализированность и конкретность. На уровне этих категорий наиболее ярко проявляются именно культурные стандарты.

Таким образом, при осуществлении переводов, принадлежащих к правому дискурсу – в нашем случае диплома о высшем образовании – следует основываться на лингвистических факторах этого процесса на базе культурных стандартов правовых систем русскоязычных и польскоязычных стран, подчеркнув необходимость сохранения семантико-структурной близости перевода юридического текста к его оригиналу, что является ключевым аспектом во время перевода.

Используемая литература

- GAJDA, Stanisław. *Wprowadzenie do teorii terminu*. Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, 1990. ISBN 9788385012566.
- KIELAR, Barbara. Problemy tłumaczenia tekstów specjalistycznych. In: *Teoretyczne podstawy terminologii*. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1991. ISBN 978-8304034532.
- KIELAR, Barbara. O tłumaczeniu tekstów specjalistycznych. In: *Problemy komunikacji międzykulturowej*. Warszawa: Graf-Punkt, 2000. ISBN 9788387726300.
- PIENKOS, Jerzy. *Podstawy przekładoznawstwa. Od teorii do praktyki*, Kraków: Wydawnictwo Zakamycze, 1993. ISBN 9788373331709.
- АЛЕКСЕЕВА Ирина Сергеевна. *Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для студентов и преподавателей*, Санкт-Петербург: Издательство Союз, 2001. ISBN 5940330401.
- ВИНОГРАДОВ Венедикт Степанович. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*, Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. ISBN 5755200416.
- ВЕЖБИЦКА Анна. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари, 1996. ISBN 5892160025.
- ГРАУДИНА Л.К., ШИРЯЕВ Е.Н. *Культура русской речи. Учебник для вузов*. Москва: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. ISBN 5222035115.
- Латышев Лев Константинович. *Технология перевода*. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. ISBN 5769520205.
- РАЙС К. *Классификация текстов и методы перевода, [в]: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. Москва: 1978. ISBN 5769515422.
- ШВЕЙЦЕР Александр Давыдович. *Перевод в контексте культурной традиции*. Москва: Всероссийский центр переводов, 1994. ISBN 5060010570.
- ШЕВИН А.Б. *Официально-деловой стиль. Матрица переводческих проблем: учебное пособие*. Екатеринбург: УрГИ, 2010. ISBN 5930531404.

магистр Марлена Липиньска

Гданьский университет

ул. Wita Stwosza 55, 80-952 Гданьск

marlena.lipinska@yahoo.com

Марлена Липиньска - магистр русской филологии, аспирантка в области языкознания в Гданьском университете, в Польше. Диссертацию подготавливает под научным руководством д.ф.н., профессора Гданьского университета З.Л. Новоженовой. Научные интересы: специфика перевода официальных документов на примере польского и русского языков. Место работы: Высшая банковская школа в Гдыне и Гданьске.

Definícia ako determinujúci faktor efektívnej odbornej komunikácie vedecko-technických (strojárskych) textov

Daniela Timárová

Annotation

The article deals with the classification and qualification of definitions, as an essential component of scientific and technical texts. We used the work of V. E. Morozov as a methodological base of the study; we partially modified his classification. Subsequently, we qualify and classify definitions in terms of content of the defined term, ways of explaining the defined term, and the scope of explaining the defined term. Individual types of definitions are accompanied by examples from our research corpus of texts.

Keywords

definition, text, communication, technical and scientific communication

Funkčné jazykové štýly možno členiť podľa komunikatívnej (dorozumievacej) jazykovej funkcie, ktorá je základnou funkciou jazyka. V rámci nej vyčleňujeme aj ďalšie funkcie, napr. oznamovaciu (t.j. referenčnú), expresívnu (t.j. emotívnu, resp. výrazovú) a výzvodú (t.j. apelovú, resp. konatívnu) a iné.

Ak vychádzame z téz pražského lingvistického krúžku, ako predstaviteľov funkčného štrukturalizmu (orientácia na štrukturálnu lingvistiku s dôrazom na funkčné ponímanie jazyka), jazyk môžeme chápať ako funkčný systém, v ktorom je každá jeho časť posudzovaná podľa funkcie, ktorú zastáva v systéme jazyka, t.j. jazyk je ponímaný ako systém účelných (funkčných) prostriedkov, teda ako funkčne diferencovaný útvar (porov. Černý, 1996, s. 147 - 175).

Komunikáty odborného (náučného) štýlu plnia prioritne oznamovaciu funkciu (sprostredkovaná informácia je orientovaná na objektívnu realitu), ale čiastočne aj výzvodú funkciu (vplyv na adresáta).

Tieto komunikáty, resp. texty sa môžu vzťahovať na rôzne úseky skutočnosti, prípadne na ich jednotlivé zložky, rôzne množiny alebo celé triedy úsekov skutočnosti, lokálnych a temporálnych momentov, vlastností, stavov, vzťahov medzi nimi, činností, procesov a iných dejov. Všetky tieto zložky môžeme nazývať predmetmi reči (porov. Daneš, 1985, s. 198). F. Daneš (1985, s. 198) definuje predmet reči „ako všetko čoho sa týka jazykový prejav, čo má hovoriaci na mysli a čo v prehovore uvádza a pomenúva“.

Pri výbere konkrétneho funkčného štýlu textu nie je predmet reči rozhodujúcim faktorom. Sféra použitia, spoločenské funkcie a žánrová rôznorodosť každého funkčného jazykového štýlu determinujú konkrétne ponímanie predmetu reči (determinujú aspekt, z hľadiska ktorého je nazerané na predmet reči). Tento aspekt vytvára typické stylistické vlastnosti obsahu prejavu, ktoré zároveň tvoria štýl a definujú jazykové špecifiká konkrétneho štýlu (porov. Morozov, 2007).

Odborný štýl sa používa vo všetkých žánroch sprostredkujúcich výsledky vedeckého bádania, čo určuje dve spoločenské funkcie odborného štýlu. Prvou z nich je oznamovacia funkcia (*сообщение*), ktorá sa používa na vysvetlenie skutočnosti. Predmetom reči je zvyčajne predmet výskumu, ktorý skúma autor textu. Druhou funkciou je funkcia apelová

(воздействие), „ktorá spočíva v autorovom zámere presvedčiť recipientov o správnosti svojho tvrdenia, t.j. v jeho dokazovaní“ (Morozov, 2007).

Zámer ovplyvniť adresáta vnáša do odborného štýlu ďalšiu vlastnosť, ktorou je dialogickosť. V odbornom štýle sa pod dialogickosťou neponíma dialogická forma vyjadrenia myšlienky, ale:

1) odvolávanie sa autora na adresátov názor,

2) porovnávanie autorovho názoru (pohľadu) s inými názormi (porov. Morozov, 2007).

Základným predpokladom adekvátneho porovnania autorových názorov a názorov iných odborníkov vo vedeckých (odborných) textoch je „autorizovanosť“ (Morozov, 2007), ktorú možno vyčleniť ako ďalšiu vlastnosť odborných textov. V tomto prípade ide o vymedzenie rôznych uhlov pohľadu na predmet výskumu, „najmä o porovnanie vlastného názoru, resp. stanoviska s inými názormi“ (Morozov, 2007). Ďalšími vlastnosťami charakteristickými pre písomné i ústne vedecké prejavy je presnosť, akcentovaná logickosť, zovšeobecnenie, abstraktnosť, snaha o objektívny výklad, na základe ktorých autor volí výrazové prostriedky pri koncipovaní a tvorbe vedecko-technických textov (porov. Morozov, 2007). Tieto vlastnosti odborných textov vyčleňujú aj slovenskí lingvisti (J. Mistrík, J. Findra a i.).

V textoch odborného štýlu sa uvádzajú presné definície skúmaných pojmov a javov, používanie tzv. agnónym, ktoré vedie k vzniku erratívov, teda k zámernému komoleniu slov, sa vylučuje.

Agnonymá (z gréc. *a* – nie/ne + *gnōsis* znalosť, poznanie, + *onyma* meno) sú slová nejasné alebo úplne nezrozumiteľné pre nositeľov príslušného jazyka (porov. Крысин, Л. П. **Толковый словарь иноязычных слов, 2008** – dostupné na http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый_словар_иноязычных_слов/). V ruskej lingvistike sa týmto pojmom označujú „lexikálne alebo frazeologické jednotky materinského jazyka, ktoré sú pre väčšinu nositeľov tohto jazyka neznáme, nejasné alebo nezrozumiteľné“ (Morkovkinová, 1993, s. 10).

V definícii je nutné vymedziť podstatné znaky pojmu, čiže definovaný pojem je potrebné zaradiť z hľadiska jeho druhej príslušnosti a uviesť hlavné znaky, ktoré ho odlišujú od iných rovnorodých pojmov. V. E. Morozov (2007) akcentuje, že „definíciu je potrebné odlišovať od charakteristiky, kvalifikácie, klasifikácie, v ktorých môžu byť uvedené dôležité znaky určovaného pojmu, javu, no nie jeho podstatné znaky“.

V. E. Morozov kvalifikuje a klasifikuje definície pojmov z aspektu 1. obsahu pojmu, 2. spôsobu vysvetľovania pojmu, resp. 3. rozsahu vysvetľovania pojmu (Morozov, 2007). Uvedieme príklady z vlastného výskumného korpusu textov:

1. Obsah pojmu:

a) definícia konkrétnych objektov poukazuje na ich fyzikálne vlastnosti, napríklad:

- *Аустенит (А) – твердый раствор углерода в γ -железе с предельной растворимостью углерода 2,14%. Аустенит имеет твердость 200 НВ, пластичность $\delta = 40-50\%$.*

(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 35)

- *Титан – металл серебристо-белого цвета, плотностью 4,5 г/см³ и температурой плавления 1670°.*

(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 46)

- b) definícia abstraktného pojmu musí vyjadrovať jeho podstatu prostredníctvom jej prepojenia s konkrétnejšími znakmi, ktoré sú obsiahnuté v tomto pojme, napríklad:
- *Формование – это придание порошковому материалу формы, размеров, плотности и прочности, необходимых для выполнения последующих операций изготовления изделий.*
(Bolobov, V. I. – Ivanov, S. L. – Kremčejev, E. A – Kuvšinkin, S. J., 2008, s. 65)
- c) definícia činnosti, resp. procesu musí uvádzať jeho základné úkony (etapy), vykonávateľa a objekt činnosti, výsledok činnosti, ak to vyplýva z jej povahy, a dobu realizácie, resp. trvania, ak je určená a má zásadný význam, napríklad:
- *Макроструктурный анализ – изучение структуры материалов визуально или с помощью простейших оптических приборов с увеличением до 50 крат.*
(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 3)
- d) v niektorých prípadoch je potrebná definícia jedného z podstatných znakov/príznačiek skúmaného javu, takáto definícia musí vychádzať z poznatkov o jednoduchších príznakoch, resp. funkciách (funkciách nižšej úrovne), napríklad:
- *Процесс обработки абразивными материалами называют шлифованием. Абразивные материалы (зерна высокой твердости с острыми кромками) могут быть в свободном виде (порошки) или в связанном (цементированном) в форме кругов, брусков, сегментов.*
(Bolobov, V. I. – Ivanov, S. L. – Kremčejev, E. A – Kuvšinkin, S. J., 2008, s. 49)
- e) definícia druhových a typových pojmov predpokladá uvedenie spoločných znakov všetkých typov, ktoré patria k jednému/danému druhu. Charakter príznaku je určený podstatou pojmu, napríklad:
- *Сплавом называется вещество, полученное сплавлением двух и более элементов.*
(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 24).
- f) definícia prístrojov, mechanizmov (organov), nástrojov, látok/prostriedkov/náradia (средств), postupov, metód a pod. musí určovať ich podstatné funkcie a definovať cieľ, resp. účel použitia, napríklad:
- *Твёрдость по Роквеллу определяют вдавливанием в поверхность алмазного конуса с углом при вершине 120° или стального закалённого шарика ($D = 1,6$ мм). Конус применяют для металлов с твёрдостью больше 230 HB, а шарик – для металлов с твёрдостью меньше этой величины. Твёрдость определяется по глубине впадины.*
(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 11)

2. Spôsob vysvetľovania pojmu:

- a) klasická definícia (s vysvetlením čo je čo, čo je čím), napríklad:

- *Химические свойства – это способность металлов и сплавов противостоять окислению и разрушению под действием внешней среды: Влага, воздуха, кислот и т.д.*
(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 7)
  - *Прочность – способность металла сопротивляться разрушению или появлению остаточных деформаций под действием внешних сил.*
(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 8)
  - *Inhibitory sú látky znižujúce koróznú rýchlosť.*
(Híreš, O., 2004, s. 30).
- b) definícia s odkazom na všeobecný názor, napríklad:
- *Строганием называют операцию механической обработки, выполняемую резцами при возвратно-поступательном главном движении и прерывистом движении подачи в направлении, перпендикулярном главному движению в конце обратного хода.*
(Bolobov, V. I. – Ivanov, S. L. – Kremčejev, E. A. – Kuvšinkin, S. J., 2008, s. 40)
- c) autorská definícia, napríklad:
- *Mikroštruktúra kryštalických materiálov. Mikroštruktúrou rozumieme prejavy vnútornej stavby, zodpovedajúce z rozmerového hľadiska kryštalografickým zrnám polykryštalického materiálu.*
(Skočovský, P. – Palček, P. – Konečná, R. – Várkony, L., 2000, s. 12)
  - *Pod koróziou kovov rozumieme súhrn heterogénnych chemických a elektrochemických reakcií prebiehajúcich medzi povrchom kovu a okolitým agresívnym prostredím, ktoré vedú k rozrušeniu kovu.*
(Híreš, O., 2004, s. 6)
- d) funkčná definícia, napríklad:
- *Обрабатываемостью резанием называют способность металла поддаваться обработке резанием.*
(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 14)
  - *Коррозионная стойкость характеризует способность металлов сопротивляться коррозии в различных средах.*
(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 14)
- e) definícia vo forme opisu, napríklad:
- *Термической обработкой называется совокупность операций нагрева, выдержки и охлаждения твердых металлических сплавов с целью получения заданных свойств за счет изменения внутреннего строения и структуры.*
(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 64)
  - *Difúzne hlinikovanie je proces povrchového nasycovania ocelí a liatin hlinikom za účelom zvýšenia ich žiaruvzdornosti a ochrany voči atmosferickej korózii v prostrediach s SO₂.*
(Híreš, O., 2004, s. 104)

f) definícia vo forme vymenúvania/enumerácie, napríklad:

- *Точечные дефекты кристаллической решетки. Это вакансии, межкзельные атомы, примесные атомы.*

(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 21)

- *Точение производят на станках токарной группы, а также на расточных, агрегатных и комбинированных станках. Понятие точение объединяет следующие основные виды работ: обтачивание цилиндрических, конических и фасонных поверхностей; обтачивание и подрезание торцовых поверхностей; протачивание канавок, отрезание; растачивание цилиндрических, конических и фасонных отверстий; нарезание резьбы резцами.*

(Bolobov, V. I. – Ivanov, S. L. – Kremčejev, E. A. – Kuvšinkin, S. J., 2008, s. 33)

g) definícia vo forme prirovnania, resp. porovnania, napríklad:

- *Дифúзные кремикование, tzv. силициование, je analogické alitovaniu a slúži k povrchovej ochrane oceli proti korózii a oxidácii za vyšších teplôt.*

(Hireš, O., 2004, s. 107)

h) definícia vo forme výkladu slova, napríklad:

- *Сплавы, предназначенные для получения деталей литьем, называются литейными.*

(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 14)

- *Сплавы, предназначенные для получения деталей обработкой давлением, называются деформируемыми.*

(Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 14)

3. Rozsah vysvetľovania pojmu:

a) definícia v rozsahu celej vety, napríklad:

- *Твárnenie – je technologický proces, pri ktorom sa mení tvar východiskového materiálu pôsobením sily bez odberu triesok.*

(Hireš, O. – Mäsiar, H., 2002, s. 5)

b) definícia v rozsahu časti vety, napríklad:

- *Источником теплоты при дуговой сварке является сварочная дуга – устойчивый электрический разряд в сильно ионизированной смеси газов и паров материалов, используемых при сварке.*

(Bolobov, V. I. – Ivanov, S. L. – Kremčejev, E. A. – Kuvšinkin, S. J., 2008, s. 5)

c) definícia v rozsahu dvoch alebo viacerých viet, napríklad:

- *Пластмассы – это так называемые пластические массы, получаемые на основе природных и синтетических высокомолекулярных соединений (полимеров), которые способны под воздействием теплоты и давления*

принимать и сохранять заданную форму. Полимеры состоят из многочисленных элементарных звеньев одинаковой структуры – мономеров. (Kovalevskaja, Ž. G. – Bezborodov, V. P., 2009, s. 84)

- *Deformačná schopnosť je schopnosť materiálu plasticky sa deformovať až do vzniku medzných podmienok, pri ktorých sa narúša súdržnosť deformovaného materiálu. Je vyjadrená tvárnosťou a deformačnými odpormi.* (Híreš, O. – Mäsiar, H., 2002, s. 31)

Vysoká frekvencia termínov je najvýraznejšou črtou vedecko-technických textov. Podobne, ako sa v prípade umeleckého štýlu za základný prvok zvykne pokladať metafora, pre vedecký a odborný štýl je podľa všeobecne zaužívanej predstavy základom termín (porov. Šebesta, 2004, s. 7 – 8). J. Findra (2004, s. 26) vidí „osobitosť terminologických pomenovaní v tom, že ako pomenovania pojmov sú vymedzené definíciou. Ich význam sa špecifikuje miestom v systéme pojmov príslušného vedného alebo technického odboru“.

Na základe obsahu, rozsahu i spôsobu výkladu pojmov v jednotlivých definíciách z nášho výskumného korpusu môžeme konštatovať, že najviac frekventovaná je klasická definícia (viac ako polovica zo skúmanej výskumnej vzorky). Súčasne konštatujeme, že ruština korešponduje so slovenčinou v podstate vo všetkých prezentovaných prípadoch.

Použitá literatúra

- ČERNÝ, J. 1996. *Dějiny lingvistiky*. Olomouc: nakladatelství Votobia, 1996. 512 s. ISBN 80-85885-96-4.
- DANĚŠ, F. 1985. *Věta a text*. Studie ze syntaxe spisovné češtiny. Praha: Academia, nakladatelství Československé akademie věd, 1985. 1. vyd. 236 s. ISBN neuvedené.
- DEKANOVÁ, E. 2009. *Kapitoly z teórie a didaktiky prekladu odborných textov*. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa, 2009. 151s. ISBN 978-80-8094-598-5.
- FINDRA, J. 2004. *Štylistika slovenčiny*. Martin: Osveta, 2004. 232 s. ISBN 80-8063-142-5.
- FINDRA, J. 2013. *Štylistika súčasnej slovenčiny*. Martin: Osveta. 319 s. ISBN 978-80-8063-404-9.
- MASÁR, I. 1991. *Príručka slovenskej terminológie*. Bratislava : Veda, 1991. 192 s. ISBN 80-224-0341-5.
- MISTRÍK, J. 1997. *Štylistika*. Bratislava : SPN, 1997. 598 s. ISBN 80-08-02529-8.
- ŠEBESTA, J. 2004. *Odborný preklad. Príručka pre frekventantov špecializačného kurzu odborného prekladu – anglický jazyk*. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa, 2004. 61 s. ISBN neuvedené.
- КРЫСИН, Л.П. 2005. *Толковый словарь иноязычных слов*. 3-е изд., доп., Москва: Рус. Яз. 2005. 1210 с. ISBN 5-699-08073-2.
- МОРКОВКИНА, А.В. 1993. *Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении*. – автореферат диссертации по филологии. [cit. 4.6.2014] Dostupné na internete: <http://cheloveknauka.com/v/60806/a>

- МОРОЗОВ, В.Э. 2007. *Культура письменной научной речи*. Москва: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2007. 268 с. [cit. 10.6.2016] Dostupné na internete: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/moroz/index.php

Zoznam prameňov

- HÍREŠ, O. 2004. *Povrchové úpravy kovov*. Trenčín: Trenčianska univerzita Alexandra Dubčeka v Trenčíne, 2004. 140 s. ISBN 80-8075-040-8.
- HÍREŠ, O. – MÄSIAR, H. 2002. *Technológia tvárnenia. Teoretické základy*. Trenčín: Trenčianska univerzita Alexandra Dubčeka v Trenčíne, 2002. 101 s. ISBN 80-88914-72-8.
- SKOČOVSKÝ, P. – PALČEK, P. – KONEČNÁ, R. – VÁRKOLY, L. 2000. *Konštrukčné materiály*. Žilina: Žilinská univerzita v Žiline, 2000. 338 s. ISBN 80-7100-608-4.
- БОЛОБОВ, В. И. – ИВАНОВ, С. Л. – КРЕМЧЕЕВ, Э. А. – КУВШИНКИН, С. Ю. 2008. *Технология конструкционных материалов*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет). 2008. 80 с. ISBN 978-5-94211-370-4.
- КАНТОР, М. М. – БОЖЕНОВ, В. А. 2014. Рассеяние значений ударной вязкости низколегированной стали в критическом интервале хладноломкости. In *Материаловедение* ISSN 1684-579X, 2014, №01, Москва.: ООО «Наука и технологии», с. 3 – 14.
- КОВАЛЕВСКАЯ, Ж. Г. – БЕЗБОРОДОВ, В. П. 2009. *Основы материаловедения. Конструкционные материалы: учебное пособие*. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 2009. 110 с. ISBN neuvedené.

Mgr. Daniela Timárová, PhD.
 Technická univerzita v Košiciach
 Katedra jazykov
daniela.timarova@tuke.sk

Autorka v súčasnosti pracuje ako odborná asistentka na Katedre jazykov Technickej Univerzity v Košiciach. Je absolventkou doktorandského štúdia na Univerzite Konštantína Filozofa v Nitre (2014) v odbore Slovenské jazyky a literatúry: ruský jazyk s dizertačnou prácou na tému Vedecko-technické texty v interkultúrnej komunikácii.

Неологизмы в творчестве Велимира Хлебникова

Olga Bobrzyková

Annotation

The article „Neologisms in Velimir Khlebnikov’s work“ deals with the origin, meaning and using neologisms in Velimir Khlebnikov’s poems. The aim of the first part is to give a basic definitions of the concept of neologisms and its characteristic. In the other part, the method of the forming neologisms, their classification and the cause of their origin in the literary work is elaborated. The goal of the practical part is to analyse three neologisms from the point of its origin, lexical meaning, reason of using by Khlebnikov and, finally, its presence in the National language corpus of the Russian language.

Keywords

Neologism, Khlebnikov, semantics, futurism, affix

Язык художественной литературы отражает общее развитие языка. Желание найти собственные образные речевые средства приводит к созданию индивидуально-авторских новообразований.

Богатым на языковые эксперименты, в том числе в области словообразования, был «серебряный век» русской литературы. Поэты развивали русское стихосложение на всех уровнях: литературоведческом, тематическом, идеологическом, а также языковом. Особенно плодотворным в области новообразования является такое литературное течение «серебряного века», как футуризм – кубофутуризм.

Одним из наиболее интересных представителей этого направления является Велимир Хлебников. Он проводил эксперименты не только со словами, но также со звуками, рифмами, синтаксисом. Велимир Хлебников – безусловно гениальный поэт. Его жизнь и творчество до сих пор полны загадок и секретов, которые ждут (но, может быть, никогда не дождутся) своего раскрытия. Словотворчество Велимира Хлебникова уже в течение многих десятилетий является материалом литературоведческих и лингвистических исследований, среди которых можно назвать монографии В. П. Григорьева (2000), Н. Л. Степанова (1975), Н. Н. Перецовой (2000). Однако до сих пор новообразования поэта нельзя считать ни полностью собранными, ни полностью систематизированными.

Все вышесказанное определило тему настоящего исследования: *«Неологизмы в поэзии Велимира Хлебникова»*. Интерес к идиостилю Велимира Хлебникова и авторская выразительность его стихотворений нас привели к выбору проблематики использования индивидуально-авторских неологизмов в стихотворениях Велимира Хлебникова.

Для практической части работы с отобранными неологизмами необходимо дать более подробную классификацию. Мы выбрали классификацию Т. В. Поповой (Попова, 2008, с. 37-38), которая выделяет следующие неологизмы:

- 1) **фонетические** – возникают, когда автор предлагает в качестве новообразования звуковой комплекс, считая, что этот комплекс содержит некую семантику, обусловленную фонетическими значениями звуков. Например, в стихотворении В. Хлебникова: *«Бобэоби пелись губы»*;
- 2) **лексические** – возникают комбинацией различных узуальных основ и аффиксов

в соответствии со словообразовательной нормой языка;

- 3) **грамматические (морфологические)** – представляют собой образования в которых в конфликте находятся лексическая семантика и грамматическая форма. Например, образование форм множественного числа от слов *singularia tantum* типа *мусор – мусоры*;
- 4) **семантические** – являются результатом появления семантических приращений (контекстуальных значений), которые преобразуют семантику исходной узуальной лексемы, употребляющейся в художественном контексте. Определить значение семантических окказионализмов затруднительно;
- 5) **окказиональные сочетания слов** – представляют собой стечение лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна, поскольку противоречит закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях;
- 6) **фразеологические** – это особая группа неологических словосочетаний, которые возникли на основе устойчивого сочетания слов и построены на соотношении фразеологической производящей основы и производного окказионального словосочетания;
- 7) **синтаксические** – например, окказиональный порядок слов: «*Рабочего громады класса враг*» (В. В. Маяковский);
- 8) **словообразовательные** – занимают особое место среди различных видов неологизмов. Словообразовательная форма у данных неологизмов может нарушаться в различной степени.

По способу образования Т. В. Попова делит неологизмы на заимствованные, словообразовательные и семантические неологизмы. (Попова, 2008, с.35-36).

К неологизмам-заимствованиям относятся слова и фразеологизмы, заимствованные из одного языка в другой, либо из одного подъязыка в другой подъязык того же языка.

Заимствования делятся на:

- **внешние** (донор – другой язык)
- **внутренние** (донор – один из подъязыков того же самого языка)

Таким образом, к внешним заимствованиям русского языка последних десятилетий можно отнести слова: *боди, свингер, слаксы, топ, топлесс, шазюбль, факс, ксерокс, гамбургер, чизбургер, тоник, крекер, роуминг, факс, гель, кондиционер, скраб, лайкра, крэг, нубук* и под. К внутренним заимствованиям – слова, проникшие в русский язык из жаргона и сленга: *байк, дурь, жмурик, качок, лаж, ментовка, наркота, облом, попса, тащить, ширяться, тусоваться*; из терминосистем: *копирайт, мониторинг, ноу-хау, прайс-лист, пресс-релиз, римейк, трансферт, менеджмент, маркетинг, байт, драйвер, сканер, инсталляция (программы), дефолт, конвертация*.

Словообразование изучает семантику слова в связи с его строением. В словообразовании слова делятся на мотивированные (производные) и немотивированные (непроизводные). *"Если одно слово образовано от другого слова, то первое, более простое слово, первичное, выступает как мотивирующее, а другое, производное слово как мотивированное. Например, мама – мам-ин"* (Talickaĵa, 1992, s. 27).

К этому способу образования относятся неологизмы, образованные по

существующим в языке моделям:

- **суффиксация** – образование окказионализмов при помощи суффикса. Возникшие окказионализмы относятся к другой части речи или к той же части речи, от которой были образованы. Например, преподаватель – *преподаватель-ница* (относится к той же части речи); разносить – *разнос-чик* (относится к другой части речи)
- **префиксация** – образование неологизмов с помощью префикса. Неологизм всегда относится к той же части речи. Напр. фашист – *анти-фашист*
- **префиксально-суффиксальный способ** – неологизм образуется при помощи префикса и суффикса. Напр. класс – *одно-класс-ник*
- **безаффиксный способ** – действует только при образовании имен существительных. При этом способе имена существительные образуются от глаголов или имен прилагательных. Например, отливать – *отлив*, зеленый – *зелень*
- **аббревиация** – сложение усеченных основ. Например, *ИНН* (индивидуальный номер налогоплательщика), *МЧС* (Министерство по чрезвычайным ситуациям), *АО* (акционерное общество), *ОМОН*, *РУБОП*, *СОБР*; или сложение усеченных основ с полными словами или основами, например, кварт-плат-а – *квартплата*
- **сложение** – неологизм при сложении является соединением двух мотивирующих слов. Напр. *шоу-бизнес*, *пиар-кампания*, *интернет-сервис*, *рок-тусовка*, *секс-меньшинства*, *ледоход*
- **сращение** – этот способ возможен только при образовании имен прилагательных. Они тождественны словосочетаниям, от которых были образованы. Этим признаком они отличаются от сложений. Сращения имеют закрепленный порядок слов и единое ударение. Напр. вечнозеленый (кустарник), долгоиграющая (пластинка). (Talickaĵa, 1992, s. 28)

Ученые расходятся во мнении о том, как называть авторские словообразования Хлебникова – **неологизмами** или **окказионализмами**. Сторонники первого термина утверждают, что в данном случае употребление слова окказионализм некорректно, поскольку словотворчество Хлебникова было не стихийным, а целенаправленным.

В. П. Григорьев пишет: *«Вопреки стремлениям ряда лингвистов строго разграничить употребление слов неологизм и окказионализм ниже будет по возможности последовательно использоваться филологическое понятие и обозначение неологизм. Как в принципе, так и по своей внутренней форме оно более отвечает словотворческой установке Хлебникова по только и даже не столько на отдельно взятый контекст, на конкретный случай словоупотребления, сколько на поэтический язык – его систему, функции и потенции. Окказионализм же больше подходит нормативистам и тем, кто смотрит на художественную речь исключительно сквозь призму литературного языка. Любая строчка и любое слово поэта в идеале претендуют как бы на века, хотя «словесная руда» – реальная плата за «единое слово» – может доминировать как в черновиках, так и в публикуемых текстах. Это распространяется и на «материальные», и на «семантические» неологизмы.»* (Григорьев, 1986, с. 63)

В согласии со словами В. П. Григорьева, мы будем пользоваться термином неологизм.

Тексты Велимира Хлебникова полисемантически. Они ориентированы на загадку, предназначены либо для посвященных, либо для идеального читателя, который хорошо владеет современным языком.

Большая часть текстов Велимира Хлебникова написана или звездным, или заумным языками.

Звездный язык – «мировой язык будущего». *«Название звездный язык Хлебников объяснял двояко: во-первых, это язык, лишь смутно осознаваемый человеком при солнечном свете разума и проявляющийся яснее в звездных сумерках непосредственного эмоционального восприятия. Слово делится на чистое и на бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. Во-вторых, это язык, общий всей звезде, населенной людьми.»*. (Перцова, 2000, с. 359-384)

Заумный язык – «за умом, за разумом» – один из основных творческих принципов русского кубофутуризма.

В «Декларации заумного языка» Хлебников, Петников и Крученых так определяли сущность: *«Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком... но и личным... и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным. Общий язык связывает, свободный – позволяет выразиться полнее (пример: -го оснег кайд, и т. д.). Заумь пробуждает и дает свободу творческой фантазии, не оскорбляя ее ничем конкретным»*. (Фундаментальная электронная библиотека - Русская литература и фольклор, 2016, online)

По мнению лингвиста Перцовой, неологизмы Хлебникова можно разделить на три следующих класса:

- **Морфологически интерпретируемые слова** – слова, которые можно истолковать в соответствии с законами русского словообразования.
- **Единицы (буквы и слоги)** – созданные Хлебниковым «звездным языком», в котором звуки – прежде всего, согласные – наделены определенными обобщенными смыслами.
- **Звукоподражания, звукопись, заумь** – слова, рассчитанные скорее на прямое эмоциональное восприятие, нежели на сознательное осмысление. (Перцова, 2000, с. 103)

В данной части работы мы рассмотрим подробную обработку 3 неологизмов – *бобэоби, восчла, смехачи*.

При разборе выбранных неологизмов проводится следующий анализ:

Форма неологизма в стихотворении – исходная форма неологизма

Комментарий:

Название стихотворения

Стих, содержащий неологизм

Часть речи, к которой неологизм относится.

Анализ нами отобранных неологизмов проводится с точки зрения их происхождения, словообразовательного и семантического разбора новообразований. Была исследована причина возникновения неологизмов в стиле художественной литературы и их художественная функция в стихотворении. При анализе уделяется внимание расположению и употреблению отобранных неологизмов в Национальном корпусе

русского языка.

Бобэоби – бобэоби

Комментарий:

«Бобэоби пелись губы»

Бобэоби пелись губы,

Фонетический неологизм *бобэоби* является «заумным словом». Он состоит из текстофонем Б, О, Э, И, которые выполняют звукообразовательную функцию и выражают самостоятельные текстовые смыслы, которые определяются как «часть лица/портрета». Стихотворение «*Бобэоби пелись губы*» – двуязычный словарь: «заумное» слово → его «умный» перевод. Данные текстофонемы выполняют функцию символизации, реализуются в тексте в статусе звуко-символов.

Неологизм *бобэоби* располагается в основном корпусе русского языка в пяти документах.

Примеры использования:

«*Бобэоби пелись губы Вээоми пелись взоры Пиээо пелись брови, Лиэээй пелся облик Гзи-гзи-гээо пелась цепь Так на холсте каких-то соответствий Вне протяжения жило Лицо!*» [Л. Ю. Брик. Из воспоминаний (1956-1977)]☀

«*Для русского уха бобэоби так же «заумны», как и чоктосы; шошоны — как и гзи-гзи-гээй!*» [К. И. Чуковский. Заумный язык (1922)]☀

«*В «Кузнечике», в «Бобэоби», в «О, рассмейтесь» были узлы будущего — малый выход бога огня и его веселый плеск.*» [Велимир Хлебников. Свояси (1919)]☀

Неологизм *бобэоби* находится в поэтическом корпусе русского языка в одном документе, в стихотворении «*Бобэоби пелись губы*».☀

Примеры использования неологизма *бобэоби*, находящегося в устном отделе корпуса русского языка в двух документах:

«*[Кацис, муж] Бобэоби пелись губы Вээоми пелись взоры Пиээо пелись брови Лиэээй / пелся облик Гзи-гзи-гээо пелась цепь / Так на холсте каких-то соответствий Вне протяжения жило Лицо Нашлись люди / которые сказали / я имею в виду в данном случае Тынянова / что такое Бобэоби?*» [Беседа А. Гордона с Л. Кацисом об Апокалипсисе, НТВ, «Гордон» // Из коллекции НКРЯ, 2003-2004]☀

«*[Леонид Кацис, муж, 45, 1958] Я его даже попробую воспроизвести/ если там где-то оговорюсь/ ничего/ я думаю. Бобэоби пелись губы Вээоми пелись взоры*» [Отражение Апокалипсиса. Программа "Гордон" (НТВ) (2003)]☀

На основе анализа содержания неологизма *бобэоби* в языковом корпусе можно сделать вывод, что данный неологизм выполняет исключительно художественную функцию, хотя его можно найти и в произведении публицистического стиля речи, но в том же художественном употреблении, что и у Хлебникова (см. примеры употребления новообразования *бобэоби* в пяти документах основного отдела корпуса русского языка), например, в статье К. И. Чуковского «*Заумный язык*», в которой анализируются произведения В. Хлебникова Чуковским, употреблено новообразование *бобэоби* в виде отрывка из стихотворения В. Хлебникова «*Бобэоби пелись губы*». Новообразование располагается и в устном отделе корпуса русского языка, где употребляется в двух документах, в виде отрывка из стихотворения «*Бобэоби пелись губы*».

Неологизм *бобэоби* – новообразование, которое не находится ни в одном из используемых нами толковых словарях русского языка. У новообразования преобладают

такие признаки, как функциональная одноразовость, зависимость от контекста стихотворения, а также ненормативность.

По приведенным данным можно сделать вывод, что неологизм *бобэоби* выполняет художественную функцию. Неологизм не вошел в общеупотребительную русскую речь и не укрепился в языке.

Восчла – *восчесть*

Комментарий:

«Россия забыла напитки»

Восчла роковое письмо

Глагол.

Неологизм *восчла* образован от основы глагола *честь* **ч-** («**ЧЕСТЬ**, *чту, чтёшь, несов., что (старин.). 1. Читать. 2. Считать, полагать.*»)• при помощи приставки *вос-* и суффикса *-л-* → (**вос-ч-л-а**). Приставка *вос-* при добавлении к глаголам образует глаголы со значением собственно совершения действия.△ Суффикс *-л-* образует прошедшее время глагола.◆

Честь - *Праслав. %obstь, связанное со ст.-слав. чьтѣ, чисти (см. чту), родственно др.-инд. cirttis· ж. "мышление, понимание, намерение", авест. %oisti- "мышление, познание, понимание"; др. ступень чередования гласных: др.-инд. сЬrtati "соблюдает, замечает, думает", лит. «kšist, «kšī°etu "думать, соблюдать"»■*

Образование неологизма *восчла* связано с намерением автора усилить выражение прошлого в стихотворении «Россия забыла напитки» и показать на судьбу России - «Россия забыла напитки,/ В них вечности было вино,/ И в первом разобраном свитке/
Восчла роковое письмо.»

Неологизм *восчла* можно найти только в поэтическом отделе корпуса русского языка в стихотворении В. Хлебникова «Россия забыла напитки»,☀ в других отделах корпуса он не находится.

Восчла – новообразование, которое не фиксируется толковыми словарями русского языка. У новообразования преобладают такие признаки, как функциональная одноразовость, зависимость от контекста стихотворения, одномоментность его существования и индивидуальная принадлежность конкретному автору – В. Хлебникову. По приведенным данным можно сделать вывод, что неологизм *восчла* выполняет художественную функцию. Неологизм не вошел в общеупотребительную русскую речь и не укрепился в языке.

Смехачи – *смехач*

Комментарий:

«Заклятие смехом»

О, рассмейтесь, **смехачи!**

Имя существительное.

Словообразовательный неологизм образован от основы **смех-** («*хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа; но есть и смех осмеяния, смех презрения, злобы и пр.*»)• при помощи суффикса *-ач* → (**смех-ач-и**).

Смех – «*род. п. -а, укр. сміх, род. п. -у, др.-русск., ст.-слав. смкхъ гьлwј (Супр.), болг. смях, сербохорв. сми?јех, род. сми?јеха, словен. sme?h, чеш. smích, слов. smiech, польск.*

stiech, в.-луж., н.-луж. *steŃsch*. Др. ступень чередования гласного: др.-русск. *насмисати ся "насмехаться"*. Подробно см. смеются. Из и.-е. *smoisos*;»■

Суффикс *-ач* служит для обозначения лица по отношению к профессии, роду деятельности, а также по их характерному признаку.♦

Новообразование *смехачи* обозначает деятелей действия - смеющийся человек. Признак, выраженный основой, подчеркнут.

Неологизм *смехачи* можно найти в поэтическом отделе корпуса русского языка в стихотворении «*Заклятие смехом*».

Неологизм *смехачи* располагается в основном отделе корпуса русского языка в 18 документах. Примеры использования:

«Журналу «*Смехач*» предписано стать органом боевой сатиры, направленной против недостатков советского аппарата, — бюрократизма, вредительства, беспринципности и т. д.» [коллективный. Из России пишут // «Дни: Еженедельник» (Париж), 1928]☼

«Московская гайзета «*Звестие*», журнал «*Смехач*», «*Красная Нива*», «*Старгородская правда*» [Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев (1927) ☼

«Здесь была книга поразивших меня кадетских фельетонов Александра Яблоновского, разоблачавших гнусную несправедливость царского правительства, мрачный ужас жизни и смерти евреев — все это было, вероятно, довольно либерально, но и того было достаточно, чтобы я уверовал в нашу революцию; на серой занозистой бумаге была напечатана безымянной брошюрой поэма «*150.000.000*» Маяковского; был тут и Хлебников («*О, рассмейтесь, смехачи!*») [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава третья (1926-1928) (1995)]☼

Неологизм *смехачи* можно найти в поэтическом отделе корпуса русского языка в стихотворении В. Хлебникова «*Заклятие смехом*» ☼

Неологизм *смехачи* находится также в газетном отделе корпуса русского языка. Примеры использования неологизма, который находится в газетном корпусе русского языка в трех документах:

«*Мальчик шумно вдохнул и дал первую очередь: - О, рассмейтесь, смехачи!*» [Гузель Агишева. Смех усмейных смехачей // Известия, 2010.11.09]☼

«*Смехачи, действительно, смеялись, но, помню, я читал и хвалил.*» [Гузель Агишева. Смех усмейных смехачей // Известия, 2010.11.09]☼

«*Еще вопрос: легко ли выбиться в "смехачи"?*» [Чебышева Ксения. УТОМЛЕННЫЕ СМЕХОМ // Труд-7, 2004.08.24]☼

Причина возникновения – словесный эксперимент Велимира Хлебникова. Из одного корня *-смех-* автор создал целое стихотворение, используя суффиксы (свойственные русскому языку), которые получили новое, не только словообразующее, но и самостоятельное смысловое значение.

Неологизм *смехачи* – новообразование, которое не встречается ни в одном из используемых нами толковых словарях русского языка. У новообразования преобладают такие признаки, как функциональная одноразовость неологизма, зависимость от контекста стихотворения, необходимость автора подчеркнуть свое отношение к лицам, дать им свою оценку, характеристику.

На основе анализа содержания неологизма *смехач* в языковом корпусе русского языка

можно сделать вывод, что данный неологизм выполняет исключительно художественную функцию, хотя его можно найти и в произведении публицистического стиля речи, но в том же художественном употреблении, как и у Велимира Хлебникова. Неологизм также послужил для названия журнала «Смехач».

В связи с расположением в художественном и публицистическом стилях речи, и его функцией в языковом корпусе русского языка, можно считать новообразование *смехач* индивидуально-стилистическим неологизмом. Неологизм *смехачи* был образован в соответствии с нормами современного русского языка и не вошел в общеупотребительную русскую речь и не укрепился в языке.

Неологизмы, созданные Велимиром Хлебниковым, играют ведущую роль в построении поэтического текста, формируют особое текстовое пространство, в рамках которого функционируют. Неологизм используется для номинирования или характеристики объекта. Образование производных неологизмов усиливает выразительность поэтической речи и обнаруживает возможности словообразовательной системы русского языка. Лексемы, созданные поэтом, часто реализуют олицетворение абстракции или предметов. В ряде случаев это связано со способом словообразования: неологизмы, образованные сложением или скорнением, обладают одновременно семантикой двух корней, и иногда является трудным определить, какое значение доминирующее. Такие единицы в основном являются языковой игрой, читатель должен самостоятельно наполнить их смыслом, расшифровать.

По итогам нашей работы, можно констатировать тот факт, что индивидуальное словотворчество играет в произведениях Велимира Хлебникова важную роль. Результаты нашего исследования позволяют предположить, что неологизмы представляют ядро идиостиля.

Материалы исследования могут быть использованы на уроках литературы и русского языка, а также на курсах по словообразованию, лексикологии и стилистике. Результаты нашей работы также могут быть полезны для всех, кто анализируют творчество русского поэта Велимира Хлебникова.

Используемая литература

Учебники и научные пособия:

- TALICKAJA, J. *Ruský jazyk. Lexikologie*. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 1992.
- ГАЛКИНА-ФЕДУК, М. Е., В. К. ГОРШКОВА, М. Н. ШАНСКИЙ, *Современный русский язык: Лексикология, Фонетика, Морфология*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.
- ГРИГОРЬЕВ, В. П. *Будетлянин. Грамматика идиостиля В. Хлебникова*. Москва: Языки русской культуры, 2000.
- КАСАТКИН, Л. Л., КЛОБУКОВ, Е. В., ЛЕКАНТ, П. А. *Современный русский язык. Пособие для учителя*. Под редакцией проф. Леканта П. А. Москва: «Просвещение», 2004.
- ПЕРЦОВА, Н. Н. *О звездном языке Велимира Хлебникова*. Москва: Языки русской культуры, 2000.

- ПОПОВА, Т. В. *Русская неология и неография*. Екатеринбург: ВПО УГТУ-УПИ, 2008.
- СТЕПАНОВ, Н. Л. *Велимир Хлебников. Жизнь и творчество*. Москва: Советский писатель, 1975.
- УЛУХАНОВ, И. С. *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва, 1996.
- ХЛЕБНИКОВ, В. *Птичка в клетке*. Москва: Книжный Клуб Книговек, 2013. 384 с. ISBN 978-5-4224-0654-8
- ХЛЕБНИКОВ, В. *Собрание сочинений. Том пятый. 1904 - 1922*. Москва: ИМЛИ РАН, 2004. ISBN 9208-0213-8.
-
- Источники
- GOLDRUSSIAN. *Морфология простым языком*. [online] 2012 [cit. 2016-04-04]. Dostupné z WWW: <http://www.goldrussian.ru/avtor.html>.
- АРГУНОВ, А. Словотворчества В. Хлебникова. Проза.ру. [online] 2000-2016 [cit. 2016-12-03]. Dostupné z WWW: <https://www.proza.ru/2012/07/13/709>.
- Заум. Фундаментальная электронная библиотека - Русская литература и фольклор. [online]. 2002 - 2014 [cit. 2016-04-04]. Dostupné z www: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le4/le4-3191.htm>
- НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА. [online] 2003-2014 [cit. 2016-04-04]. Dostupné z WWW: <http://www.ruscorpora.ru/>
- ПЕРЦОВА, Н. Н. *Словотворчество и связанные с ним проблемы идиостиля Велимира Хлебникова*. Научный доклад. Москва, 2000. с. 103. [online] [cit. 2016-04-04]. Dostupné z WWW: <http://www.dissercat.com/content/slovotvorchestvo-i-svyazannye-s-nim-problemy-idiostilya-velimira-khlebnikova>
- ХЛЕБНИКОВ, В. В. *Творения*. Электронная публикация. Русская виртуальная библиотека. [online] 1999-2014 [cit. 2016-04-04]. Dostupné z WWW: <http://rvb.ru/hlebnikov/mat/contents.htm#BM3>
- Словари
- ДАЛЬ, В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля*. [online] 2001-2014 [cit. 2016-04-04]. Dostupné z WWW: <http://slovari.yandex.ru/>.
- ЕФРЕМОВА, Ф. Т. *Новый словарь русского языка*. [online] 2000-2010 [cit. 2016-04-04]. Dostupné z WWW: <http://www.efremova.info/>
- УШАКОВ, Н. Д. *Толковый словарь русского языка*. [online] 2000-2010 [cit. 2016-04-04]. АКАДЕМИК. Dostupné z WWW: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
- ФАСМЕР, М. *Этимологический словарь русского языка*. [online] 2000-2010 [cit. 2016-04-04]. АКАДЕМИК. Dostupné z WWW: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/>

Приложения

Приложение №1: Список символов, использованных в комментариях анализа.

- – Толковый словарь Ушакова
- ◆ – Морфология простым языком
- – Этимологический словарь Фасмера
- ☀ – Национальный корпус русского языка

Приложение №2: Список использованных стихотворений.

Бобэоби пелись губы

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй — пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.
1908-1909

Заклятие смехом

О, рассмейтесь, **смехачи!**
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
О, иссмеяся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
1908-1909

Россия забыла напитки

Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранным свитке
Восчла роковое письмо.
Ты свитку внимала **немливо**,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебя наблюдала хотя.
Начало 1908

Mgr. Olga Bobrzyková
Slovácká 420, 691 44, Lednice
olgabobrzykova@seznam.cz

Ольга Бобрzyкова закончила магистратуру в Университете им. Масарика в Брно, на педагогическом факультете. Магистерская работа О. Бобрzyковой посвящена анализу неологизмов в творчестве Велимира Хлебникова. В настоящее время О. Бобрzyкова работает учительницей русского и английского языков в основной школе в городе Бржецлав.

Тема власти в произведениях Антона Чехова

Артур Садэцки

Annotation

This article aims to analyse the issue of authority from the point of view Patrick C. Hogan's narrative universals theory. Authority may be designated by the law, or it may pertain to a dominant position of one idea over the other one. In Chekhov's works, as it is going to be proven in the further analysis, the authority seems to be a relative notion, and thus a hero's being in authority (or in illusion of being so) can never be related with a prototypical reader's answer to contact with a text – with happiness

Keywords

authority, happiness, heroic tragicomedy;

Начало литературного творчества лежит в человеческой потребности рассказывать истории. Исследователи определяют разные причины возникновения первобытного нарратива, между прочим – мистические, религиозные вдохновения, сказавшиеся на характере самых старых текстов мировой культуры. Американский литературовед Патрик Хоган обращает внимание на другой аспект. По его мнению основой литературы являются эмоции – люди создают рассказы, причиной которых являются разные эмоции и которых задачей становится воздействие на читателя, с целью достигнуть похожего эмоционального ответа. В результате своего анализа в данной области Хоган создает теорию литературных универсалий (Hogan, 2003, 2011).

На основе сопоставительного анализа текстов из разных стран мира и разных временных планов, исследователь описывает универсальные правила литературного нарратива. В результате он признает радость (довольство) как главную эмоцию, способствующую возникновению словесного творчества. Две основные/прототипические причины радости – это романтическая связь с другим человеком и власть (Hogan, 2003, с. 94). По мнению Хогана, возникающие под влиянием базовых эмоций рассказы складываются в прототипические схемы, т. е. те же литературные универсалии (Hogan, 2003, с. 83). Итак, о радости говорится прежде всего при помощи романтической трагикомедии и героической трагикомедии¹. Наш интерес вызывает второй вид.

Героическая трагикомедия первоначально описывает героя, который теряет свое высокое положение в определенном обществе (чаще всего – престол в своем королевстве) и его место занимает узурпатор. После многих приключений (например, побег из тюрьмы), герой возвращается, побеждает узурпатора, спасает общество (например, спасает королевство от вражеской армии) и становится лидером (в трагической версии – его усилия кончаются смертью) (Hogan, 2003, с. 109-110).

Конечно – это схема, которая обнаруживается в древних текстах культуры. Главное – это история предводительства, руководства, не обязательно описывающая смертельную борьбу; в условиях XIX века, кажется, оружием такой борьбы вместо меча

---

¹ Ученый выделяет еще третий вариант литературных универсалий – жертвенную трагикомедию.

становится идея. Оттуда, как нам кажется, можно выделить два типа власти – «законную» и «идеологическую».

В настоящей статье мы попытаемся установить, как тема власти влияет на эмоциональную окраску нескольких произведений Антона Чехова. Прежде чем перейти к конкретным текстам, стоит еще вспомнить, что у Чехова власть – это многоликое явление, подход к которому изменяется у писателя в разные годы жизни. Известны, например, слова Чехова из письма А. Суворину 25 ноября 1892 года:

У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим [выделение мое – А. С.], Бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь (Чехов, 1974-1983, т. 5, с. 133)

Однако, через несколько лет, к этому же адресату Чехов пишет: *«Дайте свободу печати и свободу совести, и тогда наступит возделенное спокойствие, которое, правда, продолжалось бы не особенно долго, но на наш век хватило бы»* (Чехов, 1974-1983, т. 8, с. 143). Конечно – это все лишь маленькая часть большого биографического вопроса, о котором критики спорят уже целый век. Но мы хотим обратить внимание на то, что писатель не выступает прямо против конкретных лиц и не занимает четко определенной позиции. Чехов сам заявляет, что попытки присоединить его взгляды к идеологическим направлениям – напрасное усилие:

Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им (Чехов, 1974-1983, т. 3, с. 11)

Оттуда можно заключить, что писателя прежде всего интересует сам механизм власти – как он влияет на душу человека и его поведение в контактах с другим человеком. Так как более философское нежели политическое воззрение Чехова сказывается на его творчестве, можно предполагать, что отдельной темой у автора становится общее понятие власти (вместо конкретных проявлений).

Многие рассказы автора касаются именно названного механизма – разные герои (разница пола, возраста, общественной позиции) встают перед одной и той же проблемой – как поступать перед лицом власти. С одной стороны – «Беликовы» и «Пришибевы», слепо выполняющие и верующие в закон (и, при этом, не понимающие его); с другой стороны, Чехов показывает и людей, у которых власть отнимает способность мыслить и защищать свои права (лучший пример – это умирающий чиновник Червяков).

Рассказ, который мастерски соединяет эти два типа поведения, уже в самом заглавии указывает главную черту власти: власть – это «хамелеон» (*Хамелеон*, 1884).

Названное произведение показывает чисто русского героя – маленького человека – но уже «без глянца». Чехов успел заметить «моральную ничтожность» маленького героя, который одновременно является деспотом и подхалимом (Barański, 1975, с. 610). Герой этот – полицейский надзиратель Очумелов. Он занимается делом «золотых дел мастера Хрюкина», которого собака укусила за палец. В зависимости от того, кто

является предполагаемым владельцем собаки (генерал Жигалов/его брат или неизвестный человек/она бродячая), Очумелов кардинально меняет свое мнение и язык, которым рассуждает о деле. Стоит заметить первоначальное поведение героя, который услышал о происшедшем:

– Гм!.. Хорошо... – говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. – Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафую его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, – обращается надзиратель к городовому, – узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Не медля! Она наверно бешеная... Чья это собака, спрашиваю? (Чехов, 1974-1982, т. 3, с. 53)

Это «нормальное» поведение персонажа. Во вступлении нет никаких обстоятельств, которые требовали бы «склонить голову», поэтому Очумелов выступает в своем натуральном виде – грозит, кричит, показывает свою власть. Если учесть, что натуральное поведение – это состояние, в котором человеческий организм находится в физиологическом и психологическом равновесии, иначе говоря – состояние довольства – тогда *Хамелеон* подтверждает теорию Хогана о связи власти и радости/счастья. Очумелов доволен собою, но несколько раз его равновесие нарушается, когда голоса толпы намекают о «генеральской собаке». В один момент герою становится жарко и он снимает пальто, в другой раз – ему холодно, и он надевает свою верхнюю одежду. Эти сцены вошли в культурный обиход, символизируя неустойчивость взглядов, но стоит помнить об их эмоциональной основе. Жар и холод – это прототипические реакции на резко изменяющиеся обстоятельства, т.е. стрессовые ситуации. Рождающиеся эмоции – это в первую очередь страх.

Все это само собой разумеется, Очумелов счастлив, когда является деспотом, и чувствует страх, когда появляется высшая фигура. Интересно однако то, как долго продолжается одно эмоциональное состояние. Когда собака считается бродячей, он все время приказывает и кричит. Во второй ситуации – герой более динамичен:

– [собака] Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? – обращается Очумелов к Хрюкину. – Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей! (Чехов, 1974-1983, т. 3, с. 53)

Первое – умеренное – поведение под влиянием неожиданной информации (замечания о погоде) все таки сменяется обычной для героя невежливой речью. Попытка как можно быстрее вернуть себе довольство будет характеризовать героя уже до конца рассказа, о чем свидетельствует и последняя реплика Очумелова к Хрюкину: *«Я еще доберусь до тебя! – грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади»* (Чехов, 1974-1983, т. 3, с. 55).

Ответ героя на его собственное эмоциональное состояние является вполне понятным – это быстрое стремление к довольству. Но другая эмоциональная окраска получается у рассказа в целом.

Читатель уже с первых реплик диалога может понять, что основным предметом интереса автора не является проблема собаки и Хрюкина, а именно власть и ее влияние на полицейского надзирателя. Суть рассказа в том, что эмоциональное состояние Очумелова не совпадает (или, по крайней мере, не должно совпадать) с чувствами читателя – довольство, радость, которые испытывает герой, когда гордится своей властью, оказываются пустым, мнимым явлением – ведь власть не принадлежит ему и быстро уходит к другим лицам. Читатель ощущает, что эмоции Очумелова не строятся на постоянной ценности и у него появляются контрастные эмоции. Прежде всего – ироническая улыбка над полицейским, который, как настоящее животное, ищет своей жертвы и становится жертвой для других (генерала и его брата).

В итоге рассказ позволяет задаться вопросом – возможно ли ощутить настоящее довольство, благодаря власти? Очевидный отрицательный вывод сближает *Хамелеона* с философской рефлексией Мишеля Фуко, по мнению которого власть является относительным феноменом; ее суть в том, что ее можно осуществлять, но она органически не принадлежит никому (Foucault, 2009, s. 28). Поэтому и прав Григорий Бялый, говоря что хамелеонство касается всего общества (Бялый, 1981, с. 14) – это натуральное последствие относительного характера власти. Чехов будет помнить об этом всю свою творческую жизнь по отношению к разного типа героям. Таким образом, хотя *Хамелеон* принадлежит к раннему периоду творчества автора *Ариадны* (1895), но определяет один из главных творческих принципов Чехова – отказ от универсального нарратива (прежде всего героической трагикомедии) и прототипического эмоционального ответа со стороны читателя.

В условиях XIX столетия в России нельзя было говорить прямо о политике, о центральной власти. Поэтому «власть» в прямом смысле – основанная на законе – у Чехова появляется лишь на уровне мелких чиновников (вроде Очумелова). Однако писатели XIX века сумели назвать главные проблемы своего времени, прибегая к простым способам – описанию людей, судьба которых не имеет реального отношения к государственной политике, но, все-таки, представляет «миллион терзаний» современного общества. Идеиные споры очередных героев заменяют прямую характеристику политических вопросов. Это, как кажется, современный вариант героической трагикомедии, в которой оружием являются слова и действия в пользу других людей². У Чехова можно найти многие примеры таких столкновений, прежде всего в его зрелой драматургии и разных рассказах, как *Дом с мезонином* (1896), *Моя жизнь* (1896), *Рассказ неизвестного человека* (1892). Мы хотим обратить внимание на одно из самых известных произведений – *Дуэль* (1891).

Среди других рассказов *Дуэль* больше всего напоминает традиционную героическую трагикомедию – здесь и оружие, и борьба (в которой лишь неожиданный

---

² Оригинальная героическая трагикомедия, которую представляет Хоган, в основном принципе представляет такую же идейную борьбу – герой, победа которого приносит довольство читателю, должен придерживаться правильной, с данной точки зрения, идейной концепции.

случай спасает жизнь героя), и прямые обвинения противника во вредном воздействии на общество (прежде всего со стороны фон Корена). Но это лишь внешние признаки, которые позволяют читателю осознать, с какой традицией автор полемизирует³. На самом деле Чехов в своем зрелом, многоплановом произведении повторяет мысль, которая промелькнула уже в *Хамелеоне*.

Чтобы доказать это сходство, надо обратить внимание на последние сцены *Дуэли*. Там находятся известные слова: «*Никто не знает настоящей правды*» (Чехов, 1974-1983, т. 7, с. 453). Выговаривает их фон Корен – казалось, единственный герой твердо уверенный в своем мировосприятии. Однако его взгляд меняется (довольно неожиданно) после жизненной перемены его противника – Лаевского. Два противника в эпилоге оказываются в новом положении – они прощаются друг с другом в дружеских отношениях, отказавшись от прежних убеждений. Слова героя, которые для многих критиков определяют и позицию самого Чехова, дискредитируют главный конфликт повести. Как замечает Владимир Катаев: «*суть авторской позиции в Дуэли состоит в отвержении бесповоротных приговоров, общих, универсальных оценок людей и жизненных ситуаций*» (Катаев, 1989, с. 33). Поэтому – никто не прав, отсюда: у никого нет постоянного, вполне обоснованного мира неоспоримых ценностей и, следовательно, идеологическая «власть» невозможна. Она уходит, как и у Очумелова, но главная разница в том, что теперь Чехов затронул более широкую мысль. Если в *Хамелеоне* власть была олицетворена в фигуре отдельного человека, теперь ее относительный характер показан в универсальном масштабе – нет высшей человеческой инстанции, которая являлась бы последним звеном, настоящим обладателем истины. Настоящая правда и вытекающая из нее власть недоступны никому. Это довольно строгое и опасное заключение, но его причины объясняет В. Катаев:

В повести отразились (...) сахалинские впечатления и размышления писателя. (...) Основной конфликт Дуэли, спор между двумя антагонистами, Лаевским и фон Кореном, строится вокруг проблемы правильных оценок человеческого поведения, в частности – противозаконной жизни слабого человека. Именно на Сахалине Чехов видел, как претензии на исправление человечества могут вести к бедствиям конкретных людей, а категоричное и безусловное приложение к индивидуальным судьбам таких универсалий, как «закон», «преступление», «приговор» и т. п., – не к уничтожению, а к умножению зла (Катаев, 2011, с. 91)

Главная мысль повести влияет и на эмоциональную окраску произведения – здесь окончательно невозможна прототипическая радость от победы справедливого героя; при этом заключение повести скорее приводит к грустной мысли – такая традиционная развязка – это литературная ложь.

Мы, не обращая внимания на суть происходящего конфликта, начали с описания главной мысли произведения. Обоснованием для такого решения служит универсальный характер заключения повести – любой конфликт подвергается закону относительности,

---

³ Особенно интересно выглядит сама сцена дуэли, во время которой все участники чувствуют себя неловко, нет ожидаемой традиционной «боевой» атмосферы, см. слова Шешковского: «*Я правил дуэли не знаю, черт их побери совсем, и знать не желаю и рассуждаю не как секундант и всякая штука, а как человек и все*» (Чехов, 1974-1983, т. 7, с. 445).

никто вполне не прав и не виноват. При этом сам конфликт многократно был объектом исследований, с учетом разных философских точек зрения. Мы не будем еще раз пробовать разрешить этот спор, обратим внимание на его литературный характер в связи с универсальным нарративом.

В самом кратком изложении тема повести представляется следующим образом: «С одной стороны – Лаевский, человек безвольный, истеричный, построивший свою жизнь на непрерывной лжи. И с другой – молодой зоолог фон Корен, человек ясного ума и холодной воли, последователь социал-дарвинизма и идей Спенсера» (Катаев, 2011, с. 91). Разумеется, главная роль в споре принадлежит фон Корену, так как у него точно определен кругозор, который, согласно перечисленным идеям, сосредоточен на общественных интересах. Поэтому он замечает все пороки противника:

Что он сделал за эти два года, пока живет здесь? (...) Во-первых, он научил жителей городка играть в винт; два года тому назад эта игра была здесь неизвестна, теперь же в винт играют от утра до поздней ночи все, даже женщины и подростки; во-вторых, он научил обывателей пить пиво, которое тоже здесь не было известно; ему же обыватели обязаны сведениями по части разных сортов водок (...). В-третьих, прежде здесь жили с чужими женами тайно, по тем же побуждениям, по каким воры воруют тайно, а не явно; прелюбодеяние считалось чем-то таким, что стыдились выставлять на общий показ; Лаевский же явился в этом отношении пионером; он живет с чужой женой открыто (Чехов, 1974-1983, т. 7, с. 369-370)

За этим осуждением следует и определенный «рецепт»: «Лаевский безусловно вреден и так же опасен для общества, как холерная микроба, – продолжал фон Корен. – Утопить его – заслуга» (Чехов, 1974-1983, т. 7, с. 370). И такую цель, напоминающую ранние идеи Раскольникова, зоолог поставит себе и будет искать возможности исполнить свои (и общественные) желания. Лаевский в меньшей степени, но также замечает пороки и вред своего противника:

А живет он второе лето в этом вонючем городишке, потому что лучше быть первым в деревне, чем в городе вторым. Он здесь король и орел; он держит всех жителей в ежах и гнетет их своим авторитетом. Он прибрал к рукам всех, вмешивается в чужие дела, все ему нужно, и все боятся его. Я ускользаю из-под его лапы, он чувствует это и ненавидит меня (...). И идеалы у него деспотические (...). Для фон Корена же люди – щепки и ничтожества, слишком мелкие для того, чтобы быть целью его жизни. Он работает, пойдет в экспедицию и свернет себе там шею не во имя любви к ближнему, а во имя таких абстрактов, как человечество, будущие поколения, идеальная порода людей. Он хлопочет об улучшении человеческой породы, и в этом отношении мы для него только рабы, мясо для пушек, вьючные животные (...) (Чехов, 1974-1983, т. 7, с. 398]

На первый взгляд здесь все необходимые элементы для дальнейшей борьбы в духе современной героической трагикомедии, но уже с самого начала Чехов позволяет заметить ироническую дистанцию по отношению к эмоциональному прототипу той же героической истории.

Главное – отношение героев к обществу. Идеинная борьба соединяет двух чужих данной среде людей. Лаевский и фон Корен внесли в кавказский ландшафт новые мысли

и образцы поведения – можно сказать либеральный и деспотический – которые мешают традиционному, натуральному течению южной жизни. Оказывается, что конфликт, столкновение высоких лозунгов, передовых идеалов, касается лишь индивидуального кругозора каждого из героев. Уже тот факт свидетельствует о новом подходе Чехова к идеологической власти и героической теме, но автор идет дальше. Во-вторых, настоящие, постоянные идеалы только у одного персонажа – фон Корена, его противник не формулирует ясной и связной жизненной программы⁴. Зоолог, выступая против вредного образца жизни противника, выступает именно против его ежедневного поведения, которое не имеет никаких определенных теоретических обоснований. В-третьих, наконец, Чехов дает тщательно понять читателю, что любой идеологический конфликт лишь в своем названии является чисто идеологическим. На самом деле идеи неразрывно связаны с эмоциями, которым, большей частью, они подчиняются. Справедливо замечание Лаевского о ненависти со стороны фон Корена. Как пишет Владимир Линков:

Главная ошибка фон Корена не в том, что он не понял Лаевского и не смог предусмотреть его духовного перерождения, а в том, что он не понял самого себя. Искренне веря, что преследует своего противника из идейных пробуждений, в действительности он был движим только чувством личной неприязни. Фон Корен, как любой теоретизирующий герой Чехова, не поступает согласно декларируемым взглядам (Линков, 1995, с. 30).

Оттуда вполне понятно поведение зоолога во время дуэли. Когда секундант умоляет: *«Господа, мы не видим причинной связи между оскорблением и дуэлью (...). Вы люди университетские и образованные и, конечно, сами видите в дуэли одну только устарелую, пустую формальность и всякая штука»* (Чехов, 1974-1983, т. 7, с. 370), фон Корен нервно отвечает: *«Я желаю драться!»* (Чехов, 1974-1983, т. 7, с. 370).

Окончательно всякий след героического нарратива исчезает в конце повести, когда Лаевский переживает духовное воскресение и кардинально меняет образ своей жизни. Это допустимый выход, ибо персонаж, как мы уже заметили, не придерживался какой-либо идеи. Но последние слова фон Корена являются более неожиданной развязкой. *«Концепция фон Корена, логически стройная и основанная на последних выводах науки, оказывается уже жизни»* (Катаев, 2011, с. 92) и поэтому он переживает, в некотором роде, кризис убеждений: *«Признав свою ошибку относительно Лаевского, он признался в том, что ему неизвестно, по какому признаку надо судить людей (...).»* (Катаев, 2011, с. 92-93). Все-таки – нет уже тех взглядов, которые велели героям вступить в спор и, конечно, не будет никакой победы сторонников одного из прежних идеалов.

Итак, Чехов показывает антигероическую трагикомедию. Противники – это люди, которых мысли не имеют связи с общественным мнением; они в конце повести меняют

---

⁴ Правда, Чехов позволяет своему герою вполне осознавать свое положение, что только усиливает ироническую окраску в образе персонажа: *«Он обвинял себя в том, что у него нет идеалов и руководящей идеи в жизни, хотя смутно понимал теперь, что это значит. Два года тому назад, когда он полюбил Надежду Федоровну, ему казалось, что стоит ему только сойтись с Надеждой Федоровной и уехать с нею на Кавказ, как он будет спасен от пошлости и пустоты жизни; так и теперь он был уверен, что стоит ему только бросить Надежду Федоровну и уехать в Петербург, как он получит всё, что ему нужно»* (Чехов, 1974-1983, т. 7, с. 363).

свои идеалы; их конфликт развивается прежде всего в эмоциональном плане. Ироническую окраску приобретает даже перемена самого Лаевского – из двух противоположных позиций он выбирает... третью – перестает «болтать» и просто занимается работой. Этот, в некотором роде даже шуточный, прием позволяет Чехову показать, что также идеологическая власть является мнимой ценностью и возникающие из-за нее конфликты не приводят к проявлению героизма, а прежде всего – к ненужным нервам, потере времени, а после и к наглости и кровопролитию. Автор опять оставляет читателя без удовольствия, если тот ожидал традиционной развязки и победы того персонажа, который прав.

Власть у Чехова оказывается относительным феноменом. И законная, и идеологическая даны человеку не навсегда, они быстро уходят и, как можно заметить в эпилоге *Дуэли*, их достижение на самом деле невозможно из-за человеческой природы. Говоря об этом на языке литературы, Чехов ставит перед своей аудиторией задачу – отказавшись от прототипической схемы: власть-удовольствие, он заставляет читателя еще раз, осознанно и самостоятельно, задуматься над натурой этого феномена и задаться вопросами – насколько традиционная литература по отношению к проблеме власти отходит от реального представления действительности и что случается с человеком, который находится под влиянием власти.

Используемая литература

- BARAŃSKI, Zbigniew. Antoni Czechow In: *Literatura rosyjska w zarysie*, red. Z. Barański, A. Semczuk, cz. II, Warszawa: PWN, 1975. ISBN 83-01-06758-6.
- FOUCAULT, Michel. *Nadzorować i karać. Narodziny więzienia*, перевод Т. Komendant, Warszawa: Aletheia, 2009. ISBN 978-8362858040.
- HOGAN, Patrick Colm. *The Mind and Its Stories. Narrative Universals and Human Emotion*, Cambridge: Cambridge UP, 2003. ISBN 978-0521111416.
- HOGAN, Patrick Colm. *What Literature Teaches Us about Emotion*, Cambridge: Cambridge UP, 2011. ISBN 978-1-107-00288-3.
- БЯЛЫЙ, Григорий, *Чехов и русский реализм. Очерки*, Ленинград: Сов. Писатель, 1981.
- КАТАЕВ, Владимир (ред.). *А. П. Чехов, Энциклопедия*. Москва: Просвещение, 2011. ISBN 978-5-09-019741-0.
- КАТАЕВ, Владимир. «Крейцера соната» Л. Толстого и повести Чехова 90-ых годов In: *Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej*, t. XVI. Antoni Czechow, red. R. Śliwowski Warszawa: WUW, 1989. ISBN 978-8323005506.
- ЛИНКОВ, Владимир. *Скептицизм и вера Чехова*. Москва: МГУ, 1995. ISBN 5-211-03012-5.
- ЧЕХОВ, Антон. *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Письма в 12-ти томах*. Москва: Наука, 1974-1983.
- ЧЕХОВ, Антон. *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения в 18-ти томах*, Москва: Наука, 1974-1982.

магистр Artur Sadecki (Артур Садэцки)

аспирант, ассистент – Кафедра русской литературы и культуры XVIII-XIX в.,
Университет Марии Склодовской-Кюри в Люблине (Польша)
Почтовый адрес: ul. Kosynierów 15/9, 21-040 Świdnik (Polska)
artur.sadecki@poczta.umcs.lublin.pl

Научные интересы: когнитивная поэтика и нарратология, творчество А. П. Чехова, А. И. Куприна, И. А. Гончарова. Магистерская работа: *Психология любви в русских романах XIX века (Рудин И. С. Тургенева и Обломов И. А. Гончарова)*. В подготовке диссертация на тему когнитивных аспектов прозы А. П. Чехова

Публикация статьи осуществляется при поддержке Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине в рамках гранта филологического факультета.

Překlad tvorby Vladimira Sorokina do češtiny

Jaroslava Janečková

Annotation

The article deals with Vladimir Sorokin, one of the few contemporary Russian writers whose work has become well-known among Czech readers. In the first part Sorokin's personality and work are characterised. The second part focuses on perception of Sorokin's work in Czech culture. In the last part of the article the language analysis of translation of Sorokin's novel *The Queue* (*Očered*) is presented.

Keywords

Vladimir Sorokin, *The Queue*, analysis of translation

Osobnost a tvorba Vladimira Sorokina

Vladimir Sorokin se narodil v roce 1955 v Moskvě, vyrůstal na moskevské periferii, roku 1977 dokončil studium na Institutu nafty a zemního plynu, ale v oboru nikdy nepracoval. Odmítl vstoupit do Komsomolu, a tak byl po roce vyhozen ze svého prvního zaměstnání v Časopisu pro mladou literaturu *Smena*. Začínal jako výtvarník, zabýval se grafickým uměním. Literární tvorbě se věnuje od druhé poloviny 70. let 20. století, kdy se dostal do prostředí moskevského undergroundu. V jeho rané tvorbě (mj. i v románu *Очередь*, česky *Fronta*, poprvé vydaném r. 1985) kterou ani nepovažoval za literaturu, ale za jakýsi osobní materiál terapeutického charakteru, hraje důležitou roli kolektivní jazyk davu a ideologie. Sorokin se zabývá především traumatickou zkušeností s komunismem 20. století a reflektuje individuální i kolektivní násilí a úpadek lidské důstojnosti, provázející dějiny ruské státnosti (Glanc 2011).

Později se připojují témata klasické literatury (*Роман*, *Román*, 1994), kriminálního thrilleru (*Сердца четырёх*, *Srdce čtyř*, 1991), či budovatelská estetika (*Тридцатая любовь Марины*, *Třicátá Marinina láska*, 1995). Sorokin je také představitelem psychedelické linie v ruské literatuře – viz např. hru *Достоевский-трип* (*Dostojevskij-trip*, 1994), pojednávající o sedmi narkomanech, kteří nejsou závislí na drogách, jak by se dalo očekávat, ale na literárních dílech.

Až do poloviny 90. lety byl Sorokin považován za okrajového experimentátora, jehož provokativní obrazy vyvolávaly otázku, zda nemají za cíl jen prvoplánově šokovat čtenáře. Jeho texty se překládaly, především do němčiny, ale četli je převážně jen lidé z okruhu tehdejšího undergroundu. (Glanc 2011). Průlomová byla pro Sorokina 2. polovina 90. let, kdy získal popularitu a zejména díky románu *Голубое сало* (*Teplý špek*, 1999) a následným bestsellerům *Лип* (Hostina, 2000), *Лёд* (*Led*, 2002) se stal prominentem ruské literární scény. V tomto období se zabýval nepřírozenými změnami lidské přirozenosti a totalitarismem a svá díla začal oproti prvnímu období tvorby zasazovat do budoucnosti.

Reakce na Sorokinovu tvorbu byly v té době v Ruském prostředí bouřlivé a zároveň velmi protichůdné. Na jednu stranu obdržel za svou tvorbu v roce 2001 hned dvě ruská prestižní ocenění, cenu Národní Booker a cenu Andreje Bělého, na druhou stranu se setkával s ostrou kritikou. V roce 2002 vedlo konzervativní mládežnické hnutí *Идущие вместе* (Jdoucí pospolu, jakási prokremelská obdoba dřívějšího komsomolu) agresivní kampaň proti knihám Vladimira Sorokina, Venedikta Jerofejeva a Viktora Pelevina, při které se pálením knih snažila upozornit na jejich škodlivost. (Gregorová 2004). O několik měsíců později následovala akce zaměřená

čistě proti Sorokinovi: aktivisté pálili úryvky z jeho tvorby před moskevským Velkým divadlem, aby vyjádřili nesouhlas s tím, že divadlo podepsalo se Sorokinem smlouvu na napsání libreta k opeře *Rozenthalovy děti*. Sorokin byl také souzen za domnělou pornografii v románu *Teplý špek*, vina mu však nebyla přiznána. (Gregorová 2004). Agresivní reakce konzervativního hnutí a jeho stoupců a skandály, které byly okolo Sorokina vyvolány, zvýšily zájem společnosti o jeho osobnost. Jeho knihy se staly kultovními bestsellery a sám se začal objevovat v televizních pořadech i na obálkách časopisů.

V roce 2006 vydal Sorokin prózu s názvem *День опричника (Den opričníka)*, ve které popsal Rusko konce 20. let 21. století prizmatem drsných poměrů doby Ivana IV. Hrozného. Téma politických poměrů v Rusku rozvinul i v pokračování *Дне опричника Сахарный Кремль (Cukrový Kreml, 2008)*. V roce 2010 vyšla novela *Метель (Vánice)*, odehrávající se v budoucnosti a pojednávající o dvojici mužů, lékaři a vozkovi, kteří se uprostřed sněhové vánice vydávají na strastiplnou do vzdálené vesnice napadené zákeřnou nemocí. Sorokin novelu stylizuje do období 19. století a navozuje atmosféru realistických povídek klasických ruských autorů, zároveň však text prokládá elementy z budoucnosti, fantaskními motivy a v neposlední řadě čínskými reáliemi a jazykem. Tématem zatím posledního Sorokinova románu *Теллурия (Telurie)*, publikovaného v roce 2013, je Evropa roku 2054 – Evropa, která přežila dvě evropsko-muslimské války a vstoupila do nového středověku. Potkávají se v ní křižáci, templáři, pravoslavní, komunisté, opričníci, kentauři, trpaslíci i další postavy, známé z předchozích Sorokinových děl. Ti všichni hledají nový řád, který někteří spatřují v novém narkotiku – telurových hřebech zatloukaných rovnou do mozku. Kniha je mozaikou padesáti kapitol, z nichž každá je napsána zcela jinak, jiným jazykem, za použití jiných formálních prostředků.

Sorokin je také autorem řady dramát, mj. *Пелмени (Pelmeně)*, *Щу (Šči)*, *Hochzeitreise (Svatební cesta)*, *Капитал (Kapitál)* a filmových scénářů: *Москва (Moskva, 1999)*, *Cashfire (2002)*, *Мишень (Terč, 2011)* a *Копейка (Kopějka, 2002)*. Napsal také libreto k opeře Leonida Děsjatnikova *Дети Розенталя (Rozenthalovy děti, 2005)*. Jeho prózy a dramata byly přeloženy do více než dvaceti jazyků.

Sorokinovo dílo nelze jednoznačně zařadit do žádného uměleckého proudu ani literárního žánru. Počátky jeho tvorby jsou spjaty především s ruským konceptualismem, dále lze v souvislosti se Sorokinem hovořit o soc-artu, postmodernismu a především experimentu s jazykem i literárními žánry.

Přijetí Sorokinovy tvorby v českém prostředí

Českým čtenářům bylo dosud představeno pět titulů Vladimira Sorokina. V roce 1995 publikovalo dnes již zaniklé nakladatelství Český spisovatel román *Třicátá Marinina láska* v překladu Libora Dvořáka, roku 2010 pak vydání reeditovalo příbramské nakladatelství Pistorius & Olšanská, které v současnosti vydává všechny překlady Sorokinovy tvorby u nás, a to výhradně v překladu Libora Dvořáka, kterého už lze bez nadsázky označit za Sorokinova dvorního překladatele do češtiny. Libor Dvořák se zasloužil také o překlady novel *Den opričníka* (vydán v roce 2009), *Vánice* (rok vydání 2009, reedice v roce 2011) a nejnověji románu *Telurie* publikovaného v roce 2014. Jediným překladatelským počinem, jehož autorem není Libor Dvořák, je tak román *Fronta*, vydaný v roce 2003 nakladatelstvím Malá Skála v překladu Jakuba Šedivého.

Za zmínku stojí také překlad Sorokinovy divadelní hry *Dostojevskij-trip* (v originálu vyšla r. 1997) v podání Jany Kleňhové, který byl roku 2005 zveřejněn v časopisu *Revolver revue* a dva roky poté se dočkal i inscenace. Premiéru i následné reprízy však, jak uvádí recenze představení v *Revolver revue*, doprovázel velmi nízký zájem médií a odborné veřejnosti (*Alternativy* 2007). Režisérem inscenace, která byla umístěna do pražského klubu *RockCafé*, byl Miroslav Drábek. Překlad Jany Kleňhové se dosud nedočkal knižního vydání.

Román *Třicátá Marinina láska*, napsaný už v polovině osmdesátých let minulého století, u nás stejně jako v Rusku vyšel až v letech devadesátých a nesetkal se s výraznějším zájmem ze strany čtenářů ani kritiky. U románu zobrazujícího přerod lesbičky a disidentky Mariny díky orgastické souloži s tajemníkem stranické organizace místního závodu v uvědomělou soudružku a dělnici bylo poukazováno především na pornografický charakter textu plný vulgarismů a šokujících scén. V roce 2011 se divadelní studio *Továrna* pokusilo o inscenaci *Třicáté Marininy lásky*, kterou uvedlo na Nové scéně Národního divadla v úpravě dramatika Karla Steigerwalda a režisérky Viktorie Čermákové. Inscenace budila poněkud rozpačité dojmy a v souvislosti s jejím uvedením se v médiích nejčastěji psalo o neúspěchu, trapnosti, nudě, nepřesvědčivosti či přímo fiasku. Recenzentka představení Veronika Štefanová hledá viníka problému zejména v „dramaturgicko-režijní koncepci, která se pokusila slepit co největší množství scénických prostředků do formy přehlacené nic neříkajícími dialogy, ostrým světlem, hudbou napříč žánry, nesourodým pohybovým divadlem a projekcí.“ (Štefanová 2011).

Dosud největší ohlas vyvolala v českém kulturním prostředí novela *Den opřičníka*, jejíž medializaci podpořil sám Sorokin, když navštívil krátce po vydání českého překladu Prahu a setkal se se svými příznivci na besedě a autorském čtení v Národní knihovně v pražském Klementinu. Libor Dvořák získal za převážně pozitivně hodnocený překlad Hlavní ocenění Obce překladatelů udělené v rámci Ceny Josefa Jungmanna za rok 2010 a byl také nominován na cenu *Magnesia Litera* 2010 za překlad. Novela *Den opřičníka* byla v roce 2013 zinscenována ve Studiu *Hrdinů* v režii Kamily Polívkové, hlavní roli opřičníka ztvárnil herec Karel Dobrý. Tvůrci inscenace vsadili především na minimalistickou scénu a charisma a vynikající herecké schopnosti Karla Dobrého, který text přednáší ve formě monologu – hru lze tedy charakterizovat jako výstřední exhibicí jednoho herce (Varyš 2013). Karel Dobrý získal za roli opřičníka Cenu *Divadelních novin* za herecký výkon sezóny, Cenu *Alfréda Radoka* v kategorii *Nejlepší mužský herecký výkon* a nominaci na Cenu *Thálie*.

Poměrně vlašně byla v českém prostředí přijata novela *Vánice*. Bylo poukázáno na její vybočení z dosavadní série Sorokinových próz, na absenci násilných a obscénních scén a překvapivé polidštění vypravěče (Chlupáčová 2014).

Vydání nejnovějšího Sorokinova počínu s názvem *Telurie* u nás bylo provázáno poměrně velkým mediálním zájmem (na to, že se jedná o současnou ruskou literaturu, které se v českém prostředí jinak nedostává velkého ohlasu), což svědčí o tom, že Sorokina už lze u nás považovat za zavedeného autora, který se zapsal do povědomí českých čtenářů. O vydání knihy informovaly a její recenze otiskly celostátní periodika (*Lidové noviny*, *Mladá fronta*, *Respekt* aj.) a v *Literárních novinách* byla zveřejněna i ukázka překladu. Kritika zdůrazňuje rychlost, s jakou se Libor Dvořák překladu zhostil: v Rusku vyšla kniha v říjnu 2012 a český překlad byl publikován za necelý půlrok. Recenzentka knihy Jana Kitzlerová uvádí, že „ač Dvořákův překlad na mnoha místech vykazuje obvyklé překladatelovy nešvary (kontaminace jazykových vrstev v jedné kapitole, v jedné promluvě – obecná čeština a dialekt, přílišná volnost

překladačských řešení atd.), je třeba ocenit, že se Dvořák vypořádal (lépe či hůře) se všemi nástrahami textu.“ (Kitzlerová 2014). Celkově je *Telurie* pro svou jazykovou a formální rozmanitost kritikou považována za jednu z nejobtížněji přeložitelných Sorokinových knih.

Překlad románu *Fronta* do češtiny

Román *Fronta* byl poprvé publikován roku 1985 v pařížském nakladatelství Syntaxis, které řídil disident, satirik a literární badatel Andrej Siňavskij se svou ženou Marií Rozanovou. Sorokina a jeho tvorbu v té době znal jen úzký okruh přátel, především malířů a spisovatelů. (Glanc 2003). V Rusku vyšel román až na počátku 90. let 20. století. *Fronta*, stejně jako ostatní Sorokinova raná tvorba, bývá řazena k ruskému konceptualismu, který v daném období představovali tři významní autoři: Dmitrij Alexandrovič Prigov, Lev Rubinštejn a Vladimir Sorokin, kteří všichni patřili do undergroundu, tedy prostředí neoficiální ruské kultury. Sorokin se ve *Frontě* zaměřil na jeden z příznaků každodenní sovětské reality: na frontu, ve které se stojí na nějaké zboží. *Frontu* pojímá jako koncept, jako postup, organizující vyprávění a postupy. Zásadní roli hraje jazyk fronty: jednotlivá slova a věty mají svůj význam, ale dialog jako celek je bezobsažný, nedává žádný smysl. Jak uvádí v předmluvě k českému vydání románu Tomáš Glanc, Sorokina-konceptualistu zajímá fronta „především jako určitý jazykový režim – jako řečová kaše, kterou prochází příběh hrdinů“ (Glanc 2003, s. 7). Důležité zde nejsou ani tak jednotlivé postavy, jako spíše fronta samotná, její hlasy, zvuky, výkřiky, povely apod. Pozice autora přitom zůstává nezúčastněná.

K románu a celkově k Sorokinově tvorbě z 80. let se váže termín soc-artu, který lze charakterizovat jako sovětskou obdobu amerického pop-artu. Zatímco pop-art pracuje s tématy jako inflace a konzumní zboží, v soc-artu zaujímají místo každodenní banality ideologické texty: hesla, portréty komunistických vůdců apod. Soc-art s kriticky vymezuje vůči totalitnímu státu, socialistickému realismu i americkému, potažmo západnímu umění. Prvkem soc-artu je v Sorokinově románě už jen samotná fronta, způsobená kolabujícím hospodářským systémem Sovětského svazu a s ním spojeným nedostatkem zboží, soc-artová je také celá řada politických témat, která se ve *Frontě* probírají: stalinismus, korupce, poměry v továrnách i obchodech (Glanc 2011).

Důležitým momentem a svým způsobem i rituálem *Fronty* je tzv. *pereklička*, tedy nekonečné vyvolávání jmen lidí stojících ve frontě a přiřazených pořadových čísel, které má za cíl kontrolu jejich přítomnosti. Sám Sorokin považuje tuto zdánlivě nesmyslnou část za samotné jádro celé knihy a bránil se snahám nakladatelů tento neúměrně dlouhý výčet jmen zkrátit. Při čtení jmen přitom nejde o individuální identifikaci čekatelů, ale naopak samoúčelný akt, který mění frontu v obrovský kolektivní útvar (Glanc 2003).

V českém prostředí vyšel román *Fronta* v roce 2003 v nakladatelství Malá skála. Kniha byla vydána v překladu Jakuba Šedivého, který byl za úryvek překladu vyznamenán druhým místem v 10. ročníku překladačské soutěže Jiřího Levého (za rok 2001/2002). Vydání románu se nesetkalo s velkým ohlasem a nedostalo se mu mnoho pozornosti ze strany kritiky. Libuše Bělunková vyzdvihuje už samotnou volbu románu *Fronta*, který považuje za Sorokinův nejzdařilejší počín z konceptualistického období jeho tvorby. Kladně hodnotí především překlad expresivně zabarvených výpovědí, které pronášejí hrdinové v opilosti. Překlad však podle recenzentky „postrádá koncepci a nedokáže předat stylistickou suverenitu originálu, jež je pro knihu a její interpretaci prvořadá“ (Bělunková 2003). Překladač vytyká také přílišnou

doslovnost a tíhnutí k překládání po jednotlivých replikách, kdy není na dialog nazíráno jako na celek. Dále kritizuje i mnohomluvnost překladu a užití vycpávek, kvůli kterým překlad postrádá spád, a v souvislosti s tím dodává, že textu by prospěla výraznější redakční úprava.

Translatologická analýza překladu

Translatologická analýza byla provedena metodou komparace originálu a překladu románu *Fronta* se zaměřením na lexikální, morfologickou a syntaktickou rovinu textu. Dále byla pozornost zaměřena na výrazné rysy autorova stylu vyskytující se v románu, a to především na vulgarismy a jiná expresivní vyjádření a na oblast reálií. Analýza celkově směřovala k posouzení překladatelské metody překladatele, zhodnocení adekvátnosti překladu ve výše uvedených rovinách textu a jednotnosti přístupu při řešení jednotlivých překladatelských problémů.

Lexikální rovina překladu

Nejdistinktivnějším znakem originálu je užití hovorového jazyka, které se projevuje ve všech rovinách textu. V rovině lexikální se jedná především o hojně využití **částic a citoslovcí** jako *же, ж, вот, вон, -то, ой, ух* – např. *Ой, народу-то...*; *Что же так толкаются-то...* Dále je charakteristické četné použití výrazů z oblasti ruských sociolektů, např. **žargonu**: *легалый – chlupatej; бабки – prachy; вкапывать – makat; туфта – kec*, odtud *Это туфта чистой воды. – То же пёкней kec.*; a také lidové mluvy, tzv. **просторечия**: *Шастают и шастают. – Pořád někam couraj.*; *никудашные цвета – vošklivý barvy; А нам – фигу с маслом. – А ты абysme utřeli nos.* apod.

Autor českého překladu propojuje prostředky lexikální s morfologickými – s výrazovými prostředky obecné češtiny, a umocňuje tak stylistickou charakteristiku daných výrazů.

V lexikálním plánu nelze opomenout ani oblast **vulgarismů**, jejichž překlad může být pro překladatele velmi obtížný – pro nerodilého mluvčího totiž není snadné určit vhodnou míru expresivity. Jelikož autor hojně využívá i ty nejhrubší výrazy spadající do tzv. *русского мата*, považují za adekvátní postup překladatele, který se rovněž nezdralhal použít výrazy nejhrubšího zrna, např.:

- *Черножопые опять вон полезли. Вот гады!*
- *Ты чёрный дрэжкы zase předbíhaj. Svině jedny!*

Morfologická rovina překladu

V rovině morfologie se hovorový jazyk neprojevuje tak výrazně jako v oblasti lexikálního plánu či syntaxe. V románu *Fronta* pozorujeme snad jen tzv. nový vokativ tvořený od domáckých podob vlastních jmen či pojmenování rodinných příslušníků eliminací koncovky *Лен, Ленюк, Лидок, мам, мамаш, Петь, Вась* apod.

V českém překladu naopak hraje morfologická rovina zásadní roli ve strategii překladatele, který text důsledně stylizuje do podoby obecné češtiny – interdialektu, který nemá v ruštině paralelu, ale s jehož pomocí překladatel kompenzuje hovorovost vyjádřenou v ruštině v těch rovinách jazyka, kde to čeština neumožňuje (především v rovině syntaktické). Pro překladatelovu stylizaci jsou charakteristické především tyto rysy obecné češtiny:

- ej místo í/ý: *zejtra, vadnej, nuděj se, bejt, nehejbe se, sejra...*
- zakončení sloves ve 3. osobě plurálu přítomného času: *nemaj, spěj, brněj...*

- zakončení sloves ve 3. osobě singuláru minulého času: *nemoh, propad...*
- zakončení adjektiv a pronomin: *žádný brambory, všelijaký ty carové, krásný vlásky, spal jako zabitej, v týchle uličce, sovětskej spisovatel...*
- protetické v: *vodtamtaď, vohlá lžice, vopravdu, von, vona, vodešlo, vosum, votrava*
- krácení vokálů: *pani, nevím, támhletim, netlačím, neni, neslyším, nevidim*
- redukce konsonantů: *pude, dyť.*

Pro překladatelovu práci je důležité dodržet v textu únosnou míru uvedených rysů tak, aby plnily svou funkci, ale nepůsobily na čtenáře rušivě.

Syntaktická rovina překladu

Pro Sorokinovu stylizaci jazyka *Fronty* je zcela zásadní rovina syntaktická. V této rovině se projevují takové rysy hovorové ruštiny jako parcelace textu, elipsa, neukončenost výpovědí, pauzy ve výpovědích, vynechání spojovacích výrazů, užití jednoslovných a neúplných vět (časté je zejména vypuštění slovesa), hojně se užívají také modální a imperativní věty. Na úrovni syntaxe se tedy překladatel potýkal s jevy, které pro češtinu nejsou příliš typické. Překladatel byl často nucen rozšířit informační základ repliky na základě kontextu, do kterého je zasazena. V některých případech se s úkolem vypořádal zdárně a podařilo se mu zachovat spád dialogu originálu:

- *И баба с ним. Хабалка.*

- *A ještě ta ženská, co je s ním. To bude určitě taky pěkná mrcha.*

- *Они стояли. Я видел.*

- *Dyť voni tam stáli. Já je viděl.*

Nabízí se však otázka, zda překladatel někdy až příliš nerozšiřuje informaci uvedenou v originálu a nezasahuje tak nadbytečně do původní stylizace, jako např. zde:

Да ну, в небоскребе жить... ..

— *Здорово. Я у приятеля бываю иногда — любо-дорого. Ни шума, ни запахов. А то у нас во двор магазин выходит — рыбой несет. Ребята бегают, шумят.*

No, bydlet tak v mrakodragu...

To by bylo! Občas jsem u kamaráda a to je panečku něco! Není tam slyšet žádnéj rámus, ani žádnéj smrad tam není cejtít. K nám do dvora má totiž okna krám a pořád to tam smrdí rybinou. A ještě k tomu si tam pořád hrajou a křičej děti...

Překlad reálií

Obtížnost překladu reálií zobrazených v románu *Fronta* vyplývá ze skutečnosti, že se vychází z reálií, jež nejsou v českém prostředí známé (několikadenní fronty, stání v několika frontách zároveň, fronta jako náhrada za plnohodnotný život a také specifický jazyk fronty).

Překladatel uplatňuje především strategii oslabení detailů socialistického života, čímž se projevuje tíhnutí k nadčasovosti díla. Jeho strategie se projevuje například při překladu oslovení: v ruském originálu často užívaný výraz *товарищ*, popř. *товарищцу* překládá jako *pane, pani*, popř. *lidi*. Pouze v situaci formální komunikace, kdy k frontě hovoří milicionář, používá výrazy *soudruzzi* nebo *občané*. U překladatele celkově převažuje metoda naturalizace, např. v překladech názvů jídel (*мефтели с макаронами – klopsy s makaronama, табака – kuře na paprice*) a názvů obchodů (*сыр – mlíkárna, синтетика – elektro*), ale uplatněna je také exotizace (*милиционер – milicionář*), opisný převod (*солянка – rybí polívka, червонец -*

desetirublovka) nebo generalizace (*Двушки есть? – Máš drobný?; Я в Мытицах живу! – Bydlím deset kilometrů za Moskvou!*).

V jednom případě překladatel reálii, která není českému čtenáři známá, úplně vypouští, srov. *Швейная машинка подольского завода. a Zachovalý šicí stroj*. Zde se přitom nabízí možnost naturalizace, tj. náhrady za značku šicích strojů známou v českém prostředí, např. *šicí stroj značky Singer, Minerva nebo Lada*.

Faktické chyby v překladu

Na tomto místě uvádím několik faktických chyb, kterých se překladatel dopustil. Replika *Еще часа полтора, и все*. je přeložena jako *Ještě půl hodinky a budem tam*. místo *Ještě hodinku a půl a budeme tam.*, popř. *Ještě půldruhý hodinky a budeme tam*.

Repliku *Скажите, вы эту кофточку на машине вязали или сами?* překládá Jakub Šedivý jako *Tu blůzu jste si šila na stroji nebo v ruce?* místo *Tu blůzu jste si pletla na stroji nebo v ruce?* Překladatel zřejmě nevzal v úvahu domácí pletací stroje, ve své době oblíbené i v českém prostředí a z výrazu *машина* automaticky usuzoval na šicí stroj.

Uvádím také dialog, ve kterém se překladatel dopustil chyby při překladu toponyma, když poslední repliku přeložil jako *Směrem na Jaroslav*. místo *Směrem na Jaroslavl.*:

- *Да. Решил на даче посидеть.*
- *А у вас по какой дороге?*
- *По Ярославской.*

Nutno podotknout, že v celém románu se jedná o pouhé jednotky chyb, které výrazně nenarušují překlad jako celek. Celkově lze hodnotit překlad jako zdařilý; domnívám se, že překladateli se podařilo zejména dodržet míru expresivity a že vhodně zvolil stylizaci textu do roviny obecné češtiny.

Závěr

Vladimír Sorokin si se svou tvorbou vybudoval silnou pozici na českém knižním trhu a zapsal se do povědomí českých čtenářů. Každé další vydání jeho díla v českém překladu je provázeno očekáváním ze strany odborníků z kruhu rusistů a literárních kritiků i zainteresované čtenářské veřejnosti.

Celkově lze v českém kulturním prostředí pozorovat rostoucí zájem o Sorokinovu tvorbu. Jedním z důvodů je bezpochyby i skutečnost, že v českém prostředí dlouhodobě panuje přirozený zájem o ruskou kulturu a v posledních letech se stále více diskutuje také o česko-ruských politických vztazích a otázce vlivu Ruska na budoucí geopolitické uspořádání světa, což je otázka, kterou Sorokin ve své tvorbě rozvíjí.

Také skutečnost, že překladu Sorokinových děl se ujali Jakub Šedivý a Libor Dvořák, kteří jsou oba výbornými překladateli, mluví ve prospěch popularity Sorokinovy tvorby u nás. Dá se předpokládat, že i kvalita překladu může mít vliv na rozhodnutí čtenáře, zda si danou knihu přečte či nikoliv. (Zdaleka ne každý čtenář však považuje kvalitu překladu za relevantní kritérium při výběru četby a je také otázkou, nakolik má čtenář vůbec možnost se o ní informovat, jelikož recenze vydaných knih oblast kritiky překladu často opomíjejí.)

A přestože recenzenti a kritici nehodnotí samotná Sorokinova díla ani jejich překlady vždy jednomyslně (viz Bělunková 2003, Chlupáčová 2014 apod.), jednu skutečnost nelze

Sorokinovi upřít: jeho tvorba je natolik originální a osobitá, že nemá v českém literárním kontextu obdoby a nelze tedy ani nalézt paralelu s dílem žádného současného českého autora.

Literatura

- GLANC, Tomáš. *Souostroví Rusko: ikony postsovětské kultury*. Praha: Revolver Revue, 2011. ISBN 978-80-87037-40-9.
- SOROKIN, Vladimír. *Fronta*. Praha: Malá Skála, 2003. ISBN 80-902777-7-2.
- СОРОКИН, Владимир. *Очередь*. Москва: Захаров, 2007. ISBN 978-5-8159-0719-5.

Elektronické zdroje

- *Alternativy (Sorokin v Rock Café, Bondy v Boudě)*. [online] Revolver Revue, č. 68, 2007. [cit. 2015-10-30] Dostupný z: <http://www.revolverrevue.cz/alternativy-sorokin-v-rock-cafe-bondy-v-boude>.
- Bělunková, Libuše. *Sorokin, Vladimír: Fronta 2 (recenze)*. 2003. [online] [cit. 2015-11-05]. Dostupný z: <http://www.iliteratura.cz/Clanek/14689/sorokin-vladimir-fronta-2>
- Gregorová, Bára. *Dostojevskij je jako zmrzlá ryba se solí, pepřem a vodkou*. 2004. [online] [cit. 2016-06-15] Dostupný z: <https://www.novinky.cz/kultura/29532-dostojevskij-je-jako-zmrzla-ryba-se-soli-pepřem-a-vodkou.html>.
- Chlupáčová, Kamila. *Sorokin, Vladimír: Vánice*. 2014. [online] [cit. 2015-11-3] Dostupný z: <http://www.iliteratura.cz/clanek/33647/sorokin-vladimir-vanice>.
- Kitzlerová, Jana. *Sorokin, Vladimír: Telurie*. 2014. [online] [cit. 2015-11-05] Dostupný z: <http://www.iliteratura.cz/Clanek/33679/sorokin-vladimir-telurie>.
- Štefanová, Veronika. *Skandál?! Kdepak, pouhé fiasko*. 10. 2. 2011. [online] [cit. 2015-11-05] Dostupný z: <http://www.divadelni-noviny.cz/skandal-kdepak-pouhe-fiasko>.
- Varyš, Vojtěch. *Sorokin: "...a vrtí se údy v řítích"*. 10. 2. 2013. [online] [cit. 2015-11-03] Dostupný z: http://www.tyden.cz/rubriky/kultura/divadlo/sorokin-a-vrti-se-udy-vritich_260938.html#.UtqSJrRNzIU.

Mgr. Jaroslava Janečková

Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci

Katedra slavistiky

janeckovajaroslava@email.cz

Autorka je studentkou doktorského studia na Filozofické fakultě Univerzity Palackého v oboru Ruský jazyk. Zabývá se především překladem současné ruské umělecké literatury do češtiny.

Освещение непроверенной информации – на примере выступления министра культуры РФ в польских СМИ

Кирилл Дермановски

Annotation

The aim of this article is to present problems of journalism ethics and standards and the publication of unverified information. The research material is based on live program in polish government TV station.

Keywords

political linguistics, talk-show, journalism ethics, information war

Данная статья является попыткой рассмотрения двух способов использования непроверенной или же недостоверной информации в масс-медиа государственного масштаба. Точкой отправления для данного исследования стал выпуск одной из немногих телепередач, посвященных вопросам взаимоотношений Польши и России.

В январе 2016 года в польской медиасреде произошло событие, значимость которого в отношении политического дискурса, а также диалога польских и российских сфер власти невозможно проигнорировать. Гостем авторской программы польского государственного телеканала TVP „Студия Восток” (Studio Wschód) стал министр культуры Российской Федерации Владимир Ростиславович Мединский, который прибыл в Польшу – как оказалось – с частным визитом на церемонию памяти жертв нацистского лагеря Собибор.

Ведущая телепередачи, Мария Пшеломец является известным экспертом польских СМИ по вопросам отношений двух соседствующих государств. В своих выступлениях госпожа Пшеломец открыто заявляет о своей неприязни по отношению к легитимной власти РФ, зачастую используя риторические приемы, а также активно противопоставляя свою точку зрения и собственную трактовку событий официальной позиции Кремля:

maria.przelomiec

@mariaprzeomic

władze telewizji pogratulowały mi wywiadu, o żadnych przeprosinach nie słyszałam :)

kocham rosyjską propagandę

29 jan 2016

/власти телеканала похвалили меня за интервью, ни о каких извинениях я не слышала :)

обожаю российскую пропаганду/

Данная запись из твиттера телеведущей свидетельствует об уверенности в собственной правоте, а также дает возможность задуматься над поведением журналиста по отношению к собеседнику.

Жанр ток-шоу является основой в данном исследовании. В свою очередь агональная риторика – как искусство управления человеческим поведением посредством устного или письменного слова путем изготовления и представления определенных текстов, или в процессе обсуждения проблемы, по праву можно считать одним

из основополагающих приемов данного формата, о чем Е.В. Решетникова говорит в цитируемой работе (Решетникова, 2014, 12). Подобное направление в риторике характеризует умение встраиваться в человеческое сознание и управлять им с помощью слова. В рассматриваемых примерах речь пойдет скорее о выступлении в роли противоборствующих сторон. Попытка переубеждения собеседника (или скорее зрителя в недостаточной компетенции собеседника). Приведение кажущихся сильными доводов, вызывающих доверие аргументов.

Логическим основанием агональной риторики является одна из тактик превращения доксов (общепринятых мнений) в парадоксы – т.е. высказывания, которые открыто противоречат очевидностям, но имеют свою область смыслов.

В современном политическом дискурсе выражение пропаганда понимается односторонне, предвзято, не как необходимое обществу распространение взглядов, фактов, аргументов в защиту определенной идеи, скорее как способ культивирования априори неправдивых сведений, манипулирование общественным сознанием и при помощи переработанных мнений, слухов, домыслов или просто лжи (Синельникова, 2015, 55).

Для успешного использования конструктивной пропаганды необходима четкая цель и набор технологий для ее реализации. Выбор контент-технологий (совокупности вербальных и невербальных средств для целенаправленного управления аудиторией, воздействия на нее) определяет индивидуальный почерк журналиста в подаче материала – в чем убеждает ведущая „Студии Восток” во время беседы с иностранным гостем.

Телевизионное слово рассматривается как разновидность ораторского (публичного) искусства. В тренингах по риторике обращается внимание на важность импринтинга — первого впечатления о выступающем, складывающемся из визуального восприятия (поза, мимика, манера держаться, стиль одежды) и оценки первой фразы, которая должна удержать внимание аудитории, создать ситуацию первоначального интереса.

Политическая коммуникация вкупе с форматом телепередачи создает необходимые условия для успешного манипулирования сознанием при помощи четко разработанной стратегии оперирования фактической информацией. Информационное противостояние как часть современного политического дискурса (Чудинов, 2012, 76). В особенности данная ситуация характерна для отношений между польскими и российскими представителями властей, будь то чиновники или же журналисты государственных телеканалов. Для решения коммуникативной тактики, которую А. Казаков определяет как «решающий частную задачу комплекс речевых актов, объединенный набором специфических характеристик» (Казаков, 2013, 88), необходимы эффективные коммуникативные приемы.

В данном случае интересным представляется подход к редакционной точке зрения, а также способам ее реализации. Учитывая формат передачи возможно предположение полного взаимодействия на линии продюсер – ведущий. Однако, как выяснилось впоследствии, М. Пшеломец преследовала собственную цель при интервьюировании министра культуры. На это указывают последующие высказывания заинтересованных сторон, а также скорое отстранение от выполняемых обязанностей

М. Чункевича. Произошло это вскоре после принесения извинений в адрес Министерства Культуры РФ.

[<http://rg.ru/2016/01/29/polsha-site.html>]

Польский телеканал извинился перед Мединским за ведущую

Продюсер специальных выпусков телеканала TVP Марек Чункевич извинился за поведение известной тележурналистки Марии Пшеломец и ее "человеческие слабости" во время беседы с министром культуры Российской Федерации в эфире программы Studio Wschod. В ходе разговора ведущая перебивала Владимира Мединского, прерывала его ответы на вопросы, допускала вопиющие искажения исторических фактов и не давала возможности их опровергнуть.

[<http://www.rbc.ru/politics/30/01/2016/56aca2859a79475abcaeb1ef>]

Польский телеканал уволил сотрудника за извинения перед Мединским

Польский телеканал TVP уволил продюсера Марека Чункевича, который после передачи с участием министра культуры России направил Владимиру Мединскому письмо с извинениями за поведение журналиста.

Между тем глава TVP Мариуш Пилиш заявил, что письмо, которое направил продюсер Чункевич, не представляет официальную позицию телеканала. TVP принял решение о расторжении договора с продюсером

[<http://lenta.ru/news/2016/01/30/producer/>]

Польский телеканал уволил продюсера за извинения перед Мединским

Польский телеканал TVP уволил продюсера Марека Чункевича после того, как тот принес извинения министру культуры России Владимиру Мединскому за поведение ведущей информационной программы во время интервью. Об этом сообщает Rzeczpospolita.

Руководство телеканала, расторгнув договор с продюсером, подчеркнуло, что его извинения не являются официальной позицией TVP.

Необходимо обратить внимание на то, что реакция русскоязычных СМИ последовала незамедлительно так со стороны лояльных государству источников, как и более оппозиционных. Все три новостных сообщения отличает скорее нейтральный тон высказывания, что особенно заметно в тексте размещенном на сайте РБК. Минимум описательных эпитетов при оптимальном количестве фактов. Первый и третий тексты составлены по принципу противопоставления двух различных точек зрения.

Развитие ситуации было столь стремительным, что не оставило времени журналистам для проверки источников. Передача, скорее непозволительный перепост, одной и той же информации привела к полной дезинформации потребителя, на что обращает внимание последующее официальное заявление руководителей польского государственного телеканала TVP.

[<https://lenta.ru/news/2016/01/29/medin/>]

В Польше извинились за поведение ведущей в разговоре с Мединским

Продюсер польского телеканала TVP Марек Чункевич (Marek Czunkiewicz) извинился за поведение телеведущей во время ее интервью с министром культуры РФ Владимиром Мединским. Он направил в ведомство письмо, в котором пообещал усилить контроль над

работой журналистов. Об этом «Ленте.ру» в пятницу, 29 января, сообщили в пресс-службе Минкульта.

[<https://lenta.ru/news/2016/01/30/poland/>]

Мединский уличил Польшу в информационной войне против России

Министр культуры Владимир Мединский заявил, что польские СМИ ведут информационную войну против России. Так он прокомментировал инцидент, произошедший во время интервью польскому телеканалу TVP, в эфире программы «Вести в субботу» на канале «Россия 1».

Как рассказал Мединский, после окончания эфира ведущая призналась ему, что выдумала эту историю. «Она с улыбкой сказала: "Вы знаете, мой дедушка умер спустя много лет, где-то в Сибири, это я так сказала для образности". Вот так вот для образности формируется представление о России и русских в Польше. К сожалению», — добавил министр.

Лента.ру представляет собой оперативный новостной источник. Вероятно, именно поэтому редакторы позволили заполнить собственную новостную ленту не перепроверенной информацией несмотря на ссылку на «достоверные источники», что в последствии привело к необходимости публикации опровержения.

Стоит также обратить внимание на поведение более таблоидальной редакции. Тональность высказывания не оставляет никаких сомнений в отношении интерпретации события, а также способа его освещения:

[<http://ren.tv/novosti/2016-01-30/polskaya-televedushchaya-nahamila-rossiyskomu-ministru-vo-vremya-intervyu-video>]

Польская телеведущая нахамила российскому министру во время интервью

Во время интервью ведущая Мария Пшеломец постоянно перебивала Мединского, говорила одновременно с ним, не давала полноценно ответить на вопросы, а в конце, когда речь зашла о Красной Армии, вообще резко оборвала беседу, заявив, что время вышло.

После этого ведущая встала и ушла из студии, несмотря на то, что Мединский продолжал отвечать.

Стиль вышеуказанного текста сложно охарактеризовать как публицистический – видна эмоциональная окраска, а также резко отражено отношение автора ко всей описываемой ситуации. Лексическая составляющая указывает на поиск сенсационности в коротком новостном сообщении.

Учитывая вышесказанное, необходимо согласиться с мнением Н. Н. Кокшаровой, которая утверждает, что асимметричное распределение ролей приложимо прежде всего к так называемому конфликтному дискурсу: «Наиболее конфликтными компонентами дискурсивных моделей в политическом интервью являются речевые средства и тактики в том случае, когда нарушается асимметричное распределение коммуникативных ролей партнеров. Суть асимметрии как ключевой характеристики в интервью заключается в том, что интервьюеру отводится право начинать и завершать интервью, вводить и продолжать темы, задавать вопросы, основываясь на имеющихся у него данных. Интервьюируемому надлежит отвечать на вопросы интервьюера и реагировать на его комментарии. Смена темы в ходе интервью может произойти только

с согласия интервьюера [...] излагая свою точку зрения по тому или иному вопросу, комментируя высказывание собеседника, интервьюер провоцирует интервьюируемого на конфликтный диалог, тем самым воздействуя на целевую аудиторию в эмоциональном плане и создавая у реципиента информации желаемое психологическое состояние. Таким образом, в конфликтном типе дискурса нарушается асимметрия ролей партнеров, что в некоторых случаях ведет к несоблюдению нейтралитета интервьюера» (Кокшарова, 2015, 29).

В заключении необходимо еще раз обратить внимание на двойственность ситуации и недостаток профессионализма противопоставляющих друг другу, вернее противоборствующих журналистских сфер. И если министра В. Мединского сложно упрекнуть в поведении во время прямого включения, то М. Пшеломец повела себя неподобающим образом, обнажив чрезмерную эмоциональность и неподготовленность к конфликтной ситуации. Подтасовка аргументов, а также выдуманная история про члена семьи „для образности” указывают скорее на сенсационный, таблоидальный характер передачи, которая широко позиционируется как абсолютно экспертная. Позднейшие высказывания телеведущей подтверждают неподдельную уверенность в своей правоте или же желание не отступать от заранее избранной тактики словесного поединка.

Однако оценка русскоязычных СМИ с их незамедлительной реакцией может послужить доводом на то, что информационное противостояние между Польшей и Россией не прекращается, а скорее становится менее изысканным, т.к. для достижения целей используется все более незамысловатые технологии. В первую очередь это перепечатка непроверенной информации об извинениях продюсера передачи, которые ошибочно были истолкованы как официальные. Очередным, обращающим на себя внимание шагом, было интервью В. Мединского в студии программы „Вести” на канале Россия, а также последующее упоминание об этом на официальном сайте телеканала, в котором искажается поведение польской телеведущей. И так, М. Пшеломец предстает безграмотной популисткой, которая не предоставляет возможности своему собеседнику ответить на задаваемые вопросы. Что не вполне соответствует действительности. Не менее интересным, однако практически невозможным в своей реализации представляется анализ переводимых слов ведущей интервьюируему и обратно, насколько подробно были переданы мысли и настроения обеих сторон. Данный вопрос остается открытым, поскольку доступ к материалам переводчика закрыт. С точки зрения исследования лингвистических аспектов политического противостояния именно в подобных нюансах возможно выявление характерных черт информационного противоборства, подробно исследуемых в статье Сковородникова (Сковородников, Копнина, 2016, 44).

Подобные ситуации, к сожалению, становятся обыденными во времена информационного противостояния, а также коммерциализации СМИ, в которых каждый журналист, ведущий, продюсер вынуждены бороться за первые полосы газет или же минуты в прайм-тайм для собственных рубрик и телепередач. С социолингвистической стороны данный период представляется увлекательным, предоставляющим большое количество материала для анализа. Тем не менее, рядового обывателя, потребителя информации, сложившихся экспертных мнений, такого рода интервью, а также их

отголоски в прессе оставляют в недоумении. Поэтому русско- а также польскоязычным СМИ хочется пожелать впредь не давать волю эмоциям, а тщательно проверять используемую информацию в погони за сенсацией, что бесспорно только повысит уровень потенциального контента.

Используемая литература

- М. PRZEŁOMIEC, *TVP Studio Wschód*, 2016, Дата обновления [cit. 2016.07.13], Dostępne z: <http://vod.tvp.pl/23777617/wydanie-specjalne-27012016>
- КАЗАКОВ, А. А., Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации, *Политическая лингвистика*, 2013, н. 3(45), с. 87-90, ISSN 1999-2629, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostępne z: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=178&Itemid=177
- КОКШАРОВА Н. Н., Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве, *Автореферат диссертация*, 2015, Дата обновления [cit. 2016.07.13], Dostępne z: <http://search.rsl.ru/ru/record/01005567483>
- СКОВОРОДНИКОВ А. П., КОПНИНА Г. А., Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия, *Политическая лингвистика*, 2016, н. 1 (55), с. 42-50, ISSN 1999-2629, Дата обновления [cit. 2016.07.13], Dostępne z: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=438&Itemid=325
- СИНЕЛЬНИКОВА Л. Н., Роль риторического перформанса в превращении референтного события в медиасобытие, *Политическая лингвистика*, 2015, н. 4 (54), с. 54-58, ISSN 1999-2629, Дата обновления [cit. 2016.07.13], Dostępne z: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=413&Itemid=315
- РЕШЕТНИКОВА Е. В., *Деловая риторика: учебное пособие*, Novosibirsk, 2014, Дата обновления [cit. 2016.07.13], Dostępne z: <https://sibsutis.ru/upload/publications/9b5/fvdwusfynjmzae%20nedxpyupzcpwpgfbv.pdf>
- ЧУДИНОВ, А. П., *Политическая лингвистика: учебное пособие*. Moskva: Izdat. Nauka [u.a.], 2012. ISBN 5893498976.

Кирилл Дермановски, магистр

Филологический факультет Гданьского университета

Институт восточнославянской филологии

Wita Stwosza 55

80-952 Gdańsk, Polska

cruesaux@gmail.com

Аспирант третьего курса Филологического факультета Гданьского университета. В 2012 году окончил магистратуру в Институте восточнославянской филологии Гданьского университета. В 2013 году

поступил в аспирантуру Филологического факультета Гданьского университета. Под руководством профессора Алиции Пстыги продолжил исследования электронной политической коммуникации. С 2014 года член Кафедры исследований медиа-коммуникации при Институте восточнославянской филологии Гданьского университета.

Pražská rusistika 2016: Recenzovaný sborník příspěvků z mezinárodní konference konané dne 31. května 2016 v Praze

Jakub Konečný (ed.)

Univerzita Karlova – Pedagogická fakulta

1. vydání

125 stran

ISBN 978-80-7290-887-5